

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

Я. И. ГИЛИНСКИЙ, Ю. В. МОРОЗОВА, П. В. ФЕДЫШИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Учебное пособие для магистратуры

Санкт-Петербург
2016

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

Я. И. ГИЛИНСКИЙ, Ю. В. МОРОЗОВА, П. В. ФЕДЫШИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Учебное пособие для магистратуры

Санкт-Петербург
2016

УДК 343.9(075)
ББК 67.51я73
Г47

Рецензенты

Е. Н. РАХМАНОВА, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, доцент.

С. У. ДИКАЕВ, начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Гилинский, Я. И.

Г47 Актуальные проблемы криминологии : учебное пособие для магистратуры / Я. И. Гилинский, Ю. В. Морозова, П. В. Федышина. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 192 с.

В учебном пособии рассматриваются наиболее существенные проблемы современной криминологии: понятие преступности, ее генезис, основные тенденции преступности в современном мире, социальный контроль над преступностью. Кратко анализируются такие виды преступлений, получивших распространение во всех странах, как организованная преступность, «преступления ненависти», торговля людьми и др. Уделено внимание проблеме социального контроля над преступностью, включая наказание и предупреждение преступлений.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по программе магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

УДК 343.9(075)
ББК 67.51я73

© Санкт-Петербургский
юридический институт
(филиал) Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
<i>Глава 1. Что такое преступность.....</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. Основные тенденции преступности в современном мире и в России.....</i>	<i>20</i>
<i>Глава 3. Генезис преступности.....</i>	<i>30</i>
<i>Глава 4. Механизм индивидуального преступного поведения.....</i>	<i>43</i>
<i>Глава 5. Исследование преступности и ее прогнозирование.....</i>	<i>60</i>
<i>Глава 6. Преступное насилие.....</i>	<i>70</i>
<i>Глава 7. Организованная преступность.....</i>	<i>107</i>
<i>Глава 8. Преступность «белых воротничков».....</i>	<i>130</i>
<i>Глава 9. Социальный контроль над преступностью: проблемы и перспективы.....</i>	<i>154</i>
<i>Глава 10. Современная криминология и пути ее развития.....</i>	<i>168</i>
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	190

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждое высказанное мною суждение
надо понимать не как утверждение,
а как вопрос.

Н. Бор

Курс криминологии как науки о преступности изучается в рамках бакалавриата. Магистратура предполагает углубленное изучение наиболее актуальных, принципиально важных и дискуссионных тем. Этим определяется структура предлагаемого учебного пособия.

Ни в учебнике для бакалавров, ни в учебном пособии для магистров невозможно достаточно полно изложить все основные понятия, темы и проблемы криминологии. Так, в данном учебном пособии в весьма кратком, усеченном виде представлена история криминологии (глава 10), отсутствует криминологический анализ многих видов преступности, помимо наиболее значимых, рассмотренных в главах 6—8. Углубленное познание предмета предполагает обращение к литературе, примерный список которой предлагается в конце пособия.

Глава 1. ЧТО ТАКОЕ ПРЕСТУПНОСТЬ

Преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно.

Э. Дюркгейм

§ 1. Понятие преступности

Преступность — центральное понятие криминологии. Но, как нередко бывает в науке, наименее ясное и определенное.

Зарубежные криминологи уходят от определения этого понятия, ограничиваясь описанием *преступления* как поведенческого акта, нарушающего уголовно-правовой запрет («*behavior which is prohibited by the criminal code*»), или же констатируют три основных подхода к пониманию преступности (преступления): легалистский (преступно то, что запрещено законом), социальной реакции (преступно то, что осуждается обществом, государством, за что назначается наказание) и критический (не согласный с двумя названными)¹.

Вот некоторые из определений: «Преступления — такие акты, которые юридически осуждены государством и считаются заслуживающими наказания и контроля»², «Преступление — акт нарушения моральных правил, определенных в уголовном законе»³.

В отечественной литературе долгие годы господствовало понимание преступности как «исторически преходящего социально-правового явления классового общества, представляющего собой совокупность всех преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени»⁴. В таком определении все вызывает сомнение: и «преходящий» характер преступности, и привязанность к классовому обществу, и определение социального явления через совокупность индивидуальных поведенческих актов (нельзя определять туберкулез как «совокупность больных туберкулезом на определенной тер-

¹ Brown S., Esbensen F-A., Geis G. Criminology : Explaining Crime and its Context. Third Ed. 1998. P. 17—23 ; Burke R. H. An introduction to Criminological Theory. Third Ed. 2009. P. 5—7 ; De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary Criminology. 1996. P. 31—63 ; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. 1998. P. 13—35.

² White R., Habibis D. Crime and Society. 2005. P. 17.

³ What is Criminology? / eds. M. Bosworth, C. Hoyle. 2011. P. 36.

⁴ Криминология : учебник / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1988. С. 63.

ритории за определенный период времени»). За последние годы появились более корректные подходы, например: «Преступность — отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущие негативные для общества и людей последствия, и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ним»⁵. В целом это вполне приемлемое определение, если бы не одно «но»: попробуйте подставить в это определение вместо слова «преступность» слова «пьянство», «наркотизм», «коррупция»... Поставили? Подходит? Но тогда такое определение не специфично именно для преступности.

Более социологичны определения представителей ленинградской (санкт-петербургской) криминологической школы: «Преступность — это момент, состояние социального организма... Преступность как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма»⁶ и «Свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов»⁷. Однако и в названных определениях, правильно отражающих социальную природу преступности, отсутствует указание на ее *специфичность*. Вполне оригинально и достаточно корректно определение, предложенное А. И. Долговой: «Преступность — это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»⁸.

Случайно ли ни отечественные, ни зарубежные криминологи не «додумались» до «правильного», сущностного, содержательного определения главного предмета своих исследований? Конечно же нет. Преступность — сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ (в отличие, например, от наркотизма, пьянства, самоубийств) и определяемое с помощью двух

⁵ Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 1997. С. 22.

⁶ Спиридонов Л. И. Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 21.

⁷ Шестаков Д. А. Криминология : учеб. для вузов. СПб., 2006. С. 136.

⁸ Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 7.

разнопорядковых критериев: 1) общественной опасности, реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* — нет преступлений без указания о том в законе).

Очевидно, что в различных странах и в разное время существенно различен круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной стране — преступление, в другой — не признается таковым. То, что преступным было вчера (например, добровольное мужеложство — ст. 121 УК РСФСР 1960 г., бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни — ст. 209 УК РСФСР 1960 г.), то непременно (декриминализовано) сегодня, и наоборот (фиктивное банкротство — ст. 197 УК РФ).

В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам (*sui generis, per se*). Преступление и преступность — понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договарятся» законодатели), они суть социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь те же самые по содержанию действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления ни что иное, как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия⁹.

Мы полагаем, что конструируются (определяются индикаторы, признаки, границы) как сами социальные феномены («преступность», «наркотизм», «проституция», «терроризм», «коррупция» и др.), так и результат их осознания как проблемы («проблематизация» феномена). Так, в СССР были такие явления, как торговля и потребление наркотиков («наркотизм» как конструкт), и проституция (конструкт «проституция»), и весьма развитая коррупция (конструкт «коррупция»), но по идеологическим причинам их как бы не было, они были якобы только в капиталистическом обществе. Следовательно, ни проституция, ни наркотизм, ни коррупция не были *проблемами* в СССР, что усвоило общество вслед за государством и его пропагандой. Эти феномены-конструкты не были *проблематизированы*. И так вплоть до реально-анекдотического: «У нас секса нет!».

⁹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY, 1966.

Можно заметить, что конструктивистский подход, равно как понятие «конструктивизм», распространены в различных сферах человеческой жизнедеятельности и ее понимания — от философии (гносеологии, эпистемологии) до искусства. И понимается «конструктивизм» по-разному в философии (теории познания), математике, социальных науках, искусстве, архитектуре¹⁰. В нашем — криминологическом — случае субъект конструирования это: власть, режим, законодатель, «общество».

Любопытное наблюдение встречается у Т. Кампанеллы. В «Городе Солнца» (1623 г.) Томмазо Кампанеллы (1568—1639 гг.) нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них [жителей Города Солнца] встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, — они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, лень, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка»¹¹. Итак, в «переводе» на язык современной криминологии: определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, но тогда общество *конструирует* новый набор проступков, подлежащих наказанию; при этом меры наказания достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия она и есть утопия...

По мнению Бенедикта Спинозы (1632—1677 гг.), преступление не является чем-то естественным по своей природе, а суть социальный конструкт. «В естественном состоянии нет ничего, что было бы добром или злом по общему признанию... В естественном состоянии нельзя представить себе преступление; оно возможно только в состоянии гражданском, где по общему согласию определяется, что хорошо и что дурно, и где каждый должен повиноваться государству. Таким образом, преступление есть не что иное, как неповиновение, наказываемое вследствие этого только по праву государственному; наоборот, повиновение ставится гражданину в заслугу»¹².

¹⁰ Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология & Философия науки. 2009. Т. 20, № 2. С. 142—156 ; Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины / под ред. В. А. Лекторского. М., 2007. С. 202—271.

¹¹ Кампанелла Т. Город Солнца. М.-Л., 1947. С. 40.

¹² Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 554.

Применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis criminali exercentur* — преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется большинством зарубежных криминологов¹³. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер¹⁴: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность — социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление — не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»¹⁵.

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов.¹⁶ А отсюда, казалось бы, парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*)¹⁷.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в Оксфордском справочнике (руководстве) по криминологии¹⁸.

Итак, «термин “преступление” есть ярлык (*label*), который мы применяем к поведению, нарушающему закон. Ключевой пункт — это порождение преступлений уголовным законом, ко-

¹³ Barkan S. *Criminology : A Sociological Understanding*. NJ, 1997 ; *The Sociology of Crime and Deviance* / eds. S. Caffrey, C. Mundy. 1995 ; De Keseredy W., Schwartz M. *Op. cit.* P. 45—51 ; *Constructing Crime* / ed. Ch. Gregoriou. 2012 ; Hester S., Eglin P. *Sociology of Crime*. NY-L., 1992. P. 27—46 ; *The Problem of Crime* / eds. J. Muncie, E. McLaughlin. 1996. P. 13.

¹⁴ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // *Kriminologische Journal*. 1997. Heft 2.

¹⁵ Hulsman L. *Critical Criminology and the Concept of Crime* // *Contemporary Crisis*. 1986. № 10. P. 63—80.

¹⁶ Christie N. *A suitable Amount of Crime*. 2004. P. 10—11.

¹⁷ Christie N. *Ibid.* P. 1.

¹⁸ *The Oxford Handbook of Criminology* / eds. M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner. Fourth Ed. 2007. P. 179—337 ; См. также: Young J. *The Vertigo of Late Modernity*. L., 2007.

торый создан людьми. Преступление как таковое не существует в природе; это выдумка (invention) людей»¹⁹.

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности — «преступлений ненависти» («Hate crimes»), т. е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро-, испано-, арабо- и азиатоамериканцев, евреев, геев и лесбиянок и т. п.), показано в книге американских криминологов²⁰. В этом конструировании («*“Hate crime” is a social construct*») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций показана в одной из работ Я. И. Гилинского²¹. А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И. Г. Ясавеева²².

Очевидно, вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. Почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних способа девиантны, а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Нидерландах, Чехии, некоторых штатах США, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т. д.).

Но тогда основными в криминологии окажутся следующие вопросы: 1. Какие потребности существуют у современных людей? 2. Какие легальные возможности удовлетворения потребностей предоставляет современное общество современным людям? 3. Какие средства и способы удовлетворения потребностей признаются современным государством недопустимыми, в том числе преступными, и почему?

¹⁹ Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ, 2004. P. 2.

²⁰ Jacobs J., Potter K. Hate Crimes : Criminal Law & Identity Politics. 1998.

²¹ Гилинский Я. И. Девиантность, социальный контроль и политический режим // Политический режим и преступность. СПб., 2001. С. 39—65.

²² Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

Как заметил в 1983 году В. Коган, «преступление, независимо от его вида, образуется соединением побуждения, которое само по себе непреступно, с операцией, которая сама по себе непреступна, если такое соединение причиняет вред либо создает угрозу объектам, поставленным в связи с их социальной ценностью под уголовно-правовую охрану, и при этом запрещено уголовным правом»²³.

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, преступности в частности, совершенно произвольно²⁴. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний *не* причиняют вреда другим, или причиняют вред незначительный, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство врачом аборта²⁵.

О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что согласно букве уголовного закона большинства современных государств, включая Россию, 100 % взрослого населения — уголовные преступники. Так, по результатам нескольких опросов населения в США от 91 % до 100 % респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон признает преступлением.

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть*.

Ясно, что правовые (в том числе уголовно-правовые) нормы и их реализация (что не всегда одно и то же) непосредственно

²³ Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 89.

²⁴ Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории // Теория общества : Фундаментальные проблемы. М., 1999. С. 292—306.

²⁵ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

зависят от политического режима²⁶. Режим конструирует различные виды девиантности и преступности или создает «козлов отпущения», на которых так удобно списывать просчеты и неудачи собственной социальной политики²⁷.

Объективная сложность логического определения преступности и состоит в том, что она «конструируется» по двум разным основаниям, лежащим в разных плоскостях: 1) реальный (онтологический, объективный) *вред* и 2) «указание о том в законе», криминализированность, которая всегда является результатом *субъективной воли* законодателя. На это обстоятельство обратил внимание В. Е. Жеребкин еще в 1976 году. Он заметил, что одни признаки понятия «преступление» являются материальными, субстанциальными (общественная опасность или, более корректно — вред), тогда как другие — формальные, несубстанциальны (противоправность, указание в уголовном законе). Сам В. Е. Жеребкин так определяет эти два признака: «*Материальный признак* — это такой признак, который присущ предмету как таковому, является субстанциальным, имманентным его свойством. Это признак объективный, существующий *независимо* от субъекта познания (законодателя) и до него.

Формальный признак — это признак не субстанциальный, он не принадлежит предмету действительности, не является его имманентным свойством. Этим признаком реальный предмет наделяется субъектом познания (законодателем)»²⁸.

Исходя из представлений о преступности как частном случае девиантности, нами под *преступностью* понимается *относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе*. Аналогичное определение преступлений было предложено Джоном Хаганом: «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом»²⁹. Разумеется, эти определения тоже «хромают», носят рабочий характер и не претендуют на «правильность».

Преступность как социальный феномен характеризуется рядом свойств:

²⁶ Гишинский Я. И. Девиантность ... С. 39—65.

²⁷ Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 17—29 и др.

²⁸ Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 37.

²⁹ Hagan J. Modern Criminology : Crime, Criminal Behavior and its Control. NY, 1985. P. 49.

массовость, распространенность;
относительная статистическая *устойчивость*. Изменения носят «плавный» и закономерный характер;

историческая *изменчивость*. При этом речь идет не столько о зависимости конструкта «преступность» от воли законодателя, сколько о закономерных изменениях структуры преступности, ее качественных особенностей (например, групповая преступность была всегда, организованная — продукт XX века, заказные убийства были всегда, появление профессии киллера — одно из новшеств);

иррегулярность. Отдельные преступления (как элементы статистической совокупности) совершаются независимо друг от друга.

Релятивность, конвенциональность, историческая изменчивость, массовость, статистическая устойчивость — все эти свойства преступности заставляют думать о *преступности как культурном феномене*, как элементе культуры.

Имеется множество определений культуры. Нам представляется наиболее общим и отвечающим своему предмету понимание ее как способа человеческого существования, способа человеческой деятельности³⁰. Она включает также объективированные результаты этой деятельности. Культура служит наиболее общим внебиологическим («надбиологическим») механизмом накопления (аккумуляции), хранения и передачи (трансляции) информации, выполняя тем самым функцию социального наследования.

Для нашей темы важно, что при таком понимании культура включает не только «позитивные», одобряемые способы деятельности, но и «негативные», порицаемые. В культуру входят не только способы технического, научного, художественного творчества, но и способы взлома квартиры (с помощью «фомки» или «слоника», или путем отжима ригеля), не только нормы христианской морали, но и нормы воровской культуры (субкультуры), не только лучшие образцы мирового зодчества, но и надписи на заборах и т. д.

Каждое общество имеет ту преступность (виды преступлений, их качественное своеобразие), которая соответствует культуре данного общества, является ее элементом. В современных странах Западной Европы вряд ли кто из психически нормальных людей воспользуется таким способом убийства, как колдовство, или таким способом причинения вреда здоровью, как «сглаз». Компьютерные преступления возможны только в обществах «информаци-

³⁰ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С. 66 ; Его же: Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). М., 1983.

онной» культуры. В российскую культуру традиционно интегрирована культура «блатная», тюремная (начиная от знаменитых «Гоп-со-смыком» и «Мурки» и кончая творчеством С. Есенина, В. Высоцкого, А. Галича и др.). Культура «подсказывает» образцы поведения, образцы разрешения конфликтов, жизненных коллизий (перестать встречаться, «выяснить отношения», вызвать на дуэль, покончить жизнь самоубийством, запить, украсть, поменять место работы и др.). Культурой обусловлены не только характер и способы совершения *преступлений*, но и применяемые обществом меры социального контроля, включая наказание, на что обращает внимание современная «культуральная криминология» (подробнее о этом в главе 10 Пособия).

§ 2. Основные показатели преступности

Любое изучение и описание преступности или же ее отдельных видов требует количественных показателей. *Измерение преступности* — одна из исследовательских задач криминологии. Проблемность этой задачи объясняется рядом факторов.

Как было замечено выше, уголовное законодательство большинства современных государств сконструировано таким образом, что практически все или почти все взрослые граждане в течение жизни совершали преступления, да и не единожды (все граждане — преступники-рецидивисты). Этот феномен можно обозначить как *избыточность уголовного закона*. Понятно, что регистрируется лишь незначительная часть всех совершаемых «преступлений». Незарегистрированное большинство преступлений носит название *латентной* преступности. Ясно, что выявление и оценка масштабов латентной преступности — задача не из легких.

Иногда утверждают, что зарегистрированная (учтенная) преступность «представительна» для всей совокупности, и в зарегистрированной преступности отражается целое, как в капле воды. Но насколько мы можем доверять представительности (репрезентативности) учтенной преступности? Ведь *что* и *как* регистрируется зависит от активности населения (насколько оно, включая жертв преступлений, сообщает в органы, регистрирующие преступления, о таковых), от активности полиции (насколько она полно и точно регистрирует все факты преступлений, ставших ей известными), от государственной политики (что именно, с точки зрения властей, является главным объектом «борьбы с преступностью»), от характера преступлений (всегда ли населению и полиции становятся известны факты мошенничества, экологических преступлений, фальсификации товаров и услуг?). Во всем мире

хорошо известна *селективность* (избирательность) полиции и уголовной юстиции при выявлении, регистрации и раскрытии преступлений: наиболее полно учитываются так называемые «*street crimes*» (уличные, или «общеуголовные» преступления) и «не замечается» преступность «респектабельная», «элитарная», «беловоротничковая» (*white-collar crime*). Уголовное законодательство различных стран и в разное время признает преступными существенно различные деяния. Как сравнивать, сопоставлять при этом криминальную ситуацию и ее динамику?

В современных развитых странах существует несколько взаимодополняющих систем учета совершаемых преступлений. Прежде всего, это *официальная* полицейская (прокурорская, судебная) *статистика*. Используемая во всех странах, она формируется по разным критериям: по числу арестов подозреваемых, числу возбужденных уголовных дел, числу зарегистрированных преступлений (последний вариант был принят в СССР и в современной России). Пожалуй, наиболее полные сведения о преступности (в целом и по видам, по федеральным землям, по городам с населением свыше 200 тыс. жителей, о лицах, совершивших преступления, о жертвах и многое другое) публикуются в ФРГ³¹. Впрочем, и во многих других западноевропейских странах сведения о преступности публикуются полно, открыто и «красочно» (цветные графики, диаграммы и т. п.)³². Сравнительные статистические данные по десяткам стран имеются в отчетах ООН³³ и публикуются МВД Великобритании (Home Office)³⁴. Мировые статистические сведения собирает и публикует European Institute for Crime Prevention and Control под эгидой ООН в Хельсинки (HEUNI)³⁵.

В СССР вся уголовная статистика была засекречена. Впервые крайне убогие сведения начали публиковать с 1987 года в ежегодных статистических сборниках «СССР в цифрах». Первый относительно полный статистический сборник «Преступность и правонарушения в СССР» вышел в 1990 году и содержал наиболее общие

³¹ Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2013. Wiesbaden, 2014.

³² The 2000 British Crime Survey // Home Office Statistical Bulletin. L., 2000. 18/00 ; Recorder Crime England and Wales, 12 months // Home Office Statistical Bulletin. L., 2001.

³³ Global Report on Crime and Justice / ed. G. Newman. NY, 1999.

³⁴ Barclay G., Tavares C. International comparisons of criminal justice statistics 2001 // Home Office Statistical Bulletin. L., 2003. Issue12/03.

³⁵ Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995—2004 / eds. K. Aromaa, M. Heiskanen. Helsinki, 2008 ; International Statistics on Crime and Justice / eds. S. Harrendorf, M. Heiskanen, S. Malby. Helsinki, 2010.

сведения с 1961 года, а по отдельным преступлениям — с 1980 года³⁶. С 1992 года стали публиковаться российские ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения»³⁷.

Поскольку официальные полицейские статистические данные заведомо страдают существенной неполнотой, они дополняются проводимыми во многих странах *виктимологическими опросами* населения (*victimological survey*). Суть последних — анонимный репрезентативный (представительный) опрос жителей о том, были ли они лично или члены их семьи жертвами преступлений за определенный предшествующий опросу промежуток времени и если да, то каких именно. В США результаты такого рода опросов (*National Crime Victimization Survey* — *NCVS*) образуют второй важнейший источник сведений о преступности, наряду со статистикой ФБР, а сравнения данных *UCR* (*Uniform Crime Reports*) и *NCVS* — предмет криминологических исследований³⁸. К сожалению, в России никогда не проводились национальные (федеральные) виктимологические опросы, а региональные — лишь в небольшом количестве регионов и нерегулярно (что существенно снижает их познавательные возможности).

Третьим способом измерения масштабов преступности является метод *самоотчета* (*Self-Report Survey*). Он заключается в анонимном анкетном репрезентативном опросе населения с целью выяснить: совершал ли опрошиваемый (респондент) какие-либо уголовно-наказуемые деяния за определенный прошедший период времени. Достаточно распространенный за рубежом, этот метод почти не применяется в России.

Существуют и иные национальные или региональные исследования, направленные на решение частных задач. Так, в США хорошо известны национальные исследования молодежи (*National Survey of Youth*), позволяющие уточнить состояние молодежной преступности. В Великобритании выходят статистические сборники, посвященные женской преступности³⁹, расово-этническим характеристикам преступников⁴⁰ и т. п.

³⁶ Преступность и правонарушения в СССР : Статистический сборник 1989 / М-во внутр. дел СССР [и др.]. М., 1990.

³⁷ Преступность и правонарушения : Статистический сборник 2009—2013 / М-во внутр. дел Рос. Федерации [и др.]. М., 2014.

³⁸ Sheley J. *Criminology. A Contemporary Handbook*. Wadsworth, 2000. P. 60—79.

³⁹ *Statistics of Woman and the Criminal Justice System*. Home Office, 2000.

⁴⁰ *Statistics on Race and the Criminal Justice System*. Home Office, 2000.

Напомним кратко *основные показатели*, характеризующие ситуацию с преступностью.

Объем преступности — абсолютное количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени (например, в России в 2015 году было 2 352 098 преступлений).

Уровень преступности — количество преступлений, зарегистрированных на определенной территории за определенный период времени, в расчете на какое-либо количество жителей этой же территории (обычно в расчете на 100 тыс. человек, хотя возможен расчет и на 10 тыс., и на 1 тыс. человек). Нередко уровень преступности рассчитывается на 100 тыс. жителей, достигших возраста наступления уголовной ответственности (в России — с 14 лет).

Уровень преступности на 100 тыс. человек населения рассчитывается по формуле:

$$K = \frac{n \times 10^5}{N}, \text{ где}$$

K — коэффициент преступности;

n — количество зарегистрированных на определенной территории за определенное время преступлений;

N — численность населения (или численность населения в возрасте с 14 лет) на этой же территории.

Коэффициент преступности (как показатель ее *уровня*) является важнейшим показателем и позволяет сравнивать состояние преступности в различных странах и регионах. В России в 2015 году он составил 1 608,1.

Структура преступности — внутренний состав преступности по видам преступлений (в 2013 году краж в России было зарегистрировано 41,8 % от всех зарегистрированных преступлений, мошенничества — 7,5 %, разбоев и грабежей — 4,9 %, фактов хулиганства — 0,2 %, тяжких насильственных преступлений — 2,3 %, фактов присвоения и растрат — 1,3 %, иных преступлений — 42,0 %⁴¹) или по социально-демографическому составу лиц, совершивших преступления, или по иному основанию.

Удельный вес — доля каждого структурного элемента преступности, исчисляемая в процентах (так, в наших примерах

⁴¹ Состояние преступности в России за январь—декабрь 2013 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <http://mvd.ru/press-center/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 20.01.2016).

удельный вес краж был 41,8 %, удельный вес женской преступности — 15,2 %).

Динамика преступности — изменение вышеуказанных показателей (объем, уровень, структура) во времени.

Иные показатели. Помимо четырех вышеуказанных основных показателей в криминологии применяются многочисленные другие количественные характеристики преступности, отдельных видов преступлений, лиц, совершивших преступления: *индекс судимости* (число лиц, осужденных к уголовным наказаниям по вступившим в законную силу приговорам, на определенной территории за определенный промежуток времени в расчете на 100 тыс. жителей); *индекс латентности* преступности (отношение незарегистрированного объема преступности к зарегистрированной ее части); *коэффициент криминальной активности* (отношение определенной социально-демографической группы населения в числе лиц, совершивших преступления, к доле этой же группы в населении); *уровень раскрываемости* преступлений (отношение раскрытых преступлений к зарегистрированным); *уровень виктимности* (отношение доли определенной социально-демографической группы населения в числе жертв преступлений к доле этой группы в населении) и другие, а также *интегративные показатели*, учитывающие одновременно количество преступлений, их тяжесть и другие характеристики⁴².

Наконец, еще одно понятие, характеризующее преступность, — ее *состояние*. Обычно под состоянием преступности понимается ее обобщенная характеристика, включающая объем, уровень, структуру, динамику, латентность, причиненный ущерб и т. п., т. е. общая характеристика криминальной ситуации на определенной территории в определенное время, место. Однако в отечественной криминологической литературе прошлых лет под *состоянием* преступности нередко понималось то, что сегодня чаще называется *объемом*.

§ 3. Латентная преступность

Выше упоминалось, что под латентной преступностью (от англ. *dark number*, нем. *dunkel Ziffer* — темное число) понимается ее незарегистрированная часть. В связи с распространенной из-

⁴² Забрянский Г. И. Методика статистического изучения преступности : (введение в криминологическую статистику) : учеб. пособие. М., 2010 ; Коган В. М. Социальные свойства преступности : учеб. пособие. М., 1977. С. 37—44 ; Максимов С. В. Краткий криминологический словарь. М., 1995.

быточностью уголовно-правового закона (криминализация деяний, не представляющих серьезной общественной опасности, «преступлений без жертв»), а также с учетом реальных возможностей полиции и уголовной юстиции подавляющее большинство деяний, формально подпадающих под действие уголовного закона, остаются неучтенными, незарегистрированными. Более того, известно, что из числа зарегистрированных раскрывается не более половины, из которых доходят до суда еще меньше, а осуждается меньшее число лиц, нежели предстает перед судом. Это — так называемая «воронка уголовной юстиции», которая не может «переварить» даже все зарегистрированные преступления (например, в 2013 году в России было рассмотрено 11 671 978 заявлений о совершенных преступлениях, зарегистрировано 2 206 249 преступлений, выявлено лиц, совершивших преступления, 1 012 563, осуждены по приговорам, вступившим в законную силу, 735 605 человек).

Различают несколько видов латентности преступлений, из них три основные.

Естественная латентность. Органам, регистрирующим преступления, не известно о них. Чаще всего это бывает потому, что потерпевшие от преступлений не сообщают о них. Нередко потерпевшие не знают о том, что они стали жертвами преступления (при экологических преступлениях, в результате фальсификации продуктов питания и др.).

Искусственная латентность. Правоохранительным органам стало известно о факте преступления, но они его не регистрируют. Искусственная латентность приобретает массовый характер в тоталитарных и авторитарных государствах. Причинами этого является желание скрыть от населения истинные масштабы преступности, борьба за «честь мундира», желание «выслужиться» (чем «меньше» преступлений, тем «лучше» работает милиция/полиция), а то и выполнение прямого приказа «сверху».

Пограничная латентность. Правоохранительным органам известно о событии, но вследствие юридической ошибки, заблуждения оно ошибочно воспринимается как непроступное. Например, в результате ошибочного заключения пожарной инспекции факт пожара расценивается как самовозгорание, а в действительности имел место поджог. Или хорошо замаскированное убийство воспринимается как самоубийство или несчастный случай.

Латентность существует во всех странах, но ее масштабы и соотношение видов существенно зависят от профессионализма и добросовестности работы полиции, а также от уголовной полити-

ки государства. Существует много способов и методик определения уровня латентности различных видов преступности⁴³. Выше уже назывались виктимологические опросы и самоотчеты. Нередко используется метод *экспертных оценок*, когда специалисты в той или иной области на основе профессиональных знаний отвечают на вопрос о предполагаемом уровне латентности определенного вида преступлений⁴⁴.

Возможно уточнение уровня латентной преступности в результате специальных экономических, бухгалтерских, технологических исследований. Так, изучая расход электроэнергии, сырья, промышленных вод на предприятии и сравнивая эти данные с выпущенной продукцией, можно определить размер хищений готовой продукции.

Глава 2. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И В РОССИИ

Everybody does it!⁴⁵
Thomas Gabor

Начиная обзор состояния преступности и основных тенденций ее изменений, необходимо напомнить, что мы можем судить только о *зарегистрированной* ее части, а потому любые наши суждения будут носить относительный, ориентировочный характер, лишь более или менее приближенный к реальной ситуации. С другой стороны, нельзя совсем пренебречь имеющимися данными уголовной статистики и, по возможности, результатами исследований, ибо они составляют необходимую эмпирическую базу для теоретических рассуждений. Кроме того, даже относительно неполные данные, проанализированные за несколько лет, позволяют выявить тенденции преступности.

Хорошо известно, что после Второй мировой войны основной общемировой тенденцией являлся *абсолютный и относительный* (в расчете на 100 тыс. населения) *рост* регистрируемой преступ-

⁴³ Горяинов К. К. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.

⁴⁴ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001—2002 гг. : стат. сб. / авт. кол.: П. Э. Жигонский [и др.] ; М-во юстиции Рос. Федерации ; Рос. правовая академия. М., 2004 ; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С. М. Иншакова. М., 2011.

⁴⁵ «Каждый делает это!».

ности. Этот вывод основывается, прежде всего, на анализе четырех обзоров ООН, предпринятом В. В. Лунеевым (табл. 1)⁴⁶. Аналогичные сведения публикуют и иные источники⁴⁷.

Наблюдался устойчивый рост зарегистрированной преступности при значительно более высоком уровне преступности в развитых странах по сравнению с развивающимися.

Т а б л и ц а 1

Усредненные и оценочные данные о преступности в мире

Номера обзоров и годы	Число стран, приславших ответы	Уровень преступности (на 100 тыс. населения)		
		Развитые страны	Развивающиеся страны	Всего
Первый, 1975	64	4200	800	1600
Второй, 1980	70	5200	1000	3200
Третий, 1985	78	6800	1300	4100
Четвертый, 1990	95	8000	—	5500
Прогноз, 1995	100	Свыше 8000	Свыше 1500	Свыше 7000

Аналогичный тренд наблюдался до 2006 года и в России (табл. 2). Однако с конца 1990-х—начала 2000-х гг. происходит сокращение количества и уровня (на 100 тыс. населения) преступлений во всем мире, во всех странах Европы, Азии, Африки, Австралии, Северной и Южной Америки⁴⁸. Наиболее ярко это проявляется в динамике уровня убийств — как наиболее опасного и наименее латентного преступления (табл. 3)⁴⁹.

Как мы видим из таблицы 2, точно такая же ситуация наблюдается с динамикой преступности в России после 2006 года, а по

⁴⁶ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2011. С. 331.

⁴⁷ Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995—2004 ... ; Ежегодник Home Office Statistical Bulletin ... ; Ежегодник Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland ... ; и др.

⁴⁸ International Statistics on Crime and Justice ... (и вышеупомянутые ежегодники).

⁴⁹ Источники: Ежегодник World Health Statistics. Geneve ; Barclay G., Tavares C. Op. cit. ; UNODC: Intentional homicide (1995—2011).

ряду преступлений — с 2001—2006 гг. (табл. 4). Незначительный рост в 2015 году предположительно может объясняться ростом краж в связи с ухудшившимся экономическим положением (это подтверждается продолжающимся и в 2015 году снижением уровня других преступлений, в частности тяжких насильственных преступлений).

Т а б л и ц а 2

**Зарегистрированная преступность, число выявленных лиц
и осужденных в России (1961—2015)⁵⁰**

Годы	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. населения)	Число выявленных лиц	Число осужденных
1	2	3	4	5
1961	534 866	446,5	—	—
1962	539 302	446,1	—	—
1963	485 656	397,7	—	—
1964	483 229	392,2	—	—
1965	483 550	388,7	—	—
1966	582 965	464,5	596 764	—
1967	572 884	452,5	628 463	—
1968	618 014	483,6	626 129	—
1969	641 385	497,6	659 607	—
1970	693 552	533,1	700 685	554 589
1971	702 358	536,6	652 763	574 350
1972	706 294	536,3	698 964	575 056
1973	695 647	524,6	682 399	538 156
1974	760 943	570,4	718 161	579 642
1975	809 819	603,4	753 005	581 035
1976	834 998	618,0	770 473	599 652
1977	824 243	606,5	746 354	525 984
1978	889 599	650,7	782 099	557 564
1979	970 514	705,8	818 746	590 538
1980	1 028 284	742,2	880 908	645 544
1981	1 087 908	779,7	919 001	682 506
1982	1 128 558	803,1	988 946	747 865
1983	1 398 239	988,1	1 077 802	809 147
1984	1 402 694	984,4	1 123 351	863 194
1985	1 416 935	987,5	1 154 496	837 310

⁵⁰ Здесь и далее приведены данные по Российской Федерации. См.: ежегодники «Преступность и правонарушения», «Состояние преступности в России», а также: Генеральная прокуратура Российской Федерации : портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map

О к о н ч а н и е т а б л . 2				
1	2	3	4	5
1986	1 338 424	929,9	1 128 439	797 286
1987	1 185 914	816,9	969 388	580 074
1988	1 220 861	833,9	834 673	427 039
1989	1 619 181	1 098,5	847 577	436 988
1990	1 839 451	1 242,5	897 299	537 643
1991	2 173 074	1 463,2	956 258	593 823
1992	2 760 652	1 856,5	1 148 962	661 392
1993	2 799 614	1 887,8	1 262 737	792 410
1994	2 632 708	1 778,9	1 441 568	924 754
1995	2 755 669	1 862,7	1 595 501	1 035 807
1996	2 625 081	1 778,4	1 618 394	1 111 097
1997	2 397 311	1 629,3	1 372 161	1 013 431
1998	2 581 940	1 759,5	1 481 503	1 071 051
1999	3 001 748	2 026,0	1 716 679	1 223 255
2000	2 952 367	2 028,3	1 741 439	1 183 631
2001	2 968 255	2 039,2	1 644 242	1 244 211
2002	2 526 305	1 754,9	1 257 700	859 318
2003	2 756 398	1 926,2	1 236 733	773 920
2004	2 893 810	2 007,2	1 222 504	793 918
2005	3 554 738	2 499,8	1 297 123	878 893
2006	3 855 373	2 700,7	1 360 860	909 921
2007	3 582 541	2 519,0	1 317 582	916 479
2008	3 209 862	2 260,5	1 256 199	—
2009	2 994 820	2 112,0	1 219 789	892 360
2010	2 628 799	1 852,6	1 111 145	845 071
2011	2 404 807	1 682,9	1 041 300	782 274
2012	2 302 168	1 607,8	1 010 900	739 278
2013	2 206 249	1 539,6	1 012 563	735 605
2014	2 190 578	1 500,4	1 006 003	719 297
2015	2 352 098	1 608,1	1 063 034	733 607

И перед мировой криминологией встал вопрос: чем объясняется это неожиданное общемировое сокращение объема и уровня преступности? В России пытались объяснить тенденцию снижения уровня преступности традиционным сокрытием преступлений от регистрации. И это действительно имеет место. Однако общемировой характер тренда не позволяет ограничиться столь простым объяснением. Назовем несколько гипотез, существующих в современной криминологии.

Во-первых, преступность как сложное социальное явление развивается по своим собственным законам, не очень оглядываясь на полицию и уголовную юстицию, и, как большинство социальных

процессов, волнообразно⁵¹ (напомним, что с начала 1950-х гг. и до конца 1990-х гг. преступность росла во всем мире).

Во-вторых, большую часть зарегистрированной преступности составляет «уличная преступность» (*street crime*) — преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, собственности. «Беловоротничковая преступность» (*white-collar crime*), будучи высоколатентной, занимает небольшую часть зарегистрированной преступности. А основные субъекты «уличной преступности» — подростки и молодежь, которые в последние десятилетия «ушли» в виртуальный мир Интернета. Там они встречаются, любят, дружат, ненавидят, «стреляют» (так называемые «стрелялки»), «убивают», совершают мошеннические действия и т. п., удовлетворяя — осознанно или нет — потребность в самоутверждении, самореализации.

Обычно взрослые негативно относятся к «стрелялкам», пытаясь запретить их размещение в сети или же ограничить к ним доступ. Между тем университеты в Вилланове и Ратгерсе опубликовали результаты своих исследований связи между преступлениями и видеоиграми в США⁵². Исследователи пришли к выводу, что во время пика продаж видеоигр количество преступлений существенно снижается. «Различные измерения использования видеоигр прямо сказываются на снижении таких преступлений, как убийств», — заявил Патрик Марки (Patrick Markey). Дело в том, что люди, которым нравятся жестокость и насилие, больше играют в видеоигры с явной демонстрацией жестокости. Таким образом, они «оздоравливаются» с помощью игр. Кроме того, эти лица предпочитают больше времени проводить за игрой, снижая тем самым количество преступлений на улицах.

В-третьих, возможно, имеет место «переструктуризация» преступности, когда «обычную» преступность теснят малоизученные и почти не регистрируемые, высоколатентные виды преступлений эпохи постмодерна, в частности киберпреступность.

В-четвертых, как считают участники одной из сессий («*The Crime Drop*») XII Европейской конференции криминологов (Бильбао, 2012), причиной снижения уровня преступности может быть повышенная «секьюритизация» как результат массового использования современных технических средств безопасности (видеокамеры, охранная сигнализация и т. п.).

⁵¹ Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992.

⁵² Как игры влияют на преступность // Хроники событий со всего мира : сайт. URL: <http://hronika.info/igry/33627-kak-igry-vliyayut-na-prestupnost.html> (дата обращения: 27.11.2015).

Как бы то ни было, дискуссия о современных тенденциях глобальной преступности не закончена и ждет новых гипотез и их подтверждений или опровержений.

Между тем в России при позитивном сокращении уровня преступности сохраняется неблагоприятная ситуация по ряду показателей.

Так, Россия занимает одно из ведущих мест в мире по уровню убийств (в расчете на 100 тыс. населения), уступая только некоторым странам Африки и Латинской Америки.

Первое место в мире у России по душевому потреблению алкоголя: по разным источникам от 15 л до 18 л абсолютного алкоголя на человека⁵³. Мы опережаем такие винодельческие страны, как Франция, Италия, Испания, Португалия. В России неблагоприятна структура потребления алкогольных изделий: водка, самогон (не говоря уже о денатурате), в отличие от «винопьющих» и «пивопьющих» стран Западной Европы и Северной Америки. Велика доля «пьяной преступности» (в среднем 20—30 % всех преступлений, а по тяжким насильственным преступлениям до 65—80 %).

Россия разделяет с Украиной и Нигерией первые три места в мире по различным показателям (жертвы, преступники, транзит) торговли людьми⁵⁴.

Также значительны показатели наркопотребления и нелегальной наркоторговли.

Российская организованная преступность давно пополнила ряды международной преступности. Ее сращивание с правоохранительными органами и местной властью хорошо проиллюстрировал «кушевский феномен». Все это обуславливает повышенную значимость системы социального контроля над преступностью в России.

⁵³ По официальным данным Роспотребнадзора (экспертные оценки даже выше), душевое потребление поднялось до 18 л чистого алкоголя в год. Порог безопасности, определенный ВОЗ для любой страны в 8 л, превышен, по крайней мере, вдвое. Без принятия самых экстренных мер деградация России, ее народа неизбежна (см.: Герасименко Н. Если не примем срочных мер, то просто пропьем страну // Российская Федерация сегодня : журнал. 2009. № 4. URL: http://www.russia-today.ru/old/archive/2009/no_04/04_topic_01.htm (дата обращения: 27.10.2016).

⁵⁴ Кангаспунта К. Отображение ситуации, касающейся торговли людьми: предварительные выводы анализа базы данных о торговле людьми // Форум по проблемам преступности и общества. 2003. Т. 3, № 1—2.

Уровень (на 100 тыс. населения) смертности от убийств в некоторых государствах (1984—2013 гг.)

Годы	Страны																						
	Австралия	Австрия	Аргентина	Венгрия	Германия	Дания	Израиль	Испания	Италия	Канада	Колумбия	Мексика	Нидерланды	Норвегия	Польша	Россия	США	Финляндия	Франция	Швейцария	Швеция	Южная Африка	Япония
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
1984			4,5					0,9	1,6		33,3						8,2						
1985			4,9					1,0	1,5			18,6				8,5	8,9						
1986						1,2	1,8	1,0	1,3	2,0		19,4	1,0	1,5	1,7	6,6	8,5		1,2			1,4	
1987	1,9	1,3	5,4	2,5	1,1	1,0	1,3	1,2	1,6	2,2			0,9	1,4		6,3	8,9	3,1	1,1	1,2	1,2		0,7
1988	2,4	1,2		2,7	1,1	1,1	1,3		1,9				0,9	1,1	1,7	7,2		2,8	1,0	1,2	1,4		0,7
1989	1,8	1,1		2,9	1,0	1,2				2,1			0,9	1,3	2,1	9,2	9,9	3,2	1,1	1,3			0,6
1990	2,2	1,6	5,0	3,1		1,0	1,7	0,9	2,6						2,9	10,5	10,4			1,5	1,3		0,6
1991	2,5		4,3		1,1		1,2	0,9	2,8	2,3	89,5	17,5	1,2	1,5		10,9	9,8		1,1		1,4		
1992	1,6	1,5	4,6	4,0	1,2	1,3	1,4	1,2	2,2	2,1	88,5	18,8	1,3	1,1	2,9	15,5	9,9	3,4	1,0	1,5	1,3		0,6
1993	1,8	1,3	4,4	4,5	1,2	1,2	2,3	0,9	1,7	1,8	88,5	17,8	1,2	0,9	2,7	19,6	9,1	3,3	1,1	1,5	1,3		0,6
1994	1,8			3,5	1,2	1,3	2,7	0,9		1,7	78,7	17,7	1,1	0,8	2,9	21,8	9,1	3,2	1,1	1,3	1,2		0,6
1995	1,8	1,0	7,8	2,9	1,7	1,1	2,1	1,0	1,8	1,8	69,7	16,9	1,9	1,0	2,2	21,4	8,1	2,9	2,3	1,2	0,9	64,9	0,5

О к о н ч а н и е т а б л . 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
1996	1,7	1,2	8,5	2,6	1,7	1,3	2,1	1,0	1,7	1,9	71,8	15,5	1,4	1,0	2,3	19,9	7,3	3,0	2,0	1,2	1,1	60,4	0,5
1997	1,7	0,8	9,1	2,8	1,5	1,7	2,8	1,2	1,5	1,8	67,2	14,2	1,3	0,9	2,1	19,9	6,7	2,7	1,7	1,2	1,0	57,1	0,5
1998	1,5	1,0	7,2	2,8	1,2	0,9	2,5	1,3	1,5	1,7	60,1	14,1	1,1	0,9	4,9	20,1	6,2	2,2	1,6	1,1	1,5	57,7	0,6
1999	1,8	0,8	7,3	2,5	1,2	1,0	2,3	1,2	1,4	1,6	62,3	12,4	1,3	0,8	4,7	21,3	5,6	2,8	1,6	1,2	1,5	51,2	0,5
2000	1,6	1,0	7,2	2,0	1,2	1,1	2,4	1,4	1,3	1,6	66,7	10,7	1,1	1,1	5,7	21,9	5,5	2,9	1,8	1,0	1,6	48,6	0,5
2001	1,6	0,9	8,2	2,5	1,1	1,0	3,6	1,4	1,2	1,8	68,9	10,2	1,3	0,8	2,0	23,1	5,6	3,0	1,8	1,2	0,3	47,2	0,5
2002	1,6	0,8	9,2	2,0	1,2	1,0	3,6	1,4	1,1	1,7	70,2	9,8	1,2	1,0	1,9	22,5	5,6	2,5	1,9	1,2	1,1	46,8	0,5
2003	1,5	0,6	7,6	2,3	1,0	1,2	3,1	1,4	1,2	1,7	56,4	9,7	1,3	1,1	1,7	22,1	5,7	2,0	1,6	1,0	0,9	42,5	0,6
2004	1,3	0,7	5,9	2,1	1,1	0,8	2,7	1,2	1,2	1,7	47,7	8,9	1,2	0,8	1,7	21,9	5,5	2,8	1,6	1,1	1,2	39,8	0,6
2005	1,3	0,7	5,5	1,6	1,1	1,0	2,5	1,2	1,0	1,8	42,1	9,3	1,1	0,7	1,5	21,5	5,6	2,3	1,6	1,0	0,9	38,8	0,6
2006	1,4	0,7	5,3	1,7	1,0	0,5	2,7	1,1	1,1	1,7	40,0	9,7	0,8	0,7	1,3	79,2	5,8	2,3	1,4	0,8	1,0	39,7	0,5
2007	1,2	0,5	5,3	1,5	0,9	0,7	1,8	1,1	1,1	1,6	38,8	8,1	0,9	0,6	1,4	15,6	5,7	2,4	1,3	0,7	1,2	37,9	0,5
2008	1,2	0,5	5,8	1,5	0,9	1,0	1,9	0,9	1,0	1,7	35,9	12,7	0,9	0,7	1,2	14,5	5,4	2,5	1,4	0,7	1,0	36,8	0,5
2009	1,2	0,5	5,5	1,4	0,9	0,9	1,8	0,9	1,0	1,6	34,6	14,7	0,9	0,6	1,3	12,6	5,0	2,3	1,1	0,7	0,9	33,8	0,4
2010																							
2011	1,1	0,8	5,5	1,4	0,8	0,8	2,0	0,8	0,9	1,5	33,2	23,7	0,9	2,3	1,2	10,2	4,7	2,2	1,2	0,6	1,0	30,9	0,3
2012																							
2013	1,1	0,9	5,5	1,3	0,8	0,8	1,8	0,8	0,9	1,6	30,8	21,5	0,9	2,2	1,2	9,2	4,7	1,6	1,0	0,6	0,7	31,0	0,3

Т а б л и ц а 4

Динамика некоторых преступлений в России (1985—2015 гг.)

Годы	Умышленные убийства (с покушениями)		Причинение тяжкого вреда здоровью		Грабежи		Разбойные нападения		Кражи	
	Абсолютное количество	Уровень	Абсолютное количество	Уровень	Абсолютное количество	Уровень	Абсолютное количество	Уровень	Абсолютное количество	Уровень
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1985	12 160	8,5	28 381	19,9	42 794	29,9	8 264	5,8	464 141	324,7
1986	9 437	6,6	21 185	14,7	31 441	21,8	6 018	4,2	380 582	264,4
1987	9 199	6,3	20 100	13,9	30 441	21,0	5 656	3,9	364 510	251,1
1988	10 572	7,2	26 639	18,2	43 822	29,9	8 118	5,5	478 913	327,2
1989	13 543	9,2	36 872	25,0	75 220	51,0	14 551	9,9	754 824	512,1
1990	15 566	10,5	40 962	27,7	83 306	56,3	16 514	11,2	913 076	616,8
1991	16 122	10,9	41 195	27,8	101 956	68,8	18 311	12,4	1 240 636	237,3
1992	23 006	15,5	53 873	36,2	164 895	110,9	30 407	20,4	1 650 852	1 110,2
1993	29 213	19,6	66 902	45,1	184 410	124,3	40 180	27,0	1 579 600	1 065,2
1994	32 286	21,8	67 706	45,7	148 546	100,4	37 904	25,6	1 314 788	888,4
1995	31 703	21,4	61 734	41,6	140 597	95,0	37 651	25,5	1 367 866	924,6
1996	29 406	19,9	53 417	36,2	121 356	82,2	34 584	23,4	1 207 478	818,0
1997	28 285	19,9	46 131	31,4	112 051	76,2	34 318	23,3	969 800	716,3
1998	29 551	20,1	45 170	30,8	122 366	83,4	38 513	26,2	1 143 364	779,2
1999	31 140	21,3	47 669	32,6	138 973	95,0	41 138	28,1	1 413 810	966,2
2000	31 829	21,9	49 784	34,2	132 243	91,0	39 437	27,1	1 310 079	900,0

О к о н ч а н и е т а б л . 4

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>11</i>
2001	33 583	23,1	55 739	38,4	148 814	102,5	44 806	30,9	1 273 198	879,2
2002	32 285	22,5	58 469	40,7	167 267	116,5	47 052	32,8	926 815	645,8
2003	31 630	22,1	57 087	39,9	198 036	138,3	48 673	33,9	1 150 772	803,6
2004	31 553	22,1	57 352	40,1	251 433	175,7	55 448	38,7	1 276 880	892,3
2005	30 849	21,7	57 863	40,3	344 440	242,2	63 671	44,8	1 572 996	1 106,2
2006	27 462	19,2	51 429	35,0	357 302	250,3	59 763	41,9	1 676 983	1 174,7
2007	22 227	15,6	47 348	33,3	295 071	207,5	45 318	31,9	1 566 970	1 101,8
2008	29 556	14,5	45 436	31,9	243 957	171,8	35 366	24,9	1 326 342	934,0
2009	17 861	12,6	43 112	30,4	205 379	144,8	30 085	21,2	1 188 574	838,2
2010	15 563	10,8	39 745	28,0	164 547	115,9	24 537	17,3	1 108 369	781,1
2011	14 305	10,2	38 512	26,9	122 772	85,9	20 080	14,1	1 038 566	727,3
2012	13 265	9,3	37 091	25,9	110 100	76,9	18 622	13,0	999 200	698,0
2013	12 361	8,6	34 786	24,2	92 069	64,1	16 416	11,4	922 562	642,5
2014	11 933	8,2	32 899	22,5	77 725	53,2	14 340	9,8	908 901	622,5
2015	11 325	7,8	29 892	20,4	71 100	48,6	13 400	9,2	996 500	681,3

Глава 3. ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОСТИ

Нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же «причины», действующие на один и тот же «объект», обязательно должны порождать одни и те же следствия.

Н. Моисеев

Как говорилось выше, преступность — социальный конструкт, институционализированный в уголовном законе, создаваемый властью в целях защиты прежде всего своих интересов от возможных покушений на них; объективно этот конструкт в некоторой степени служит и защите интересов общества. Отсюда возникает ряд проблем, связанных с определением источников преступности, ее генезиса. Криминология с первых дней возникновения пытается ответить на вопрос о «причинах» преступности.

С нашей точки зрения, не существует какой бы то ни было единой (пусть «интегративной») и специфической только для нее «причины» преступности как социального феномена в силу следующих обстоятельств.

1. Причинно-следственная связь — только одна из форм взаимосвязей и взаимозависимостей между элементами системы или между системами, причем связь достаточно жесткая и более или менее отчетливо выделяемая лишь на уровне относительно простых, механических систем. Уже биологические, а тем более социальные системы и протекающие в них процессы столь сложны, *вероятностны, нелинейны, стохастичны*, что выделить «причину — следствие» оказывается принципиально невозможно.

2. Преступность — искусственный социальный конструкт, не имеющий качественной определенности в реальной действительности. Нельзя найти специфическую причину конструкта, причудливо меняющегося во времени и пространстве по воле законодателя, власти. Такой поиск приводит к трюизмам: причина преступности «весь социально-экономический строй» (М. Н. Гернет⁵⁵) или же — причина преступности есть уголовный закон. Это вряд ли продвигает нас по пути познания объекта криминологии. Ясно, что «весь социально-экономический строй» порождает все социальные феномены, а не только преступность.

⁵⁵ Административный вестник : ежемесячный журнал. 1926. № 1. С. 30.

3. Преступность проявляется в деяниях, признаваемых законодателем преступными «здесь и сейчас». Содержательный диапазон таких деяний огромен: от убийства до надругательства над государственным гербом или флагом, от изнасилования до незаконной вырубki деревьев и кустарников, от геноцида до обмана потребителей. Трудно себе представить, что еще может объединять столь разнородные деяния кроме формального признака — нарушение уголовного запрета. Признак «общественная опасность» столь относителен, неопределенен, что не может сам по себе служить критерием «преступности» без ссылки на указание в уголовном законе (ст. 14 УК РФ). Очевидно, не может быть общей причины столь разнородных и качественно не определенных явлений.

4. Преступность — лишь один из видов девиантности. Анализ всех криминологических теорий приводит к выводу: какие бы «причины» преступности ни выдвигались, они всегда являются одновременно и «причинами» пьянства и наркотизма, самоубийств и проституции, административных проступков и гражданско-правовых деликтов, а то и просто аморального поведения. Более того, те же самые «причины» могут порождать различные виды творчества (технического, научного, художественного) как «позитивных девиаций»⁵⁶. Иначе говоря, имеются обстоятельства (факторы), наличие которых делает более или менее вероятным девиантное поведение, а уж какую оно примет форму — чаще всего зависит от случайности или индивидуальных особенностей субъекта.

Неудивительно, что большинство современных зарубежных криминологов, в отличие от отечественных, отказываются от бесконечного поиска «причин» преступности и их умножения, обосновывая тезис «корреляции против причинности» (*correlation versus causation*).⁵⁷

Вместе с тем оставить преступность без каких бы то ни было объяснений — значит отказаться от криминологии как науки. При этом следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, «шизофреничность» объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности власти, режима, законодателя по конструированию «преступности». С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой

⁵⁶ Творчество как позитивная девиантность / под общ. ред. Я. И. Гилинского, Н. А. Исаева. СПб., 2015.

⁵⁷ Winfree L., Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996. P. 9—11.

активности (убить или ранить другого, завладеть его имуществом и т. д.), возможно выявление факторов, обстоятельств, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме.

Как всякое социальное явление преступность не может быть объяснена «из себя самой», но лишь с позиции социального целого — общества, чью субстанцию образует совокупность общественных отношений. Многие методологические трудности при изучении преступности, пьянства, наркотизма, самоубийств, коррупции, терроризма возникают вследствие попытки исследовать и объяснить их как самостоятельные, изолированные феномены. Между тем каждое из этих социальных явлений, будучи порождением социального целого, вплетено в систему общественных отношений данного социума и переплетено с иными социальными феноменами, процессами.

Можно извлечь из арсенала криминологии множество факторов, так или иначе воздействующих на состояние и динамику преступности. Это и экономические факторы (от цены на хлеб или нефть до децильного коэффициента и индекса Джини⁵⁸), и социально-демографические (пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность и др.), и культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии), и даже космические (корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств, воровства и солнечной активностью, фазами Луны⁵⁹). Можно определить и относительный «вес» каждого фактора в «криминогенном комплексе» отдельных видов преступлений⁶⁰. Однако более глубоким представляется отыскание «ведущего звена» в «девиантогенном комплексе», объясняющем преступность наряду с другими проявлениями девиантности.

Преступность проявляется через определенные уголовным законом действия, поступки людей. Между тем все свои действия человек совершает в конечном счете ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических, или витальных (в пище, в питье, в сексе); социальных (в статусе, самоутверждении, самореализации и др.); духовных, или идеальных (в поиске смысла жизни, бескорыстном стремлении к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей распределены относительно равномерно (в современном развитом обществе люди нуждаются в каче-

⁵⁸ Подробнее о децильном коэффициенте и индексе Джини с. 38 Пособия.

⁵⁹ Чижевский А. Л. Космический пульс жизни : Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М., 1995. С. 350—405, 623.

⁶⁰ Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии : монография. Тюмень, 2006.

ственных продуктах питания, чистом воздухе, просторном жилище с водоснабжением и отоплением, в интересной работе, в разнообразном отдыхе и т. п.) и имеют тенденцию к возрастанию (возвышению и расширению). А возможности удовлетворения потребностей различны, неравны. И хотя некая степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей является социально-экономическое неравенство, занятие индивидом различных, неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или член правительства). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения индивида (можно говорить об едином социально-экономическом статусе) в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.

Социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды. Верхнюю (меньшую) ее часть составляет «элита» (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная и т. п.). Средняя часть — самая значительная по объему — «средний класс». В основании пирамиды располагаются низшие слои общества (мало- и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники, так называемый младший обслуживающий персонал). За пределами официальной социальной структуры (а иногда в самом ее низу — все зависит от точки зрения исследователя) находятся аутсайдеры, изгои (бездомные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т. п.). Очевидно, что чем ближе индивид к верхушке пирамиды, тем больше у него возможностей удовлетворять потребности, и наоборот. При этом *распределение индивидов* по тем или иным *социальным позициям* обусловлено в первую очередь не зависящими от них (индивидов) факторами (происхождением, принадлежностью к классу, слою, группе) и лишь во вторую очередь — личными способностями, дарованием, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый американец может стать президентом»), однако согласно статистике зависимость от социальной принадлежности остается. В современном обществе одним из важнейших дифференцирующих признаков является наличие высшего образования. Как заметил одна-

жды Т. Парсонс⁶¹, человечество делится на две части: окончивших колледж и тех, кто этого не сделал. Между тем стартовые возможности выпускника российской сельской школы и элитной московской гимназии различны, как и стартовые возможности выходца из рабочей или профессорской семьи. Относительная жесткость социальной структуры, ограниченность социальной мобильности в условиях советского государства были эмпирически показаны и количественно оценены в одном из исследований 1970-х гг.⁶² А все идеологические славословия по поводу «гегемона» — рабочего класса и чиновников — «слуг народа» меркнут перед анекдотами по поводу «гегемона» и предсмертной запиской рабочего Р., покончившего жизнь самоубийством, своему сыну: «Сашенька!.. Шагни дальше отца насколько можешь выше отца по социальной лестнице» (сохранен синтаксис подлинника).

Социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда, значение которого для развития общества трудно переоценить. Для наших же целей следует отметить ряд обстоятельств.

Во-первых, одним из важнейших критериев развития системы (в нашем случае — общества), повышения уровня ее организованности служит дифференциация, усложнение структуры, рост разнообразия ее элементов. Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает и социально-экономическое неравенство, различия в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции, принимающие форму различных девиаций.

Во-вторых, главное в генезисе девиантности, включая преступность, — не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а степень различий, «разрыва» в возможностях их удовлетворения для разных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это обратил внимание

⁶¹ Толкотт Парсонс (1902—1979 гг.) — один из крупнейших социологов нашего времени, представитель «структурного функционализма».

⁶² Человек как объект социологического исследования / под ред. Л. И. Спиридонова, Я. И. Гилянского. Л., 1977. С. 170—191.

еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастет дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неудобно, все более неудовлетворенно, все более принижено»⁶³. Социальная неудовлетворенность, а следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными — по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности, наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств⁶⁴.

На роль социально-экономического неравенства в генезисе девиантности, включая преступность, обращали внимание еще в XIX веке. Так, по мнению Ф. Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступлений... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений»⁶⁵. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами»⁶⁶. С точки зрения А. Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большему числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворения всех своих потребностей ведет к преступлению»⁶⁷. Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества»⁶⁸.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключе-

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 6. С. 446.

⁶⁴ Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 306—310, 449—459 ; Podgórecki A. Patalogia życia społecznego. Warszawa, 1969.

⁶⁵ Цит. по: Гернет М. Н. Указ. соч. С. 111.

⁶⁶ Там же. С. 119.

⁶⁷ Там же. С. 375.

⁶⁸ Белл Д. Преступление как американский образ жизни // Социология преступности. М., 1966. С. 267.

ние» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими⁶⁹. Рене Лемуар в своей работе показал, что феномен «исключения» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального явления, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее число людей⁷⁰. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности», по мнению С. Погама, обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»⁷¹.

Процесс «*inclusion/exclusion*» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце XX века: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»⁷².

Самое страшное — это невозможность «исключенных» «включиться» в экономическую, политическую, социальную, культурную жизнь. По мнению Ф. Бородкина, «свыше 50 % насе-

⁶⁹ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 2. Спец. вып.: Современная французская социология. 1999. С. 140—156.

⁷⁰ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris, 1974.

⁷¹ Погам С. Указ. соч. С. 147.

⁷² Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века : Новые направления исследований. М., 1998. С. 94—108.

ления России — «исключенные»⁷³, т. е. люди, вынужденные существовать на обочине жизни, вне активных трудовых, социальных, политических, культурных процессов. В настоящее время доля «исключенных» намного выше (судя по публикуемым данным Росстата — не менее 70 % населения России).

Очевидны социальные следствия процесса «включения/исключения». Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.). Неудивительно, что мировая девиантология и криминология активно обсуждают *«inclusive/exclusive»*, как один из источников девиантного поведения⁷⁴. Следует заметить, что и среди жертв преступлений преобладают «исключенные».

Для иллюстрации: доля лиц без постоянного источника доходов («исключенных») среди лиц, совершивших преступления, выросла за 28 лет (1987—2015 гг.) более чем в пять раз (табл. 5)⁷⁵.

Итак, с нашей точки зрения, важнейшим криминогенным (вообще девиантогенным) фактором служит противоречие («напряжение», strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими прежде всего от места индивида или группы в социальной структуре общества, т. е. степень социально-экономической дифференциации и неравенства.

Т а б л и ц а 5

Выявлено лиц, совершивших преступления с 1987 по 2015 гг., в России

Год	Общее количество	Без постоянного источника доходов (%)	Год	Общее количество	Без постоянного источника доходов (%)
1	2	3	4	5	6
1987	969 388	11,8	1999	1 716 679	55,6
1988	834 673	13,8	2000	1 741 439	54,8
1989	847 577	16,5	2001	1 644 242	55,1
1990	897 299	17,8	2002	1 257 700	52,4
1991	956 258	20,2	2003	1 236 733	53,7
1992	1 148 962	27,0	2004	1 222 594	58,9

⁷³ Бородин Ф. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5—17.

⁷⁴ Crime and Social Exclusion / eds. C. Finer, M. Nellis. 1998 ; Young J. The Exclusive Society : Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. 1999 ; Гилинский Я. И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2004. № 6. С. 69—77.

⁷⁵ Источник: Ежегодники «Преступность и правонарушения» за 1992—2014 гг.

О к о н ч а н и е т а б л . 5					
1	2	3	4	5	6
1993	1 262 737	35,0	2005	1 297 123	60,3
1994	1 441 568	42,1	2006	811 281	59,6
1995	1 595 501	47,2	2008	1 256 199	60,8
1996	1 618 394	50,0	2013	664 969	65,7
1997	1 372 161	54,2	2014	1 006 003	65,8
1998	1 481 503	55,6	2015	1 063 034	66,5

Степень неравенства, разрыва между элитой и аутсайдерами отчасти оценивается такими экономическими показателями, как фондовый или децильный коэффициент дифференциации (соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных слоев населения) и коэффициент концентрации доходов — индекс Джини. Этот разрыв, экономически отражаемый децильным коэффициентом⁷⁶ и индексом Джини, все возрастает в России. По данным Всемирного банка, основанным на официальной российской статистике, доля населения за национальной чертой бедности в России — 30,9 %⁷⁷. Индекс Джини, показывающий степень неравенства в распределении доходов населения, к началу текущего столетия был в России 0,456, тогда как в Австрии — 0,309, Германии — 0,283, Бельгии — 0,250, Японии — 0,249. Близкие же российскому показателю в Боливии — 0,447, Иране — 0,430, Камеруне — 0,446, Уругвае — 0,446. Неудивительно, что за десятилетие, исследованное С. Г. Ольковым (1990—1999 гг.), в год с максимальным индексом Джини (1994 г. — 0,409) в России было зарегистрировано наибольшее количество убийств (32,3 тыс.), а в год с минимальным индексом Джини (1990 г. — 0,218) — наименьшее (15,6 тыс.)⁷⁸. К аналогичным результатам по данным за 25 лет (1980—2004 гг.) приходит И. С. Скифский⁷⁹. В качестве иллюстрации приведем лишь два графика из его работы. Те же закономерности применительно ко всем регионам Российской Федерации установлены Э. Г. Юзихановой⁸⁰.

⁷⁶ Так, официальный фондовый (децильный) коэффициент в 1990 году составлял 1:4,5, а к 1999 году вырос до 1:15 (по данным экспертов — 1:25, в Москве — 1:60). Такой разрыв уровня доходов богатых и бедных — гарантия нестабильности, конфликтности общества.

⁷⁷ Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех / [Всемирный банк]. М., 2005. С. 261.

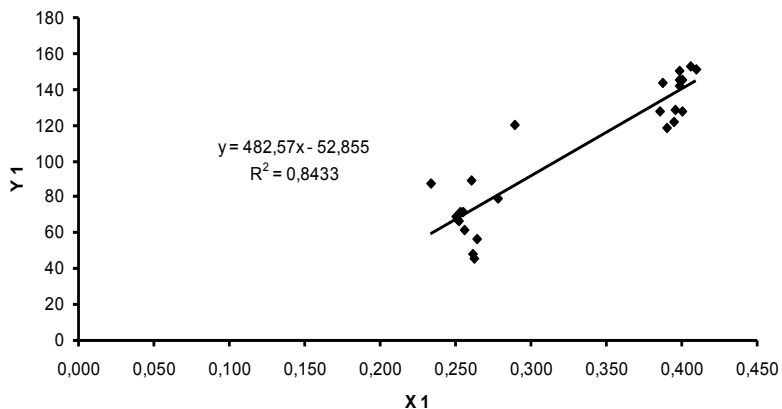
⁷⁸ Ольков С. Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8. С. 73—78.

⁷⁹ Скифский И. С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование : монография. Тюмень, 2007.

⁸⁰ Юзиханова Э. Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации : монография. Тюмень, 2005.

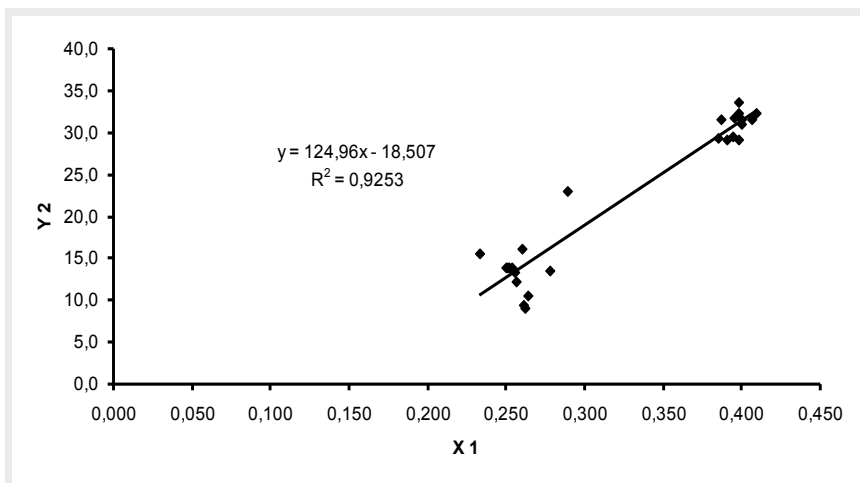
Г р а ф и к 1

**Связь между индексом Джини и насильственной преступностью
в России (1980—2004 гг.) (по И. С. Скифскому)**

Г р а ф и к 2

**Связь между индексом Джини и убийствами
в России (1980—2004 гг.) (по И. С. Скифскому)**

Все более тревожным представляется наблюдающееся с конца XX века углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп. Сформировался круг высоко-развитых государств, стран «золотого миллиарда», и увеличивается разрыв между этими странами и остальным миром. Растет пропасть между «включенными» (*included*) и «исключенными» (*excluded*) как странами, так и социальными слоями, группами, отдельными людьми. Процесс глобализации лишь усиливает эту тенденцию. В 2015 году впервые в истории человечества 1 % населения владел уже 50 % всех богатств. В 2016 году 1 % населения будет владеть 52 % богатств. А в России 1 % населения владеет 71 % богатств страны⁸¹. Эти общемировые и отечественные показатели свидетельствуют о крайне опасном с политической и криминологической точек зрения уровне социального расслоения.

Для полноты картины нельзя не сказать, что социальная дифференциация, социально-экономическое неравенство и наличие аутсайдеров («исключенных») служат... источниками прогресса и двигателями истории. Действительно, существование социальных групп разной степени удовлетворенности наличным бытием, конкуренция, рынок труда (с неизбежно присущей ему безработицей — «исключенными») — все это и обеспечивает изменения, развитие производства, экономики, культуры. Всеобщее «равенство» приводит к стагнации, прекращению изменений и в итоге к гибели общества (всеобщее равенство достижимо лишь на кладбище). Вся проблема — в масштабах и «справедливости» неравенства.

На уровне индивидуального поведения события разворачиваются так. Противоречие между наличными потребностями индивида и возможностями их удовлетворения, нередко воспринимаемое как неизбежное, оправданное («всяк сверчок знай свой шесток»), а то и неосознаваемое, может актуализироваться и усугубляться несоответствием объективных личностных свойств индивида (интеллектуальный уровень, физические, волевые и эмоциональные характеристики, образование, профессия, квалификация и т. п.) требованиям занимаемой социальной позиции, т. е. социальной неустроенностью.

Социальная неустроенность вероятна, когда индивид занимает позицию 1) «ниже» своих объективных возможностей (примеры

⁸¹ Неравенство в доходах вышло из-под контроля // Эксперт Online : [деловой еженедельник] : электрон. журн. URL: <http://expert.ru/2015/10/14/pоловина-mirovogo-bogatstva-v-rukah-odnogo-protsent-a-naseleniya-planety/> (дата обращения: 24.06.2016).

из недавнего прошлого: талантливый человек — художник, поэт, ученый — на должности сторожа, истопника); 2) «выше» своих возможностей (посредственность в министерском кресле); 3) «вне» официальной структуры общества («исключенные»). Во всех этих случаях наблюдается, очевидно, и «рассогласование статусов», предложенное Л. И. Спиридоновым в качестве причины покушения индивида на существующий порядок⁸². Возможно также, что личностные особенности и занимаемая социальная позиция совпадают (малообразованный, малоквалифицированный, с не очень высокими задатками подсобный рабочий), но сама позиция является «устаревшей», отмирающей в условиях современного информационного общества постмодерна.

Социальная неустроенность может не осознаваться индивидом или, будучи осознана, проявляться психологически как неудовлетворенность. Индивид, находящийся в состоянии социальной неустроенности, будет стараться преодолеть ее либо активной «позитивной» деятельностью (повышение образовательного и профессионального уровня, приобретение второй профессии, овладение иностранными языками, изобретательство, рационализаторство и т. п.), либо активной нежелательной для общества деятельностью, в частности преступной. Не сумев активно преодолеть неустроенность, индивид может либо смириться, либо найти утешение в алкоголе, наркотиках, либо решиться на самоубийство⁸³.

Социальная неустроенность (в случае занятия индивидом позиции «выше» его объективных данных), а также безграничность социальных и идеальных потребностей, их принципиальная «неутоляемость» объясняют и «беловоротничковую» преступность. Находясь на позиции «выше» своих возможностей, чиновник высокого ранга, менеджер, иной руководитель будут предпринимать усилия, чтобы сохранить позицию, а то и подняться выше, используя все доступные, в том числе нелегальные, способы. Кроме того, и среди тех, у кого «все есть», существуют зависть, соперничество, приводящие к «престижному», избыточному потреблению, так хорошо описанному Т. Вебленом⁸⁴.

⁸² Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л., 1973. С. 167.

⁸³ Мертоновская «двойная неудача» — это когда человек в силу разных причин не может реализовать потребность в самоутверждении в полезной, творческой деятельности (первая неудача), но не может также в силу разных причин — полиции боится, мама так научила — самоутвердиться и в активной нелегальной деятельности (вторая неудача). И тогда — «уход» в алкоголь, в наркотики или тотальный — из жизни.

⁸⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

В отечественной криминологической литературе нередко потребности подразделяют на нормальные, или естественные, и ненормальные, или извращенные. После чего утверждается, что в основе криминального поведения обычно лежат извращенные потребности. Представляется, что такое деление недостаточно корректно. Сами потребности «нейтральны», они не могут оцениваться как «хорошие» или «плохие». Способы их удовлетворения могут признаваться желательными, допустимыми или недопустимыми с точки зрения общества, государства. Очевидно, любая, самая «естественная» потребность может быть удовлетворена с помощью как легальных, так и нелегальных средств (продукты в случае голода можно купить, попросить или украсть; для отдыха, снятия напряжения можно пойти погулять, поплавать, почитать книгу или же напиться и учинить драку).

Особое криминологическое значение имеют социальные потребности (точнее, их неудовлетворенность): в статусе, престиже, самоутверждении. Витальные потребности, во-первых, ограничены, «конечны», имеют естественный предел, во-вторых, в современных развитых странах относительно легко удовлетворяются. Социальные же и идеальные потребности безграничны, для их удовлетворения требуется больше благоприятных условий. Между тем именно неудовлетворенные социальные потребности, в частности в самоутверждении, нередко приводят к преступному насилию.

Изложенные соображения позволяют прийти к выводу о профилактических возможностях «канализирования» социальной активности в социально приемлемых формах (идея «баланса социальной активности» и возможности ее «канализирования» были высказаны еще в 1970-80-х гг.⁸⁵). Так, «в зависимости от способов и средств удовлетворения присущая подростку потребность занять определенное место в группе сверстников, утвердить себя среди других, а следовательно, и в своих собственных глазах может трансформироваться в общественно полезную деятельность — учебу, изобретательство, спорт и т. п. или в хулиганские действия, кажущиеся “немотивированными”»⁸⁶.

⁸⁵ Гилинский Я. И. Социальное планирование города и проблемы отклоняющегося поведения // Актуальные проблемы социального планирования. Иркутск, 1975. С. 244—252 ; Человек как объект ... С. 103 ; Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. Т. 30, № 1. Таллин, 1981. С. 134—143.

⁸⁶ Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. М., 1984. С. 66.

Глава 4. МЕХАНИЗМ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Социум выбирает
из психогенофонда.
В. Леви

§ 1. Существует ли «личность преступника»?

В большинстве отечественных учебников имеются разделы, посвященные «личности преступника». В зарубежной криминологической литературе социологического направления такой термин, насколько нам известно, отсутствует и не обсуждается. В современных цивилизованных странах вообще не принято употреблять такие слова как «пьяница» или «алкоголик» (говорят: «у X. есть проблемы с алкоголем»), «наркоман» («у Y. проблемы с наркотиками»), «преступник» («у Z. проблемы с законом»). Можно сколь угодно иронизировать по поводу их «политкорректности», но *уважение к любой личности «там»* впитывается с детства.

В отечественной криминологии существуют два основных подхода к проблеме личности преступника. Одни ученые активно отстаивают «личность преступника» как «качественно отличную от личности других граждан»⁸⁷ и определяют ее как «совокупность социально-демографических, социально-психологических, нравственных и правовых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление, влияющих на его преступное поведение»⁸⁸. К числу сторонников этой точки зрения принадлежат, в частности, В. Н. Бурлаков, А. И. Долгова, Н. Ф. Кузнецова, Н. С. Лейкина, Г. М. Миньковский и др. Иные авторы отрицают существование особой «личности преступника» (Ю. Д. Блувштейн, Я. И. Гилинский, И. И. Карпец, А. М. Яковлев и др.). При этом они исходят из следующих соображений.

Уголовный закон изменчив в пространстве и во времени. Что происходит с «личностью спекулянта» или с «личностью туеядца» при декриминализации этих деяний? А откуда взяться «личности лжепредпринимателя» или «личности фиктивного банкрота», когда до 1996 года в России не было таких составов преступления?

Следуя букве уголовного закона, все (или почти все) люди в течение жизни совершают уголовные преступления. Значит

⁸⁷ Криминология : учебник / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1988. С. 88.

⁸⁸ Криминология : учебник / под ред. В. В. Орехова. СПб., 1992. С. 78.

все — «личности преступника»? Но тогда в чем их *качественное* отличие от «непреступников» (не существующих в реальности)?

Никто никогда не назвал *ни одного* личностного свойства, признака, качества характерного *только* «преступнику» (или же *только* «непреступнику»). Злость, агрессивность, ревность, злопамятство, грубость, вспыльчивость, алчность и т. п. могут быть присущи в той или иной степени каждому человеку, в том числе, никогда не привлекавшемуся к уголовной ответственности.

Очевидно, в основе попыток найти специфические свойства преступников, присущие *только им* и отличающие *их* от законопослушных *«нас»*, лежит древнейшее стремление людей отграничить «своих» (хороших, близких) от «чужих» (плохих, подозрительных, опасных). «Мы» это всегда «люди»... тогда как «они» — не совсем люди»⁸⁹.

Образ преступного человека, подлежащего жесточайшим наказаниям, конструируется общественным сознанием и властью в назидание, чтобы другим не повадно было. «Идея качественного, существенного отличия преступника от остальных людей, персонафикация зла, меняя свое обличье, остается одной из самых устойчивых социально-психологических категорий... Устойчивость такой тенденции заставляет предположить, что создание концепций личности преступника, их постоянная модификация, их неуклонное возрождение после очередного опровержения вызываются к жизни какими-то определенными социальными потребностями и объективно служат социальным целям»⁹⁰. И цитируемый автор — А. М. Яковлев — называет главные из этих потребностей и целей. «Чем более безупречным представляется общество, тем более порицаемым и порочным выглядит преступник. В этом случае все социальные беды, несчастья и просчеты, конфликты и противоречия общества можно объяснить моральными пороками, злой волей определенной категории людей. Козел отпущения меняет свое обличье, но его функция воспроизводится вновь... И если по своей явной, открыто провозглашаемой функции он [преступник] нужен для того, чтобы бороться со злом, с преступностью, то по скрытой, латентной функции он нужен для того, чтобы, заклеив тех, кто внизу социальной структуры, придать ореол непогрешимости и добродетели тем, кто наверху этой структуры»⁹¹.

Есть ли хотя бы какое-то рациональное зерно в рассуждениях сторонников «личности преступника»? Да, есть. Но оно состоит не

⁸⁹ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С. 82.

⁹⁰ Яковлев А. М. Указ. соч. С. 27, 80.

⁹¹ Там же. С. 35, 36, 39.

в том, чтобы искать свойства и признаки, характеризующие «личность преступника» и только преступника, а в понимании того, что различные поведенческие формы (в том числе преступные) по-разному проявляются в зависимости от многих социально-демографических и психологических свойств. Лица определенного пола, возраста, образования, социального положения, тех или иных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физических качеств имеют относительно большую или меньшую *вероятность* оказаться среди совершивших те или иные преступления. Ясно, например, что индивид с низкими интеллектуальными способностями вряд ли возглавит хитро задуманную сложную мошенническую операцию, а человек с выраженными физическими недостатками едва ли займется разбойными нападениями⁹².

Следует заметить, что зарубежная криминология придает очень большое значение анализу таких факторов, как гендер (пол), возраст, раса, класс, тщательно изучая их корреляционные связи с преступными проявлениями⁹³.

Посмотрим, как статистически отражаются те или иные личностные характеристики на вероятности совершить то или иное преступление.

Гендер (пол)

Эмпирически достоверным является относительно большая криминальная (вообще девиантная: алкогольная, наркотическая, суицидальная) активность мужчин. Что стоит за этим фактом?

Неодинаковым было положение женщины на разных этапах человеческой истории и в различных обществах. В целом на протяжении истории положение женщины в производственной, экономической, политической и — как следствие — в семейно-бытовой сфере было, как правило, зависимым, подчиненным. Первоначальное (естественное) разделение полов, вызванное их различными функциями в процессе воспроизводства человеческого рода, получило свое социальное «оформление» в виде многовекового подчиненного положения женщины, на долю которой выпало немецких «три К»: Kirche, Kinder, Küche (церковь, дети, кухня). Это продолжительное социальное неравенство не может не сказываться и тогда, когда во

⁹² Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб., 2004.

⁹³ The Socio-Economics of Crime and Justice / ed. B. Forst. 1993 ; Grover Ch. Crime and Inequality. 2008 ; Hagan J. Structural Criminology. NJ, 1989 ; Crime and Criminals: Contemporary and Classic Readings in Criminology / eds. F. Scarpitti, A. Nielsen. Los Angeles, 1999 ; White R., Habibis D. Op. cit.

всех развитых странах победили женская эмансипация и юридическое равноправие полов. Не может оно не сказаться и на различной интенсивности девиантных проявлений мужчин и женщин.

Говоря о природных (естественных) различиях между полами, значимых для поведенческих реакций, нетрудно составить некоторый перечень: например, женщины физически слабее (оставим в стороне исключения — сильных женщин и слабых мужчин), более эмоциональны и импульсивны, более впечатлительны, в определенные, физиологически обусловленные периоды жизни неустойчивость их психических реакций может усиливаться и т. п. Однако, есть более глубинные, фундаментальные биологические различия, обуславливающие принципиально различное место мужчины и женщины в обществе, в системе общественных отношений и, соответственно, существенно разную стратегию их жизнедеятельности (и общественно значимого поведения).

Эти фундаментальные различия были изучены и последовательно обоснованы В. А. Геодакяном в связи с более общей проблемой полового диморфизма и его роли в эволюции живых существ⁹⁴. Суть концепции В. А. Геодакяна состоит в том, что в процессе биологической эволюции формируется половой диморфизм, т. е. «раздвоение» биологических видов на мужские и женские особи. При этом дифференциация полов оказывается «выгодной», адаптивной формой информационного контакта со средой, обеспечивающего специализацию по двум главным направлениям эволюции: сохранения и изменения.

Существование любой системы мироздания (физической, биологической, социальной) представляет собой двуединый процесс сохранения и изменения (сохранения через изменения). В едином процессе самодвижения, самоорганизации материи, мироздания совершенствуются механизмы *адаптации* (приспособляемости), «выживаемости» систем, в том числе путем повышения уровня их организованности. Биологические системы несравнимо сложнее по степени организованности, чем физические, а социальные — сложнее, нежели биологические системы. Повышение уровня организованности сопровождается дифференциацией систем (живые организмы и их сообщества значительно дифференцированнее физических систем, а социальные организмы — общества — более дифференцированы, чем биологические).

⁹⁴ Геодакян В. А. Системно-эволюционная трактовка асимметрии мозга // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник. 1986. М., 1987. С. 355—376. В статье имеется библиография, включающая еще 14 работ автора, в которых он развивает свою концепцию полового диморфизма.

Применительно к рассматриваемым вопросам полового диморфизма, эволюционной роли полов это означает, что *женский* пол обеспечивает сохранение генофонда, потомства, популяции, осуществляет отбор и закрепление адапционно полезных свойств. Образ женщины как «хранительницы домашнего очага» приобретает не только историческое обоснование (женщины поддерживали огонь, когда мужчины уходили на охоту), но и биологическое, эволюционное.

Мужской же пол «отвечает» за изменения, эволюционные преобразования путем поиска, проб и ошибок... Вот почему у мужчин выше поисковая активность, исследовательский инстинкт, рискованность поступков. Вот почему «все профессии, виды спорта, игры, хобби сначала осваивали мужчины, потом женщины. Даже социальные пороки (пьянство, курение, наркомания, азартные игры, преступность) были присущи вначале мужчинам, потом включались женщины»⁹⁵. Вот где, наконец, выявляется криминологический аспект темы! Но уж то, что оказалось полезным, адаптивным для выживания, сохранения, благополучия семьи и рода, женщины выполняют лучше, совершеннее мужчин. Кстати говоря, мужской пол расплачивается за свою роль авангарда биологической эволюции и социальных изменений... пониженной жизнеспособностью. Так что объективно «слабым» полом является мужской, а не женский. Продолжительность жизни — важнейший индикатор «качества жизни». Так вот, сегодня в мире продолжительность жизни женщин в среднем на 4 года больше, чем мужчин, а в России — на 14 лет!⁹⁶

Итак, инновационная «миссия» мужчин (вообще самцов, так как концепция В. А. Геодакяна распространяется на весь мир живого), их повышенная поисковая активность, более широкий разброс поведенческих форм, включая рискованные в самом широком смысле (от альпинизма и мотогонок до наркотиков и преступлений), составляют биологические предпосылки большей, по сравнению с женщинами (самками), амплитуды девиаций (отклонений) в поведении от признаваемой обществом «нормы». В. А. Геодакян в цитируемой работе называет это «двумя зонами патологии», «плюс и минус отклонениями от нормы». Мужчины относительно активнее как в социальном творчестве, так и в социальной «патологии». Женщины же «нормальнее», гармоничнее в своей жизнедеятельности.

В таблице 6 представлены в динамике (1987—2013 гг.) доли (в % от общего числа преступлений) и коэффициенты криминальной ак-

⁹⁵ Геодакян В. А. Указ. соч. С. 369.

⁹⁶ Население и общество : информ. бюл. Центра демографии и экологии человека. М., 2005. № 93.

тивности мужчин и женщин по некоторым видам преступлений. С помощью коэффициента криминальной активности можно нагляднее представить «вклад» каждого пола в тот или иной вид преступного поведения.

Половой диморфизм проявляется и в иных криминологически значимых фактах. Так, женщины реже совершают убийства, однако чаще доводят задуманное до конца (доля покушений на убийства у женщин ниже, чем у мужчин). Очевидно, женщина способна на убийство лишь в исключительных обстоятельствах, но тогда уже более «последовательна» в осуществлении задуманного. Женщины более ригористичны по отношению к мерам наказания, они в большей степени, чем мужчины, высказываются за сохранение и широкое применение смертной казни, за применение более тяжких наказаний к преступникам. Вероятно, в них говорит инстинкт защиты детей, семьи, домашнего очага от преступных посягательств (природная функция сохранения).

Т а б л и ц а 6

**Удельный вес (%) и коэффициент криминальной активности (Ка)
мужчин и женщин в России (1987—2013 гг.)**

	Мужчины		Женщины	
	Удельный вес	Ка	Удельный вес	Ка
1	2	3	4	5
1987	78,7	1,7	21,3	0,4
1988	83,3	1,8	16,7	0,3
1989	85,6	1,8	14,4	0,3
1990	86,3	1,8	13,7	0,3
1991	87,2	1,8	12,8	0,2
1992	88,6	1,9	11,4	0,2
1993	88,8	1,9	11,2	0,2
1994	87,0	1,8	13,0	0,2
1995	85,1	1,8	14,9	0,3
1996	84,1	1,8	15,9	0,3
1997	86,4	1,8	13,6	0,2
1998	85,3	1,8	14,7	0,3
1999	84,8	1,8	15,2	0,3
2000	83,7	1,8	16,3	0,3
2001	83,0	1,7	17,0	0,3
2002	82,2	1,7	17,8	0,3
2003	83,4	1,8	16,6	0,3
2004	86,6	1,8	13,4	0,3
2005	86,2	1,8	13,8	0,3
2006	84,9	1,8	15,1	0,3
2007	84,8	1,8	15,2	0,3

1	2	3	4	5
2008				
2009	84,1	1,8	15,9	0,3
2010	84,5	1,8	15,5	0,3
2011	84,7	1,8	15,3	0,3
2012	84,7	1,8	15,3	0,3
2013	84,6	1,8	15,4	0,3

Возраст

Возраст, взятый сам по себе, отражает лишь длительность индивидуального существования. Однако все природные свойства человека (включая пол, возраст, этническую принадлежность, интеллектуальные и физические характеристики) опосредованы обществом, включенностью человека в общественные отношения. Нормативность поведения существенно зависит от степени социализации индивида, степени его включенности в общественные отношения.

Социализация индивида как функция общества состоит в том, что оно, во-первых, предоставляет своим членам определенный набор социальных позиций (в сферах экономики, труда, политики, образования, быта и досуга), во-вторых, формирует (путем воспитания, образования) свойства, необходимые для замещения этих позиций и перемещения по ним (карьера), в-третьих, определяет механизм распределения и перераспределения индивидов по социальным позициям. Ясно, что степень социализированности зависит, помимо иных факторов, от стадий социализации, прохождения индивидом различных возрастных фаз развития⁹⁷.

Молодость — это период бурного расцвета всех сил и способностей человека: интеллектуальных, физических, волевых, эмоциональных. «Акме» («пик» расцвета) деятелей науки и искусства приходится, как правило, на молодые годы. Вместе с тем, на молодые годы приходится и «пик» негативных девиаций. Это не удивительно: не получив в силу различных причин возможность самоутвердиться в активной *позитивной* (творческой) деятельности, самоутверждаются в *негативной*, преступной.

Так, за последние 25 лет доля подростков и молодежи составила: по убийствам (с покушениями) доля несовершеннолетних (14—17 лет) — 3—8 %, доля молодежи (18—29 лет) — 32—43 %; по изнасилованиям доля несовершеннолетних — 13—32 %, доля молодежи — 54—59 %; по кражам доля несовершеннолетних —

⁹⁷ Гилинский Я. Стадии социализации индивида // Человек и общество. Проблемы социализации индивида. Л., 1971. Вып. 9. С. 44—55 ; Кон И. С. Социология личности. М., 1967.

16—42 %, доля молодежи — 36—50 %; по разбойным нападениям доля несовершеннолетних — 16—21 %, доля молодежи — 56—64 %; по присвоениям и растратам доля несовершеннолетних — 0—0,1 %, доля молодежи — 21—45 %; по взяточничеству несовершеннолетних нет, доля молодежи — 9—29 %.

Раса (этническая принадлежность)

В бывшем Советском Союзе идеология «дружбы и братства всех народов» (хорошая по сути, но не отражавшая реальной действительности) исключала статистические наблюдения и криминологические исследования зависимости уровня и структуры преступлений от этнической принадлежности лиц, их совершивших⁹⁸. Эта традиция перешла и к современной России. Создалась довольно сложная ситуация. С одной стороны, знание этнического состава лиц, совершивших преступления, небезразлично для криминологии и профилактики преступлений. С другой стороны, многочисленные этнические конфликты на территории России и бывшего СССР, сформировавшееся предубеждение по отношению к «лицам кавказской национальности» (не существующей в природе), к «понаехавшим тут» могут лишь подогреваться публикуемыми сведениями (когда они появляются) о неодинаковой криминальной активности представителей различных этносов.

При этом вряд ли население в целом, да и некоторые представители правоохранительных органов будут разбираться в «тонкостях»: повышенная «криминальность» зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесенными по разным причинам в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже «коренного населения» адаптированы к условиям жизни; мигрируют чаще всего не от хорошей жизни; мигрируют или отправляются «на заработок» в другие страны и регионы наиболее активные молодые мужчины, чья «повышенная» криминальная активность рассмотрена выше.

В зарубежной криминологии, особенно американской, исследованиям расового (этнического) фактора уделяется значительное внимание⁹⁹.

⁹⁸ Одно из немногих исключений — исследования в бывшей Эстонской ССР: Лепс А. А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. Таллин, 1981.

⁹⁹ Grover Ch. Op. cit. P. 125—152; Hawkins D. Crime and Ethnicity // The Social Economics ... P. 89—120; Messner S., Golden R. Racial Inequality and Racially Disaggregated Homicide Rates: An Assessment of Alternative Theoretical Explanations // Criminal Justice. Contemporary Literature in Theory and Practice / eds. M. McShane, F. Williams. NY-L., 1997. P. 253—278; White R., Habibis D. Op. cit. P. 230—252.

Социальное положение (социальный статус)

При рассмотрении этого важнейшего для криминологии, как и всякой другой общественной науки, понятия мы вынуждены отвлечься на «некриминологические» рассуждения.

Понятия «класс», «социальная структура», «социальная стратификация», «социальный статус» — одни из основополагающих в общественных науках и одни из наиболее дискуссионных. Общепризнанно, что приоритет в разработке понятия «класс» принадлежит К. Марксу и М. Веберу. При этом К. Маркс сводил социальное неравенство к производственным отношениям, а основным критерием классовых различий у него служила собственность на средства производства. М. Вебер, наряду с решающим значением собственности, учитывал еще два критерия социального неравенства — *власть* и *престиж*. Нельзя не назвать и классические исследования социальной структуры, социального неравенства и социальных перемещений Э. Дюркгейма¹⁰⁰ и П. Сорокина¹⁰¹.

Заслуги К. Маркса в обосновании «классового подхода» неоспоримы. Именно он показал существенную зависимость всей жизнедеятельности людей, их образа жизни, основных поведенческих стратегий от занимаемой социальной позиции в структуре общественных (прежде всего производственных) отношений, от классовой принадлежности индивидов. «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает... с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»¹⁰². Общественное разделение труда приводит к закреплению социальной деятельности за определенными индивидами (их группами). Разделению труда соответствует и «разделение» распределения и потребления: «Вместе с разделением труда... дано и распределение, являющееся при том — как количественно, так и качественно — неравным распределением труда и его продуктов»¹⁰³. Таким образом, «разделение труда делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов»¹⁰⁴. Так,

¹⁰⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 3—390.

¹⁰¹ Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 295—424.

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. Немецкая идеология. М., 1955. С. 19.

¹⁰³ Там же. С. 31.

¹⁰⁴ Там же. С. 30, 31.

общественное разделение труда определяет в конечном счете социальную дифференциацию, деление общества на классы и социальные группы (слои, страты), социальное неравенство. С разделением общества на классы люди «находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу... Личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями»¹⁰⁵.

К этим чрезвычайно важным положениям марксизма требуются некоторые комментарии.

Во-первых, общество было структурировано и до его разделения на классы (и не только человеческое общество: животные, живущие стадами и семьями, имеют свою иерархию и «неравенство»!).

Во-вторых, социальная дифференциация — прогрессивное явление, свидетельствующее о возрастании степени сложности, степени организованности общества как системы. Ибо всякое усложнение, повышение организованности сопровождаются все большей дифференциацией целого. Речь может идти лишь о «смягчении» социального неравенства и об определенных социальных гарантиях и компенсациях.

В-третьих, класс, классовые отношения и классовая принадлежность определяют судьбу человека не жестко, не фатально, а *вероятностно*.

В-четвертых, со временем жесткость классовой структуры ослабевает. Если социальная структура феодального общества практически не допускала перемещений из класса в класс (минимальная социальная мобильность), капиталистическая система времен К. Маркса допускала такие перемещения *de jure*, но существенно ограничивала их *de facto*, то индустриальное и постиндустриальное общества обеспечивали до поры до времени сравнительно свободную вертикальную мобильность. К сожалению, современное общество постмодерна вновь ограничивает *de facto* эту мобильность¹⁰⁶.

В-пятых, и это самое главное, в современном обществе постмодерна с конца 1960-х—1980-х гг. классовое деление общества сменилось фундаментальным разделением на «включенных» / «исключенных», о чем подробнее говорилось в главе 3 Пособия. Более того, происходит фрагментаризация общества, когда и среди «включенных», и среди «исключенных» формируются многочисленные фрагменты со своими представлениями о норме и ненорме (отклонении).

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между кото-

¹⁰⁵ Там же. С. 54, 77.

¹⁰⁶ Гилинский Я. Два лица экономической свободы // Экономическая свобода и государство: друзья или враги. СПб., 2012. С. 58—75.

рыми существует неизменный антагонизм. При этом государства по Валлерстайну вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли¹⁰⁷. В другой своей работе он приходит к убеждению, что капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис¹⁰⁸.

Экономическая теория развивалась сама по себе. Экономическое насилие и его жертвы существовали сами по себе. И «в результате экономическая теория незаметно превратилась в ширму, прикрывающую власть корпорации»¹⁰⁹. В книге «Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы» С. Жижек демонстрирует фактически завершённый раскол мира на два полюса: «новый глобальный класс» — замкнутый круг «включённых», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы», и — большинство «исключённых», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан». При этом оба мира неразрывно связаны между собой, точно так же, как «пороки» капиталистических отношений связаны с их «достоинствами». «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной экономики: грязная вода на самом деле составляет “кровеносную систему” здорового ребенка», поэтому (и не только) «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет». В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли»¹¹⁰.

Так что зависимость от «своего» класса (страты), социального положения сохраняется. Детям представителей высших страт значительно легче получить элитарное образование, престижную профессию, сделать карьеру, нежели выходцам из «низов». Многочисленные исключения лишь подтверждают статистически значимую закономерность. Более того, есть печальные основания полагать, что социальная поляризация в современном мире не сокращается, а возрастает, принимая глобальный характер. Речь идет о процессе включения/исключения (*inclusion/exclusion*).

¹⁰⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира : Социология XXI века. М., 2003.

¹⁰⁸ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000. Vol. 15, № 3.

¹⁰⁹ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979.

¹¹⁰ Жижек С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М., 2011. С. 6, 19, 20.

События 11 сентября 2001 года (террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне) выдвинули эту проблему на уровень реальной международной и внутренней политики государств, ибо терроризм порождается исключенностью отдельных стран, социальных групп, людей из современной жизни Западной цивилизации с ее благами (действительными или кажущимися).

Существует много классификаций современной социальной стратификации в развитых странах. Одна из распространенных — классификация Дж. Голдторпа, насчитывающая 11 страт, составляющих три класса (служебный, промежуточный, рабочий)¹¹¹. Широко известна стратификация в виде также трех классов (высший, средний, низший), причем средний подразделяется на высокий средний, средний средний и низкий средний.

Приводя в качестве примера распределение различных преступлений по социальным группам (табл. 7; по понятным причинам сведения о предпринимателях и безработных за 1987 и 1991 гг. отсутствуют), мы вынуждены исходить из группировки, принятой полицейской статистикой. Как явствует из приведенных данных, неуклонно снижается доля рабочих и работников сельского хозяйства в структуре преступности в России, что объясняется, прежде всего, резким сокращением их количества в населении страны; устойчиво невелика доля служащих в «общегуголовной» преступности при ее естественном возрастании в преступлениях «беловоротничковых».

Т а б л и ц а 7

Доля (%) различных социальных групп
в структуре преступности в России с 1987 по 2013 гг.

	Год	Убийства (с покушениями)	Изнасилование (с покушениями)	Кражи	Разбои	Растрата, присвоение	Взяточничество
1	2	3	4	5	6	7	8
Рабочие	1987	61,4	51,0	40,3	46,4	28,3	33,2
	1991	51,2	48,9	57,4	35,9	47,8	34,0
	1995	26,4	31,8	28,2	18,3	46,5	19,3
	1999	17,4	23,4	20,4	12,9	48,4	13,2
	2003	16,1	22,4	16,3	13,9	54,2	20,9
	2006	15,2	20,2	15,1	13,9	50,6	21,5
	2013	14,4	19,3	15,1	13,5	44,1	20,7

¹¹¹ Жижек С. Размышления ... С. 121.

1	2	3	4	5	6	7	8
Служащие	1987	3,5	1,8	2,1	1,3	67,9	58,3
	1991	2,6	1,5	1,7	0,9	43,0	53,9
	1995	2,1	2,1	1,0	1,1	30,0	50,9
	1999	1,7	1,8	0,7	1,1	28,4	50,7
	2003	1,8	1,9	0,9	1,7	22,1	39,7
	2006	1,9	2,2	0,9	1,7	20,6	35,9
	2013	1,4	0,9	0,7	1,1	21,3	36,4
Работники сельского хозяйства	1987	6,2	5,9	3,7	2,0	3,1	1,7
	1991	5,0	6,8	7,4	1,8	6,0	0,6
	1995	1,1	2,0	2,1	0,3	2,5	0,2
	1999	1,2	2,0	2,8	0,3	6,5	0,5
	2003	0,6	0,9	1,5	0,2	3,6	0,5
	2006	0,3	0,5	0,8	0,1	2,0	0,4
	2013	0,2	0,2	0,3	0,0	1,3	0,7
Учащиеся (включая студентов)	1987	2,2	25,7	29,0	15,4	0,1	0,7
	1991	1,8	12,6	13,8	9,9	0,2	0,7
	1995	1,8	8,5	9,2	8,5	—	0,5
	1999	2,8	9,4	9,5	10,1	—	1,3
	2003	3,8	9,0	12,4	11,6	—	2,3
	2006	3,2	8,4	12,4	12,6	—	3,6
	2013	2,0	5,9	11,3	7,6	—	2,7
Предпри- ниматели (без обра- зования юридиче- ского лица)	1995	0,9	1,1	0,4	0,8	1,5	4,6
	1999	0,9	1,3	0,3	0,6	1,8	6,8
	2003	0,5	0,6	0,2	0,3	1,3	8,0
	2006	0,2	0,2	0,1	0,1	1,1	3,6
	2013	0,8	1,0	0,4	0,4	1,2	4,6
Лица без постоян- ного ис- точника дохода	1987	15,3	14,6	23,6	33,1	0,2	1,7
	1991	25,5	26,1	15,9	47,3	0,5	3,9
	1995	54,2	46,4	49,4	63,4	—	11,4
	1999	66,0	58,5	62,5	71,2	—	9,8
	2003	69,0	61,0	64,3	67,9	—	15,7
	2006	72,2	63,2	66,8	67,9	—	22,2
	2013	74,7	70,0	69,8	75,6	—	30,5
Безработ- ные	1995	4,6	3,8	5,6	4,6	—	1,2
	1999	6,2	6,3	6,7	5,8	—	1,7
	2003	7,4	6,1	6,9	5,5	—	1,4
	2006	7,7	7,0	6,9	6,1	—	2,6
	2013	4,7	3,8	3,9	3,8	—	2,0

Парадоксально высок удельный вес рабочих среди растратчиков при относительно низком удельном весе служащих. Это может быть объяснено «селективностью» деятельности милиции и уголовной юстиции, когда репрессии подвергаются «козлы отпущения», а не «белые воротнички». Удивительно высокий

удельный вес рабочих и лиц без постоянного источника доходов во взяточничестве объясняется тем, что названные категории являются взятодателями (нередко — вынужденными обстоятельствами). Но особенно знаменателен устойчивый и весьма значительный рост числа и доли лиц, не имеющих постоянного источника доходов, и безработных, т. е. «исключенных». Они вытеснили и «заместили» остальные группы населения.

Остается добавить, что не только «криминальность», но и виктимность зависит от социально-экономического статуса, принадлежности к той или иной социальной группе¹¹².

Иные факторы

Проанализировав изложенное выше, можно проследить связь между *социальным происхождением и вероятностью совершения* тех или иных преступлений. Это очевидно в тех случаях, когда социальное происхождение обуславливает социальное положение. Попытка выявить зависимости между социальным происхождением и различными формами социально значимого поведения предпринималась еще в начале 1970-х гг.¹¹³

Многочисленными отечественными и зарубежными исследователями отмечается корреляционная связь преступности с *уровнем образования*: чем он выше, тем меньше вероятность совершения «общественно-уголовных» преступлений и тем выше — «беловоротничковых».

Не менее известна относительно повышенная *криминальная активность мигрантов*, чья адаптация в среде «коренного» населения затруднена.

В целом «антикриминогенным» фактором выступает наличие *семьи*, хотя для так называемого семейного насилия именно конфликтные семейные отношения провоцируют совершение преступлений. Можно сказать, что «хорошая семья» — антикриминогенный фактор, «плохая семья» — криминогенный.

Интенсивность тех или иных преступлений зависит от *типа поселения*: есть преступления преимущественно «городские» (грабежи, разбои, мошенничество, должностные преступления и др.), есть — «сельские» (в России это тяжкие насильственные преступления, уровень которых в сельской местности в 1,5—2 раза выше, чем в городах)¹¹⁴. Так, коэффициент криминальной активности¹¹⁵ в

¹¹² Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе. Краснодар, 2005.

¹¹³ Человек как объект ...

¹¹⁴ Габияни А. А., Гачечиладзе Р. Г., Дидебулидзе М. И. Преступность в городах и сельской местности. Тбилиси, 1985. ; Забрянский Г. И. Криминологиче-

течение последних 20 лет составлял: по убийствам в городах — 0,8—0,9, в сельской местности — 1,2—1,4; по причинению тяжких телесных повреждений в городах — 0,9—1,0, в сельской местности — 1,0—1,1; по изнасилованиям в городах — 0,8—0,9, в сельской местности — 1,2—1,4; по кражам в городах — 1,1—1,2, в сельской местности — 0,7—0,9; по разбоям в городах — 1,1—1,2, в сельской местности — 0,4—0,7; по взяточничеству в городах — 1,1—1,2, в сельской местности — 0,5—0,7.

Различны уровень и структура преступности в мегаполисах (типа Москвы, Санкт-Петербурга), городах портовых и курортных, старинных и строящихся, крупных и малых, в рабочих поселках.

§ 2. Механизм индивидуального преступного поведения

Отечественные авторы под механизмом индивидуального преступного поведения (преступления) понимают либо преимущественно *психологический* механизм, этапы психической деятельности (мотивация, принятие решения, планирование, исполнение задуманного), не отрицая при этом известной роли среды, либо отдают предпочтение *социальным условиям*, влияющим как на формирование самой личности с ее психологическими свойствами, так и на принятие решения совершить преступление¹¹⁶. В целом сторонники обеих точек зрения отдают дань и социальным, и психологическим факторам генезиса преступления. Авторам пособия ближе второй — социологический — подход, на котором вкратце и остановимся.

Представляется возможным выделить несколько основных *элементов* (звеньев) механизма индивидуального преступного поведения. Очевидно, центральным элементом является личность потенциального или реального исполнителя преступного намерения. Но личностью не рождаются, ею становятся в процессе социализации, которая и выступает вторым звеном рассматриваемого механизма. Так или иначе социализированная личность действует (совершает преступление), находясь в конкретной жизненной ситуации, которая служит третьим необходимым элементом в генезисе преступления.

ские проблемы села. Ростов н/Д., 1990 ; Заварзин А. В. Предупреждение правонарушений на селе. Воронеж, 1983.

¹¹⁵ Частное от деления городского (сельской) преступности (%) на долю городского (сельского) населения (%) в соответствующем году.

¹¹⁶ Криминология : учеб. для юрид. вузов / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. Изд. 2-е перераб. СПб., 1999. С. 179—197 ; Кудрявцев В. Н. Генезис преступления : Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М., 1998 ; Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. С. 92—102 ; Хохряков Г. Ф. Криминология : учебник. М., 1999. С. 178—182.

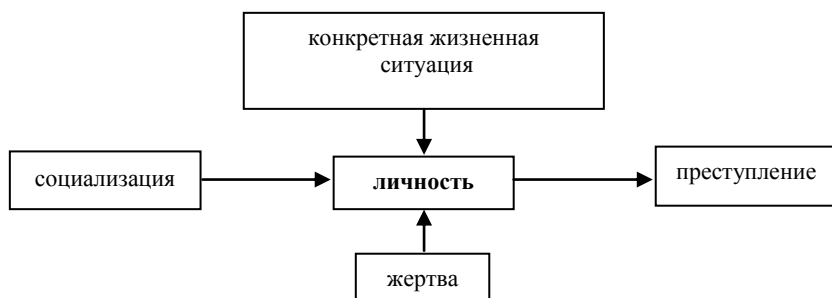
Наконец, бóльшую или меньшую роль в механизме преступного акта может играть поведение жертвы преступления.

Обозначим упомянутые элементы механизма индивидуального преступного поведения на схеме 1, а затем рассмотрим их подробнее.

Социология и психология различают понятия «индивид» — представитель вида *Homo Sapiens*; «личность» — индивид, наделенный социальными свойствами в процессе социализации; «индивидуальность» — неповторимая, уникальная конкретная личность. Человек рождается как индивид и лишь со временем становится личностью под воздействием институтов социализации — семьи, школы, ближайшего окружения, трудового коллектива и т. п.

С х е м а 1

Механизм индивидуального преступного поведения

Личность потенциального или реального преступника, как любого лица, характеризуется совокупностью социально-демографических признаков (пол, возраст, этническая принадлежность, образование, профессиональный и социальный статус, семейное положение), психологических свойств (уровень интеллекта, характерологические особенности, интра- или экстравертированность, уровень притязаний и др.), а также некоторых социально-биографических характеристик (отличник, неуспевающий, судимый, профессионал, лауреат, рецидивист и т. п.). Ясно, что каждый из составляющих личность признаков может иметь криминологическое значение. О роли некоторых социально-демографических характеристик говорилось выше. Криминологическому значению психологических свойств посвящена обширная литература¹¹⁷.

¹¹⁷ Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник. СПб., 1997 ; Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 1998 ; Самсонов А. П. Психология преступных групп. Пермь, 1991 ; и др.

Социализация индивида рассматривалась выше. Здесь отметим некоторые криминологически значимые ее аспекты. Как ни покажется удивительным, но важное криминологическое значение имеют самые ранние стадии социализации¹¹⁸. Так, отсутствие теплых эмоциональных контактов с матерью в течение первого года жизни ребенка, а также жесткий, авторитарный стиль воспитания, традиционный для России, с высокой степенью вероятности приводят к насильственным преступлениям. Ибо, как заметил еще доктор Б. Спок, «преступники вырастают из детей, страдающих не от недостатка наказаний, а от недостатка любви»¹¹⁹. Многочисленные наблюдения за детьми и эксперименты с животными привели исследователей к выводу, что «наказание не только не устраняет агрессивность, но поощряет и усиливает ее»¹²⁰. Как важно это знать и учитывать в практической деятельности родителей, педагогов, работникам пенитенциарных учреждений!

По мнению психологов, основные характерологические особенности человека складываются в возрасте до пяти-шести лет. Следовательно, как будет воспитываться ребенок на этой дошкольной (семейной) стадии социализации, таков у него будет характер (конечно, не без некоторого влияния наследственного фактора), а значит и поведенческие реакции.

Важными институтами социализации являются школа и ближайшее окружение, «значимые другие» (референтная группа). Криминологическое их значение показано в многочисленных исследованиях юристов, педагогов, социологов. А дефекты социализации проявляются в виде преступных и иных девиантных актов.

Конкретная жизненная ситуация нередко выступает криминогенным фактором. Бедственное материальное положение может послужить стимулом корыстного преступления, а сложная дорожная обстановка — причиной транспортного преступления. Поэтому «случайное стечение обстоятельств» и «стечение тяжелых жизненных обстоятельств» могут учитываться в качестве смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ). Существует определенное соотношение роли личности преступника и конкретной жизненной ситуации в генезисе преступления: чем «лучше» (социализированнее) личность, тем большая роль принадлежит конкретной жизненной ситуации (нужны исключительно неблагоприятные обстоятельства, чтобы законопослушная личность совершила

¹¹⁸ О стадиях социализации см.: Гилинский Я. И. Стадии социализации ...

¹¹⁹ Спок Б. Интервью // Литературная газета. 1968. № 10. С. 11.

¹²⁰ Скотт Д. П. Биология и контроль за насильем. М., 1973.

преступление). И наоборот — чем «хуже» личность, тем безразличнее конкретная жизненная ситуация, которая будет подыскиваться или специально создаваться для «оправдания» содеянного (классический пример: просьба дать закурить перерастает в последующее избиение или ограбление «непослушного»).

Жертва, ее возможная роль в механизме индивидуального преступного поведения хорошо изучена виктимологией. Различают три возможных варианта поведения потенциальной жертвы преступления: позитивное, негативное и нейтральное. При *позитивном* поведении возможная жертва предпринимает попытки предотвратить преступное поведение исполнителя (избежать конфликта, успокоить, убедить и т. п.). *Негативное* поведение может явиться провокационным для преступника (развязывание ссоры, скандала, выпивка с незнакомым партнером и т. п.)¹²¹. При *нейтральном* поведении жертва ведет себя обычным образом, не предвидя возможности стать потерпевшим, ничего не предпринимая для предотвращения или же провокации преступления.

Глава 5. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Anything goes!¹²²
P. Feyerabend

§ 1. Методология криминологии

Со времен Огюста Конта любая наука может считаться наукой, если в своих построениях она опирается на эмпирическую базу, добываемую с помощью естественно-научных методов: измерение, эксперимент, опыт и т. п. Меняются методология и методы исследования объектов познания, но остается неизменным требование применять их в процессе изучения того или иного явления физической, биологической, социальной природы. Не представляет исключения и криминология.

Само понятие методологии (греч. μέθοδος — верный путь, путь исследования) неоднозначно понимается в науке. В самом широком смысле методология — это теория человеческой деятельности, «это деятельность познания, мышления или, если говорить точнее, вся деятельность человечества, включая сюда не только собственно познание, но и производство. Можно ска-

¹²¹ Подробнее см.: Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003.

¹²² «Все сойдет!».

зять, что методология... есть теория человеческой деятельности»¹²³. В самом узком смысле под методологией понимается совокупность методов, приемов, процедур научного исследования¹²⁴. Именно такое отношение к методологии преобладает, например, в англоязычной литературе.

Своеобразным компромиссом между очень широким и очень узким пониманием методологии как пути познания является многоуровневый подход, когда различаются: самые общие методы научного познания — анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и др. (философская методология); общие для многих наук, междисциплинарные методы познания — системный и организационный анализ, кибернетический, синергетический подходы и др. (общенаучная методология); теория и методы конкретной науки, области знания; методика, совокупность операций и процедур, применяемых в конкретных исследованиях.

Не углубляясь в дискуссию о понятии и предмете методологии, отметим некоторые *принципы* научного познания, существенные для лучшего понимания предмета криминологии как социальной науки. Поскольку по каждому из рассматриваемых ниже принципов имеются полярные суждения, заметим, что излагается точка зрения авторов пособия, зачастую не самая распространенная¹²⁵.

Принцип универсальности законов мироздания (универсальный эволюционизм по Н. Моисееву).

Развитие науки в целом характеризуется единством противоположных тенденций — дифференциации и интеграции научных знаний. Ведущими на современном этапе являются интеграционные процессы. Складывающаяся в процессе интеграции научных дисциплин и направлений «инфранаука» (Н. Н. Моисеев) или «меганаука» (Б. Г. Кузнецов) исходит из необходимости объединения исследований неживой и живой природы и общества, изучения их с точки зрения универсальных законов мироздания. При этом основные закономерности социального бытия (включая преступность как социальный феномен) предстают как *инобытие* всеобщих закономерностей самодвижения (самоорганизации) материи, мира, мироздания, как модификация, доразвитие их фундаментальных свойств (Э. С. Маркарян, Е. Х. Нерсесова). Ибо «сама Земля и все, что на ней

¹²³ Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. С. 6.

¹²⁴ Подробнее см.: Попов Г. Х. Проблемы теории управления. М., 1970. С. 5—6.

¹²⁵ Гилинский Я. Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности: ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1988. С. 102—110.

происходило вчера и будет происходить завтра, суть частные проявления единого, общего процесса саморазвития (самоорганизации) материи, подчиняющегося единой системе законов (правил), действующих в Универсуме»¹²⁶. Для криминолога этот принцип означает необходимость отказаться от представлений об уникальности преступности и ее закономерностей, посмотреть на свой предмет с более широких позиций.

Принцип универсальности общенаучных методов познания действительности.

Исходя из принципа универсальности законов мироздания, можно предположить универсальность общенаучных методов познания действительности (включая преступность). Это означает возможность применения в криминологии не только системного и организационного анализа¹²⁷, но и синергетики, теории хаоса, теории катастроф, понятия бифуркации, следствий второго закона термодинамики с понятиями энтропии и негэнтропии и иных современных общенаучных концепций. Это осознается отечественными учеными (так, синергетическая модель детерминации преступления предлагается В. А. Бачининым¹²⁸) и зарубежными, прежде всего представителями постмодернизма в криминологии¹²⁹.

Принцип относительности знаний (релятивизм).

Всякое знание о любом предмете действительности относительно, неполно, ограничено. Никогда нельзя достичь «полного и окончательного» знания об исследуемом объекте. Это связано, прежде всего, с тем, что все объекты действительности находятся в постоянном изменении. Кроме того, возможности человеческого познания всегда ограничены имеющимися на каждый данный момент времени средствами. Представители естественных наук в процессе познания так или иначе взаимодействуют с объектом и «нарушают» условия его существования (проблема: субъект — прибор — объект). Представители социальных наук «встроены» в изучаемый объект (общество, его сферы и сегменты), подвержены влиянию с его стороны. Марксово «нельзя жить в обществе и быть

¹²⁶ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 86.

¹²⁷ Вицин С. Е. Системный подход к преступности // Правоведение. 1981. № 5. С. 49—56; Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Организованная преступность в России: теория и реальность / ред. Я. Гилинский. СПб., 1996. С. 1—15.

¹²⁸ Бачинин В. А. Философия права и преступления. Харьков, 1999. С. 518—525.

¹²⁹ Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism, 1996; Milovanovic D. Postmodern Criminology. NY-L., 1997.

независимым от него», увы, — факт. Сказанное — не призыв к отказу от познания действительности (включая преступность), а предостережение от абсолютизации достигнутых знаний.

Принцип дополнительности.

Вышеизложенное плюс необычайная сложность даже самых «простых» («элементарных») объектов приводит к тому, что Н. Бором сформулировано как принцип дополнительности — *contraria sunt complementa* (противоположности дополнительные): лишь противоречивые, взаимоисключающие концепции в совокупности могут достаточно полно описать изучаемый объект. Иными словами, не «преодоление» противоречивых суждений об объекте, а их взаимодополнительность. Хотя принцип дополнительности был сформулирован применительно к физическому явлению — двойственной природе света (волновой и корпускулярной), однако уже для Н. Бора был ясен его универсальный характер. Н. Бор писал: «Мы и в других областях человеческого познания сталкиваемся с видимыми противоречиями, которые могут быть устранены только с помощью принципа дополнительности»¹³⁰. И как будто специально для криминологов: «Общую цель всех культур составляет самое теснейшее сочетание справедливости и милосердия; тем не менее следует признать, что в каждом случае, где нужно строго применить закон, не остается места для проявления милосердия, и наоборот, доброжелательство и сострадание могут вступить в конфликт с самыми принципами правосудия»¹³¹.

А, как говорил другой выдающийся физик Макс Борн, «Вера в то, что существует только одна истина и что она уже постигнута, кажется мне главной причиной всех зол на Земле»¹³².

Итак, криминологи могут применять все возможные методы научных исследований: философские, логические¹³³, исторические, общенаучные (системный анализ, организационный анализ, синергетика), социологические методы сбора первичной информации (наблюдение, опрос, анализ документов, эксперимент), психологические методы (тесты) исследования свойств личности и т. д.

Нельзя не отметить роль *сравнительного метода* в изучении преступности. Сравнительные (компаративистские) исследования преступности различных государств приобретают все большее

¹³⁰ Бор Н. Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. С. 209.

¹³¹ Там же. С. 495.

¹³² Цит. по: Коул К. Естественность принципа дополнительности // Импакт. Наука и общество. 1986. № 1. С. 55.

¹³³ Бачинин В. А. Указ. соч. ; Блувштейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии : Опыт логико-философского исследования. Минск, 1990.

значение в условиях глобализации всех социальных процессов, включая преступность¹³⁴. Нередко именно сравнительные исследования позволяют выявить тенденции, неявные при рассмотрении на примере одной страны.

Наконец, отметим роль *моделирования* в современном научном познании вообще, криминологии в особенности. Моделирование — это то, чем всегда занималась и занимается каждая наука, независимо от осознания того, что она «говорит моделями». Ибо в самом широком смысле модель — это отражение, образ изучаемого, исследуемого, рассматриваемого объекта реальной действительности (или ирреальности: образ русалки, лешего, бабы-яги...). Говоря более научно, *модель* — это «представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает новую информацию об этом объекте»¹³⁵. Существует множество других определений. Но для нас важно, что моделирование предполагает некоторые теоретические (мысленные) представления об изучаемом объекте и системное описание (изложение) этих представлений, отражающих (неполно, схематично) наиболее существенные, «системообразующие» признаки, параметры объекта изучения.

Содержательная модель, всегда присущая научным исследованиям, формулируется на естественном языке. *Формальная* модель выражается с помощью формальных языков (логического, математического) и свойственна раньше всего естественным наукам, а позднее — и социальным¹³⁶. Не представляет исключения и криминология¹³⁷.

Модели позволяют «проигрывать» различные ситуации, которые невозможно воспроизвести в действительности, исследовать

¹³⁴ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005 ; Кури Х., Обергфелль-Фукс Й. Общественные изменения и развитие преступности: сравнение в международном аспекте // Криминология. XX век. СПб., 2000. С. 115—176.

¹³⁵ Штофф В. А. Моделирование и философия. М.-Л., 1965. С. 16.

¹³⁶ Плотинский Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов : учеб. пособие. М., 1998.

¹³⁷ Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974 ; Вицин С. Е. Моделирование в криминологии : учеб. пособие. М., 1973 ; Кудрявцев В. Н. Генезис преступления... ; Ли Д. А. Преступность в России : Системный анализ. М., 1997 ; Ольков С. Г. Математическое моделирование ... ; Юзиханова Э. Г. Моделирование ...

возможные изменения объекта исследования при изменении отдельных его параметров или же условий среды, прогнозировать развитие объекта при заданных параметрах и т. п.

§ 2. Эмпирические криминологические исследования

С середины XIX века под влиянием позитивизма в философии и социологии (труды О. Конта, Г. Спенсера и др.) социальные науки начинают активно применять «позитивные», естественно-научные методы исследования своего объекта. В криминологии это антропологические измерения Ч. Ломброзо, статистический анализ А. Кетле, социально-экономические исследования Ф. Энгельса («Положение рабочего класса в Англии») и др.

Постепенно криминологи начинают все активнее использовать весь арсенал социологических методов сбора и анализа эмпирических данных о своем объекте. В литературе — как социологической, так и криминологической — достаточно подробно изложены методика и техника эмпирических исследований преступности, ее отдельных видов, факторов, влияющих на преступность¹³⁸. Поэтому ниже будет представлена лишь некоторая схема таких исследований.

Проведению исследования предшествует разработка его программы, включая определение целей, задач исследования, выработку гипотез (предположения, проверяемые в процессе исследования), анализ необходимой литературы, а также разработанный инструментарий — те конкретные методики, которые будут применяться в процессе сбора информации (анкеты, опросные листы, тесты и т. п.).

Невозможно перечислить все случаи, когда целесообразно проведение эмпирических криминологических исследований. Лишь в качестве примера назовем некоторые типичные задачи регионального криминологического исследования.

¹³⁸ Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Криминологический анализ преступности в регионе : Методология, методика, техника : учеб.-метод. пособие. Л., 1991 ; Безруков С. И., Денисенко О. А., Ольков С. Г., Юзиханова Э. Г. Фундаментальное и прикладное криминологическое исследование преступности и управление органами внутренних дел. Тюмень, 2004 ; Блувштейн Ю. Д. Криминологическая статистика (статистические методы в анализе оперативной обстановки). Минск, 1981 ; Методика анализа преступности : метод. пособие // ВНИИ Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. М., 1986 ; Методы сбора информации в социологических исследованиях. В 2-х кн. / отв. ред. В. Г. Андреевков, О. М. Маслова. М., 1990 ; Ядов В. А. Социологическое исследование : Методология, программа, методы. Самара, 1995.

Определение *состояния преступности* (объем, уровень, структура, динамика) в регионе. Обычно достигается сбором и анализом официальных статистических данных, результатов виктимологических опросов.

Уточнение *социально-демографического состава* (пол, возраст, уровень образования, социальное и семейное положение и т. п.) лиц, совершающих различные преступления. Проводится путем анализа статистических данных, а также в результате опроса. На основе полученных данных, рассчитываются коэффициенты (индексы) криминальной активности различных социально-демографических групп по формуле:

$$K \text{ кр. акт.} = \frac{n}{N}, \text{ где}$$

n — доля социально-демографической группы среди лиц, виновных в совершении преступлений (в %);

N — доля той же группы в населении (в %).

Коэффициент криминальной активности показывает вклад группы в преступность. При $K \text{ кр. акт.} > 1$ можно говорить о повышенной криминальной активности, при $K \text{ кр. акт.} < 1$ — о пониженной¹³⁹.

Установление *пространственного (территориального) распределения* преступности и отдельных ее видов в регионе: по районам и микрорайонам города; по районам, населенным пунктам области и т. п. Одновременно выявляются экспортно-импортные потоки преступлений: жители каких территориальных единиц совершают преступления (и какие именно) на изучаемой территории.

Выявление *временного распределения* (по дням недели, часам суток, месяцам — «сезонная волна») преступности и ее видов. Так, в Санкт-Петербурге уровень преступности ежедневно увеличивался, начиная с понедельника, достигал максимума в пятницу, несколько снижался в субботу и падал до минимума в воскресенье (преступники тоже отдыхают...). Квартирные кражи преобладали от 12 до 16 час (что легко объяснимо — время, когда владельцы жилья на работе), а вот уличные преступления — с 18 до 24 час. Для различных видов преступлений наблюдалась и своя «сезонная волна»¹⁴⁰.

¹³⁹ Проскурнина Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы ...

¹⁴⁰ Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Указ. соч.

Установление *взаимосвязей* между преступностью, ее состоянием и социальными, экономическими, политическими, культурологическими и прочими факторами, влияющими на преступность. Это наиболее сложная из задач эмпирического криминологического исследования. Она решается средствами корреляционного, факторного, регрессионного анализа, т. е. специальными математическими методами, описание которых выходит за рамки данной работы и требует обращения к соответствующей литературе¹⁴¹.

Выявление *взаимоотношений* между населением и правоохранительными органами в связи с преступностью, а также роли средств массовой информации (СМИ) в освещении проблем преступности и формировании «образа преступника», «страха перед преступностью» и т. п. Эта задача решается с помощью контент-анализа прессы и массовых опросов населения¹⁴².

Напомним основные *социологические* (они же — криминологические) *методы сбора первичной информации*.

Наблюдение в криминологии по понятным причинам применяется реже, чем в социологии. Вместе с тем оно вполне возможно, например, при изучении режима в пенитенциарных учреждениях (пенитенциарная криминология). Наблюдение как научный метод предполагает наличие предварительного плана, подлежащих изучению вопросов и т. п.

Анализ документов — один из основных методов получения криминологической информации. Наиболее часто используются официальные (формальные) документы — материалы уголовных дел, нормативные документы, справки, отчеты и др., а также официальные статистические материалы и документы первичного учета (статистические карточки МВД России и Министерства юстиции России на преступление, на лицо, совершившее преступление, на подсудимого, на потерпевшего и др.). Приходится обращаться и к неофициальным (неформальным) документам — письмам, дневникам и др. Так, «письма из тюрьмы» активно используются в качестве источника информации отечественными и зарубежными авторами¹⁴³.

¹⁴¹ Ольков С. Г. Математическое моделирование ... ; Скифский И. С. Указ. соч. ; Юзиханова Э. Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации : монография. Тюмень, 2007.

¹⁴² Afanasyev V., Gilinskiy Y. Alcohol, Drugs and Crime in the St. Petersburg Press // Social Problems in Newspaper. Studies around the Baltic Sea. Helsinki, 1994. P. 55—70 ; Gilinskiy Y. Police and the Community in Russia // Police Practice and Research. An International Journal. 2005. Vol. 6, № 4. P. 331—346.

¹⁴³ Письма из зоны 1985—1987 / [сост. В. Ф. Чеснокова, В. Ф. Абрамкин]. М., 1993 ; Palermo G., White M. Letters from Prison: A Cry for Justice. 1998.

Опросы также часто применяются в криминологических исследованиях. Используются оба основных их вида: анкетный и интервью. Каждый из них обладает определенными достоинствами и имеет свои недостатки.

Интервью, т. е. личная беседа интервьюера (исследователя) и респондента (опрашиваемого) позволяет при необходимости уточнять вопросы, предусмотренные «опросным листом» (анкетой, «путеводителем интервью»), задавать дополнительные вопросы, гарантирует ответы на все вопросы и т. п. Но при этом исключается анонимность опроса (что может повлиять на степень правдивости ответов), а также ограничивается число респондентов (лично опросить можно десятки человек, но не тысячи).

Анкетный опрос обеспечивает анонимность, позволяет опросить сколько угодно большое число респондентов, но при этом нельзя разъяснить неясный для респондента вопрос, возможно неполное заполнение анкеты или ее невозврат.

По форме проведения опрос может быть личным (интервью, *face of face*), почтовым, телефонным. К числу массовых анкетных опросов относятся виктимологические опросы населения. Нередко проводятся как интервью, так и анкетный опрос лиц, обвиняемых или осужденных за совершение изучаемого вида преступлений, заключенных, представителей делинквентных и криминальных групп¹⁴⁴.

Опрос экспертов — разновидность опроса, рассматриваемая нередко как самостоятельный метод. Применяется обычно тогда, когда необходимо получить мнение специалистов по какому-либо вопросу. Часто экспертный опрос применяется наряду с опросом населения или какой-то группы (осужденных, подростков). Это дает возможность сравнить, сопоставить мнение специалистов и «несведущих» людей. Так, при изучении деятельности преступных организаций могут опрашиваться их члены, предприниматели, а также специалисты (эксперты) — руководители соответствующих подразделений МВД России, ФСБ России, следственных управлений.

Эксперимент редко возможен в криминологических исследованиях. Исключение представляют эксперименты, связанные с программами реадaptации, ресоциализации осужденных, лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях. Устанавливая в некоторых из них («экспериментальных») новые условия отбы-

¹⁴⁴ Тюремный мир глазами политзаключенных 1940—1980-е годы / ред. В. Ф. Абрамкин, В. Ф. Чеснокова. М., 1998 ; Morris R., Heffren C. Street People Speak. 1988.

вания наказания (например, предоставление отпусков в женских колониях), осуществляя новые психолого-педагогические методы коррекции поведения и сопоставляя с ситуацией в других учреждениях, выявляются достоинства и недостатки нововведений.

Это неполный перечень социологических методов, используемых в криминологии. Все большую роль играют так называемые *качественные методы*, включая *case-study* (анализ конкретных случаев, уголовных дел), метод фокус-групп и др.¹⁴⁵

Наряду с социологическими методами при изучении лиц, совершивших преступления (осужденных, заключенных), могут применяться и *психологические методы*, например, тестирование, которое проводят профессиональные психологи.

§ 3. Прогнозирование преступности

Одна из исследовательских криминологических задач, имеющих существенное практическое значение, — прогнозирование преступности и ее видов на определенной территории. Любой прогноз — экономики, преступности, погоды — вероятностен, абсолютно точные прогнозы невозможны: слишком много факторов влияет на предмет прогноза.

Различают краткосрочные (на один-два года), среднесрочные (на 3—5 лет) и долгосрочные (свыше 5 лет) прогнозы. Чем длительней срок прогноза, тем менее он вероятен (легко сравнить с прогнозом погоды!).

При прогнозировании преступности (ее видов) применяются три основных прогностических метода.

Экстраполяция. Это распространение динамики преступности за прошлый период на будущий. Так, кривая тренда преступности за прошедший период (5—10 и более лет) распространяется на будущие года. При этом предполагается, что при прочих равных условиях тренд преступности сохранится. Конечно, это предположение далеко не всегда оправдывается.

Опрос экспертов. Выше кратко говорилось об этом методе. Предполагается, что эксперты могут учесть те особенности социальной (экономической, политической, демографической и иной) ситуации, которые влияют на сохранение или изменение тренда преступности, предшествовавшего прогнозированию.

¹⁴⁵ Белановский С. А. Методика и техника фокусированного интервью : учеб.-метод. пособие. М., 1993.

Моделирование. Это наиболее надежный метод, поскольку в модель закладываются по возможности все параметры (факторы), влияющие на состояние преступности: изменение экономики, демографической структуры, потребление алкоголя и наркотиков, миграционные потоки и т. п. Моделирование активно применяется такими отечественными учеными, как С. Г. Ольков, И. С. Скифский, Э. Г. Юзиханова, чьи труды неоднократно упоминаются в данном учебном пособии.

При этом необходимо помнить, что даже самое тщательное прогностическое исследование не может предусмотреть все обстоятельства, которые способны повлиять на точность прогноза. Более того, в современном мире все чаще проявляются принципиально непредсказуемые бифуркации, когда принципиально невозможно предсказать, в какую сторону «развернется» исследуемый объект (в нашем случае — преступность) в так называемой точке бифуркации.

Глава 6. ПРЕСТУПНОЕ НАСИЛИЕ

Человек является единственным видом, в котором борьба носит уничтожающий характер.

Н. Тинберген

Насильственные преступления направлены против самого ценного для человека — его жизни, здоровья, физической целостности и неприкосновенности. Тягчайшее из насильственных преступлений — убийство — является и тягчайшим из всего арсенала преступных посягательств. Не случайно именно со ст. 105 «Убийство» начинается Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Но насильственные преступления — лишь часть насилия, распространенного в человеческом обществе. Поэтому мы считаем необходимым предпослать общую характеристику насилия конкретному анализу насильственных преступлений против личности, а также рассмотреть некоторые преступления насильственного характера, выходящие за рамки глав 16—18 УК РФ.

§ 1. Социальное насилие

Насилие — в различных его проявлениях — неотъемлемая составляющая (элемент) общественного бытия. В буквальном смысле слова жизненно важная проблема насилия породила об-

ширнейшую литературу и науку о нем — виолентологию (от лат. *violentia* — насилие) или вайоленсологию (от англ. *violence*). В России только за последние годы издан ряд фундаментальных трудов, посвященных проблеме насилия¹⁴⁶.

Наиболее широким является понимание насилия как поведения, наносящего вред другим¹⁴⁷; как принуждение, ограничение свободы выбора, «узурпация свободной воли»¹⁴⁸. Более узкое понимание ограничивает насилие причинением физического, психического или материального (имущественного) вреда. Наконец, в самом узком смысле под насилием понимается причинение физического вреда, нарушение физической неприкосновенности.

Не меньше споров о природе насилия: имеет оно преимущественно животное происхождение или же — социальное.

«Какое зверское убийство!», — восклицаем мы, услышав об особо жестоком лишении жизни. «Не человек, а зверь!», — говорим о человеке жестоком, убийце, садисте. И в голову не приходит при этом, что мы клеветаем на зверей... Во-первых, внутривидовое убийство среди животных — крайняя редкость (Е. Артт, Ш. Волин, Н. Тинберген, Р. Хартогс и др.). У животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются серьезными травмами и смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигналы «капитуляции» немедленно прекращают самую жестокую схватку. «Борьба между животными одного и того же вида не имеет своей целью смерть противника; как правило, она не сопровождается кровопролитием и прекращается при отступлении одного из конкурентов»¹⁴⁹. Во-вторых, агрессия и убийство среди животных всегда инструментальны: из-за пищи, из-за самки, при защите детеныша, но никогда не превращаются в само-

¹⁴⁶ Аснер П. Насилие и мир : От атомной бомбы до этнической чистки. СПб., 1999 ; Бассиюни К. Воспитание народоубийц : Власть или зрелость; О принуждении к послушанию и стремлении к автономии. СПб., 1999 ; Гилинский Я. И. Социальное насилие. СПб., 2013 ; Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Насилие : Социо-политический анализ. М., 2000 ; Жижек С. О насилии. М., 2010 ; Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000 ; Красиков В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе : Очерки. М., 2009 ; Кугай А. И. Насилие в контексте современной культуры. СПб., 2000.

¹⁴⁷ Violence / ed. N. Tutt. L., 1976. P. 613.

¹⁴⁸ Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 36.

¹⁴⁹ Симонов П. Знание — против зла // Диалоги: полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М., 1979. С. 269.

цель, не бывают, как у людей, «просто так», «куражу ради», «из хулиганских побуждений». «Агрессивности ради агрессивности у животных, по-видимому, вообще не существует»¹⁵⁰.

По данным Р. Руммела, за 87 лет минувшего столетия помимо 39 млн жертв межнациональных и гражданских войн, около 151 млн человек было убито собственными правительствами¹⁵¹. По оценке Н. Крессела, лидеры стран — «спонсоры убийств» — принесли в жертву человеческие жизни: СССР (1917—1987 гг.) — 61,9 млн, Китай (1928—1987 гг.) — 45,2 млн, Германия (1934—1945 гг.) — 20,9 млн, Япония (1936—1945 гг.) — 5,8 млн, Камбоджа (1975—1978 гг.) — свыше 2 млн и т. д.¹⁵² Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей?

Очевидно, насилие в человеческом обществе отличается от агрессивности животных не только масштабами, но и тем, что оно сопровождается враждебным отношением к объекту насилия (волк вряд ли испытывает «вражду» к зайцу, а тигр — к лани).

Однако качественное отличие насилия от агрессии проводится не всеми авторами. Но «если проявление истребительной внутривидовой агрессии — это специфическая особенность человека, то разве не логично искать причины этой специфической черты в том, что характерно именно для человека, что его отличает от животных, а не в том, что его роднит с ними?.. Специфические особенности агрессивности у человека есть следствие специфических же для человека условий жизни, т. е. следствия особенностей той социальной среды, которую он в процессе своего исторического развития для себя создал. При таком понимании проблема причин агрессивности превращается в проблему исследования тех социальных причин, которые агрессивность вызывают»¹⁵³. Наш общий подход к социальным причинам был изложен в главе 3 Пособия, здесь же обратимся к некоторым специфическим факторам, обуславливающим перерастание животной агрессивности в социальное насилие.

Появление в процессе эволюции общественного человека означало переход на новый, социальный уровень организации материи. Однако эта новая система — «общество» — есть результат все того же единого мирового процесса самоорганизации материи (Н. Моисеев), его этап, момент эволюции Вселенной, подчиняющийся ее фундаментальным законам. «Сверх-

¹⁵⁰ Там же. С. 269.

¹⁵¹ Аснер П. Указ. соч. С. 15.

¹⁵² Kressel N. Masse Hate: The Global Rise of Genocide and Terror. 1996. P. 252—253.

¹⁵³ Бассин Ф. Тяжкое бремя легких аналогий // Диалоги. М., 1979. С. 51, 55.

адаптация» общественного человека осуществляется путем активного силового изменения среды. Биологическая «борьба за существование» перерастает в социальную «сверхборьбу за лучшее существование («сверхсуществование»)).

Дарвиновская триада (изменчивость — наследственность — отбор) фиксирует новый, более эффективный механизм адаптации живых организмов по сравнению с физическим (добиологическим) уровнем организации мироздания. Вид *Homo Sapiens* служит «ступенью» перехода к более высокому (более сложному) уровню организации материи — социальному. При этом человек остается биологическим существом, сохраняя выработанное в процессе эволюции «наследство», включая агрессивность, которая была необходима слабосильному существу в среде более сильных, вооруженных клыками, рогами, когтями. Биологическое происхождение агрессивности как эволюционно выработанного средства адаптации и выживания обосновывается современной социобиологией (A. Walsh, E. Wilson и др.¹⁵⁴).

Со временем адаптация человека как биологического существа «доразвилась» до сверхадаптации социального организма — общества (которое само возникло и функционирует как механизм адаптации *Homo Sapiens*). Агрессивность, уходящая корнями в биологию и «подчиняющаяся» биологическим закономерностям, выступает теперь в форме социального насилия, обусловленного законами социального развития.

Выше (в главе 3) подробно говорилось о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности. В основе социального насилия вообще, криминального в частности, лежат те же механизмы. При этом в детерминации различных форм социального насилия особую роль играют неудовлетворенные социальные потребности: в престиже, статусе, самоутверждении. Если неудовлетворенная витальная потребность (в пище, продолжении рода, защите от холода и т. п.) приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность — к «сверхборьбе за сверхсуществование». Насилие выступает раньше и чаще других средств и способов самоутверждения, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные (или приемлемые), конструктивные, творческие способы. И тогда «как предельный случай самоутверждения — убий-

¹⁵⁴ Walsh A. Biosociology : An Emerging Paradigm. 1995 ; Walsh A. Biosocial Criminology. Introduction and Integration. Cincinnati OH, 2002.

ство»¹⁵⁵. Даже, казалось бы, такое «очевидное» по своей мотивации преступление, как изнасилование, часто служит способом самоутверждения, а не удовлетворения витальной — сексуальной потребности¹⁵⁶. (Это теоретическое положение нашло подтверждение в результатах эмпирического исследования изнасилований: лишь 8,5 % опрошенных лиц, виновных в изнасиловании или покушении на изнасилование, указали на половое влечение как мотив преступления¹⁵⁷). Вообще «насилие имеет место тогда, когда создается препятствие для полной соматической или духовной реализации потенций человека» (J. Galtung)¹⁵⁸.

«Власть» вожака стаи (стада) животных трансформируется во властные структуры человеческого общества, начиная с власти родоплеменных вождей. А власть — всегда порождение и источник насилия. Исторически позже возникает еще одна форма удовлетворения потребности в самоутверждении: накопление богатства. Этот процесс подробно рассмотрен американским экономистом Т. Вебленом. Он, в частности, пишет: «Самыми высокими почестями, которые только можно заслужить у народа, все еще остаются почести, добытые проявлением чрезвычайных хищнических склонностей на войне или квазихищнических способностей в государственном управлении; но просто для приобретения приличного положения в обществе эти средства к достижению славы заменились приобретением и накоплением материальных ценностей»¹⁵⁹. Итак, *Насилие* (война), *Власть* (государственное управление), *Богатство* (материальные ценности) — вот основные исторически сложившиеся распространенные «средства» самоутверждения (приобретения почестей и почета) общественного человека. Есть, правда, альтернатива: в терминологии Т. Веблена — «инстинкт мастерства» (творчество!), который «рождает чувство отвращения к бесполезному существованию или пустым расходам» и «является судом высшей инстанции». «Инстинкт мастерства», творческий талант дан каждому, но, увы, не каждым востребован.

¹⁵⁵ Туровская М. «Преступления века» и «массовая цивилизация» // Новый мир. 1968. № 7. С. 236.

¹⁵⁶ Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 241—242.

¹⁵⁷ Гилинский Я., Позднякова М., Рыбакова Л. Криминологическая характеристика изнасилований // Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями. М., 1988. С. 150—160.

¹⁵⁸ Цит. по: Денисов В. В. Социология насилия. М., 1975. С. 58.

¹⁵⁹ Веблен Т. Указ. соч. С. 80.

Социальное насилие становится средством осуществления внешней и внутренней политики государства, средством борьбы за власть. При этом государство монополизирует право на умерщвление — от смертной казни и внесудебной расправы до военных действий.

Насилие приобретает *системный* характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, J. Galtung), «право поражено насилием» (Benjamin). Фактически «насилие встроено в систему»¹⁶⁰.

Представляет несомненный интерес *классификация видов насилия*, предложенная С. Жижеком¹⁶¹. Он различает насилие «субъективное», «символическое» и «системное». За этой классификацией скрываются немаловажные теоретические представления.

Субъективное насилие — это те проявления социального насилия, которые «лежат на поверхности», легко различимы и признаваемы большинством людей (и уголовным законом): убийства, теракты, войны и т. п.

Символическое насилие — это насилие, воплощенное в языке, речи. Но это не только очевидные случаи речи-ненависти (оскорбления, угрозы и т. п.). По мнению С. Жижека, «есть еще более фундаментальная форма насилия, которая принадлежит языку как таковому, насаждаемой им определенной смысловой вселенной»¹⁶². В качестве примера он приводит массовые вспышки насилия в мусульманском мире в связи с опубликованием в одной из датских газет карикатур на Мухаммеда. Большинство участников волнений не видели ни этой датской газеты, ни самих карикатур, но эта публикация, ставшая известной благодаря глобализации СМИ и «всемирной паутине», затронула привычные символы, установки, враждебные мусульманскому миру: Запад, империализм, безбожие, гедонизм.

Системное (объективное) насилие — еще более «скрытое», незаметное, но постоянно присутствующее в человеческом обществе (и тем более опасное) явление. Это по С. Жижеку «нередко катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических систем». При выявлении и анализе си-

¹⁶⁰ Бекер Д. Понятие системного насилия // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 68.

¹⁶¹ Жижек С. О насилии.

¹⁶² Там же.

стемного насилия, считает С. Жижек, необходимо исходить из конкретных исторических условий. Будучи явным противником капитализма, С. Жижек показывает это на его примере. Он пишет: «Именно организованная без всякого внешнего принуждения метафизическая пляска всемогущего Капитала служит ключом к реальным событиям и катастрофам. В этом и заключается фундаментальное системное насилие капитализма, гораздо более жуткое, чем любое прямое докапиталистическое социально-идеологическое насилие: это насилие больше нельзя приписать конкретным людям и их “злым” намерениям; оно является чисто “объективным”, системным, анонимным»¹⁶³. Это системное насилие, которое присуще социальным условиям глобального капитализма, и предполагает «автоматическое» создание «исключенных» и лишних людей — от бездомных до безработных.

Нравится нам это или нет, но насилие сопровождает человека всю его историю. Более того, прослеживается эскалация насилия и средств его осуществления: от войн «племени против племени» с помощью топора, копий и стрел до мировых войн XX столетия и угрозы тотального самоуничтожения человечества (омницид) в ходе применения современных средств массового уничтожения. Насилие как адаптационное средство, выйдя из-под контроля, угрожает самому существованию человечества¹⁶⁴.

Американские исследования 186 обществ и культур, последствий вьетнамской войны и отечественные исследования афганской и чеченской войн, несомненно, свидетельствуют о том, что *интенсивность агрессивности в обществе прямо пропорциональна его участию в войнах*. В обществе, не ведущем войны, уровень насилия в течение десяти лет падает¹⁶⁵.

Социальное насилие многолико: от семейного до межгосударственного, от индивидуального до массового (например, геноцид), от легального (от имени государства) до криминального, от инструментального до немотивированного и т. д. Соответственно существует множество типологизаций и классификаций социального насилия¹⁶⁶.

¹⁶³ Там же. С. 15.

¹⁶⁴ Аснер П. Указ. соч. ; Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., 1987 ; Его же: Расставание с простотой.

¹⁶⁵ Социальная работа по профилактике и преодолению насилия, агрессии в молодежной среде. М., 1996. С. 57.

¹⁶⁶ Дмитриев А. В., Залысин И. Б. Указ. соч. С. 30—57.

Тщательный социально-психологический анализ агрессии и насилия представлен в известном труде Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности». Э. Фромм различает оборонительную, «доброкачественную» агрессию, которая служит сохранению индивида и рода, и «злокачественную» агрессию, деструктивность, жестокость, которая присуща только человеку и отсутствует у других животных. Эта агрессия не служит биологическому приспособлению и бесцельна. Приходится признать, отмечает Э. Фромм, что «человек отличается от животных именно тем, что он убийца». Э. Фромм подробно исследует истоки и проявления «злокачественной агрессии», такие ее разновидности как садизм и некрофилия (понимаемая в широком смысле; в частности, рассматривается А. Гитлер как клинический случай некрофилии). Вот результат эмпирического исследования, осуществленного Э. Фроммом совместно с М. Маккоби: «Все опросы показали, что антижизненные (деструктивные) тенденции весьма примечательно коррелируют с политическими воззрениями тех лиц, которые выступают за усиление военной мощи страны... Лица с деструктивной доминантой считали приоритетными следующие ценности: более жесткий контроль над недовольными, строгое соблюдение законов против наркотиков, победное завершение войны во Вьетнаме, контроль над подрывными группами и их действиями, усиление полиции и борьба с мировым коммунизмом»¹⁶⁷.

Достаточно подробный обзор психологических концепций агрессии имеется в двухтомнике Х. Хекхаузена «Мотивация и деятельность»¹⁶⁸.

§ 2. Криминологический анализ насильственных преступлений против личности

Насильственные преступления против личности — лишь одно из проявлений социального насилия. Название «насильственные преступления» или же «преступления против личности», принятые в литературе, весьма условны, поскольку всё преступления — суть проявления насилия в широком смысле этого слова (как нанесение вреда, принуждение, ограничение свободы воли).

В узком смысле под насильственными преступлениями против личности понимаются нелегитимные, запрещенные уголовным законом деяния, посягающие на жизнь, здоровье, физическую (в том числе половую) неприкосновенность личности. К таким деяниям относятся преступления, предусмотренные главой 16, главой 18 УК РФ,

¹⁶⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

¹⁶⁸ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1. С. 365—405.

ст.ст. 126—128, 205—206, 277, 317—318, 333—335, 353, 356, 357, 360 УК РФ, а также иные преступления, когда они посягают на жизнь, здоровье или физическую неприкосновенность граждан (например, хулиганство, сопровождаемое насилием, грабеж с насилием или разбой, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшие вред здоровью или смерть и т. п.). Однако в силу традиции и с учетом имеющихся статистических данных, мы вынуждены в дальнейшем анализе ограничиться теми преступлениями, *непосредственным объектом* которых является жизнь, здоровье, половая неприкосновенность и свобода (главы 16 и 18 УК РФ).

Динамика преступлений против личности в России. Была представлена в таблицах 3 и 4. Кроме того, обширный материал содержится в неоднократно упоминавшейся монографии В. В. Лунеева¹⁶⁹ и в Особенной части его «Курса мировой и российской криминологии»¹⁷⁰. Поэтому мы, прежде всего, ограничимся краткой характеристикой некоторых качественных изменений преступлений против личности.

Большинство исследователей отмечают рост числа заказных убийств по экономическим и политическим мотивам, а также вследствие «разборок» криминальных структур (по некоторым данным, значительно превосходящим официальные, ежегодно в стране совершается 500—600 убийств по найму¹⁷¹); количества актов и жертв терроризма; количества взятия заложников; вымогательств с применением изощренных методов насилия (пытки). Нередко указывается на увеличение числа серийных убийств на сексуальной почве. Однако скорее мы имеем дело с эффектом быстрого реагирования средств массовой информации. По мнению психологов и психиатров, доля лиц с патологией влечений (в том числе сексуального характера), которые являются основными субъектами таких преступлений, относительно стабильна в популяции. Очень высок уровень латентных насильственных действий, включая преступные, по отношению к детям. Чрезвычайно высока и латентность жертв «дедовщины» в армии¹⁷². К этому следует добавить «засекреченность» статистики военной юстиции.

¹⁶⁹ Лунеев В. В. Преступность XX века ... С. 397—455.

¹⁷⁰ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Т. 2. Особенная часть.

¹⁷¹ Преступность и культура / Криминолог. ассоц. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 1999. С. 146.

¹⁷² Дедовщина в армии : (сб. социал. документов) / [сост. С. А. Белановский, С. Н. Марзеева]. М., 1991 ; Мацкевич И. М., Эминов В. Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М., 1994 ; Нарушения прав человека в армиях стран

И еще несколько соображений по поводу заказных убийств. *Убийства по найму* были известны всегда. В силу разных причин лицо, задумавшее уничтожить кого-либо, действовало не само, а поручало это другому (другим) лицу, чаще всего за вознаграждение, но это могла быть и «идейная» услуга. Условно можно выделить две группы заказных убийств: *бытовые* (устранить ненавистного супруга, отделаться от кредитора, нежеланного ребенка, обеспечить скорейшее получение наследства и т. п.) и *элитарно-конкурентные* (освободить место на троне, устранить конкурента в политике, бизнесе и т. п.). Кроме того, по характеру исполнения можно различать «тайные» заказные убийства, чаще всего бытовые и «на публику» — открытые, явные, рассчитанные на устрашение других конкурентов (дабы неповадно было!). Все эти разновидности убийств по найму сохранились по сей день. Современной новеллой является формирование института и корпуса профессиональных наемных убийц — киллеров, специально подготавливаемых, различной степени квалификации, а соответственно, и различной таксой оплаты «труда».

Место преступлений против личности в структуре преступности. Удельный вес рассматриваемых преступлений в общем объеме преступности в России составлял: 1986 г. — 5,3 %; 1987 г. — 5,4 %; 1988 г. — 6,0 %; 1989 г. — 5,8 %; 1990 г. — 5,5 %; 1991 г. — 4,6 %; 1992 г. — 4,4 %; 1993 г. — 5,2 %; 1994 г. — 5,8 %; 1995 г. — 5,2 %; 1996 г. — 4,8 %; 1997 г. — 4,9 %; 1998 г. — 4,6 %; 1999 г. — 4,1 %; 2000 г. — 4,3 %; 2001 г. — 4,6 %; 2002 г. — 5,6 %; 2003 г. — 5,2 %; 2004 г. — 5,2 %; 2005 г. — 4,5 %; 2006 г. — 4,0 %; 2007 г. — 3,8 %; 2009 г. — 3,9 %; 2010 г. — 4,1 %; 2011 г. — 4,3 %; 2012 г. — 4,3 %; 2013 г. — 4,3 %¹⁷³. Это относительно невысокая доля с тенденцией к сокращению. Напомним, однако, что в Японии удельный вес преступлений против личности в 1995 г. составил всего 0,7 %. Стабилен удельный вес тяжких насильственных преступлений в общем объеме преступности: так, с 2009 г. по 2013 г. ежегодно доля убийств составляла 0,6 %, причинение тяжкого вреда здоровью — 1,5—1,6 %, изнасилований — 0,2 %.

Место отдельных видов преступлений во внутренней структуре преступлений против личности. В течение 1987—2013 гг. доля умышленных убийств колебалась от 13,1 % в

СНГ : документация международного Общества Прав Человека. М., 1992 ; Правазащитник : междунар. науч.-практ. журн. 1994. № 2. С. 62—66.

¹⁷³ Здесь и далее основной статистической базой служат ежегодники «Преступность и правонарушения» и «Состояние преступности в России».

2013 г. до 25,2 % в 2000 г.; доля причинения тяжкого вреда здоровью — от 31,4 % в 1987 г. до 44,5 % в 1992 г.; доля изнасилований — от 4,5 % в 2013 г. до 17,0 % в 1987 г.

Хотя убийства всегда и везде относятся к числу преступлений с наименьшей латентностью (полицейское «труп не спрячешь!»), однако за последние десятилетия в России и это тягчайшее преступление стало высоко латентным. «Прятать трупы» удастся, прежде всего, за счет лиц пропавших без вести и не найденных. По многим найденным телам не удастся определить причину смерти (вследствие гнилостных и иных изменений), а потому не регистрируются возможные случаи убийств. Наконец, существует порочная практика квалификации фактических убийств по ч. 4 ст. 111 УК РФ, если смерть жертвы наступила не сразу, а спустя некоторое время. В этом случае в статистику попадет не убийство (ст. 105 УК РФ), а «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего».

Приведем некоторые данные московских коллег по результатам исследования латентности различных видов преступлений¹⁷⁴. Коэффициент латентности в 2002 г. составил: убийство — 1,17 (зарегистрировано преступлений — 31 579, латентная преступность — 5 415,56, фактическое число преступлений — 36 994,56); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 1,18; изнасилование — 4,08. Коэффициент латентности в 2009 году: убийств — 2,3 (зарегистрировано преступлений — 17 414, латентная преступность — 21 800, фактическое число — 39 200); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 2,2; изнасилование — 7,5. Таким образом, наблюдается рост латентности тяжких насильственных преступлений.

Велико количество жертв преступлений. Так, в результате различных преступлений погибло: 1987 г. — 25 706 человек; 1988 г. — 30 403; 1989 г. — 39 102; 1990 г. — 41 634; 1991 г. — 44 365; 1992 г. — 213 590¹⁷⁵; 1993 г. — 75 365; 1994 г. — 75 034; 1995 г. — 75 510; 1996 г. — 65 368; 1997 г. — 62 598; 1998 г. — 64 545; 1999 г. — 65 060; 2000 г. — 76 651; 2001 г. — 78 697; 2002 г. — 76 803; 2003 г. — 76 921; 2004 г. — 72 317; 2005 г. — 68 554; 2006 г. — 61 378; 2007 г. — 53 987. Всего за 1987—2007 гг. погибли 1 446 588 человек. Сокращение публикуемых статистических данных МВД РФ позволяет привести лишь сле-

¹⁷⁴ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001—2002 гг. С. 10; Теоретические основы исследования ... С. 121.

¹⁷⁵ Такой всплеск в 1992 году вызывает сомнения, однако эта цифра повторяется во всех статистических сборниках.

дующие сведения о гибели людей в результате преступлений за последующие годы: 2009 г. — 46 100; 2011 г. — 40,100; 2013 г. — 36 700; 2015 г. — 32 900 человек¹⁷⁶.

Анализ социально-демографического состава лиц, совершивших тяжкие преступления против личности. Такой анализ позволяет выявить некоторые тенденции. Увеличивается доля женщин, совершающих убийство и причиняющих тяжкий вред здоровью. Возрастает удельный вес несовершеннолетних в таких преступлениях, как убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при наметившемся сокращении с 2005—2006 гг. Уменьшается доля несовершеннолетних среди совершивших изнасилование. Резко сокращается (в 4 раза!) удельный вес рабочих по всем тяжким насильственным преступлениям, что, очевидно, легко объяснить уменьшением этой социальной группы в населении страны. Наконец, значительно возрастает по всем рассматриваемым преступлениям доля лиц, не имеющих постоянного источника доходов, и безработных, что было отражено в таблице 7.

Устойчиво высок удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (68—78 % среди убийц, 75—81 % среди причинивших тяжкий вред здоровью и 60—78 % среди совершивших изнасилование). Доля совершивших преступления под воздействием *наркотиков* не превышает за отдельные годы 0,7—0,8 % (в среднем же — 0,2—0,4 %).

Территориальное распределение тяжких преступлений против личности по регионам России. Такое распределение неравномерно.

Так, в 2015 году средний российский уровень убийств (с покушениями) составил 8,6. Максимальный уровень в этом году был в Республике Тыва — 38,3; Забайкальском крае — 30,0; Республике Алтай — 23,8. Минимальный уровень был в Москве — 3,5; Чеченской Республике — 4,1; Санкт-Петербурге — 4,8.

Уровень умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в 2015 г. составил 24,3. Максимальный уровень зафиксирован в республике Тыва — 139,5 (!); в Чукотском АО — 94,5; Забайкальском крае — 71,3. Минимальный уровень был в республиках Чечня — 1,2; Ингушетия — 2,7; Дагестан — 4,8.

Уровень изнасилований (с покушениями) в 2015 г. — 3,0. Максимальный уровень: в республике Тыва — 28,0; Чукотском АО — 23,6; республике Алтай — 15,7. Минимальный уровень — в республиках Ингушетия — 0,0 (!); Чечня — 0,8; Северная Осетия — Алания — 1,3.

¹⁷⁶ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 10.03.2016).

В целом по тяжким насильственным преступлениям отмечается высокая криминальная активность в Приморском и Хабаровском краях, Восточной Сибири, в некоторых регионах Западной Сибири и Урала. Катастрофическими показателями характеризуется Республика Тыва. Наиболее благополучными, по данным официальной статистики, являются регионы Северного Кавказа, ряд областей Центральной России, а также оба столичных мегаполиса.

Конкретные причины существенной неравномерности территориального распределения преступлений против личности требуют специального, углубленного изучения¹⁷⁷. В общем виде они объясняются различиями в условиях жизни, особенностями демографического состава населения. Не исключено, что низкие показатели в республиках Северного Кавказа зависят от специфических форм социального контроля, когда общинные (этнические, клановые) отношения, во-первых, удерживают от крайних проявлений насилия, а, во-вторых, неформальный контроль подменяет формальный, и случаи насилия не становятся известными правоохранительным органам. Возможно также, что вероятность кровной мести служит в данном случае антикриминальным фактором.

Различен уровень насильственных преступлений в *городах и сельской местности*. Так, уровень (на 100 тыс. жителей соответствующих типов поселений) убийств в городах и поселках городского типа составил в 1990 г. — 9,0, в сельской местности — 14,6 (в 1,6 раза выше); в 1998 г. соответственно — 18,4 и 24,8 (в сельской местности выше в 1,3 раза); в 2005 г. соответственно — 14,6 и 25,3 (в сельской местности выше в 1,7 раза).

Уровень причинения тяжкого вреда здоровью среди городского населения в 1990 г. составил 27,6, среди сельского населения — 27,9; в 1998 г. этот разрыв оказался более значительным: соответственно 29,0 и 35,6 (в 1,2 раза); в 2005 г. соответственно 39,2 и 42,8. Уровень изнасилований в 1990 г. в сельской местности (13,5) был в 1,5 раза выше, чем в городах и поселках городского типа (8,9); в 1998 г. — в 1,7 раза (уровни 8,8 и 5,1 соответственно); в 2005 г. — в 1,4 раза (уровни 5,8 и 8,1). Мы привели для иллюстрации данные лишь по трем годам (рассчитаны нами исходя из городского населения в 1990 г. — 109,2 млн человек; в 1998 г. — 107,3 млн человек, в 2005 г. — 105 млн человек; сельского — соответственно 38,8 млн, 39,4 млн и 38 млн человек), однако они отражают ситуацию в целом: уровень зарегистрированного насилия в сельской местности в России существенно

¹⁷⁷ Ростов К. Т. Преступность в регионах России. СПб., 1998 ; Юзиханова Э. Г. Моделирование ...

выше, чем в городах (при значительно более высокой латентности преступлений на селе).

Этому существуют различные объяснения. С нашей точки зрения, во-первых, жители села традиционно решают возникшие межличностные конфликты с помощью физической силы. Во-вторых, уровень алкоголизации сельского населения выше, а большинство тяжких насильственных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения. Наконец, в-третьих, нельзя исключить обычного для сельских жителей более «простого», чтобы не сказать — пренебрежительного, отношения к ценности жизни вообще («бог дал, бог и взял»; к медицинской помощи, особенно квалифицированной, учитывая российские расстояния, обращаться гораздо сложнее, чем горожанам; убийство домашних животных — на мясо — дело привычное и «наглядное» с детского возраста).

Распределение тяжких насильственных преступлений во времени. Этот показатель также имеет свои закономерности. Они хуже изучены, чем пространственные различия. Лишь в качестве примера заметим, что в Ленинграде в 1980-х гг. *недельный* максимум тяжких телесных повреждений и изнасилований приходился на субботу (соответственно 21,5 % и 20,9 % недельного количества), минимум наблюдался в начале недели (понедельник, вторник). Убийства были распределены по дням недели более равномерно, но с резким сокращением в воскресенье.

Суточное распределение всех рассматриваемых видов тяжких насильственных преступлений было примерно одинаковое: максимум с 20.00 ч до 23.00 ч (38,5 % от суточного числа убийств, около 48 % от суточного числа тяжких телесных повреждений, 33,6 % от суточного числа изнасилований), далее по частоте преступлений следовал интервал с 16.00 ч до 19.00 ч, лишь изнасилований относительно больше приходилось на ночное время — 00.00 ч до 03.00 ч, меньше всего насильственных преступлений совершалось в период с 04.00 до 11.00 ч.

Что касается *сезонной* волны, то убийства имели три максимума (в порядке убывания): апрель, июль, ноябрь и три минимума: февраль, июнь, октябрь. Максимум совершенных тяжких телесных повреждений также приходился на апрель, июль, ноябрь, а минимум наблюдался в декабре, феврале, сентябре. Что касается изнасилований, то их максимум располагался в августе—декабре (с «пиком» в сентябре и ноябре), а минимум в марте—мае¹⁷⁸.

Большинство тяжких насильственных преступлений совершаются в семейной и бытовой сферах¹⁷⁹. Распространенность и зна-

¹⁷⁸ Аврутин Ю. Е., Гишинский Я. И. Указ. соч. С. 221—222.

¹⁷⁹ Старков О. В. Бытовые насильственные преступления. Рязань, 1992 ; Шестаков Д. А. Семейная криминология : Криминофамилистика. СПб., 2003 ; Vio-

чимость насильственных преступлений в семье послужило основанием формирования и развития относительно самостоятельного направления — семейной криминологии.

Первоначально в США, а затем и в ряде других государств, включая современную Россию, серьезную опасность стали представлять преступления против личности с применением огнестрельного оружия. Региональные межэтнические конфликты, частичная дезорганизация и коммерциализация воинской службы, формирование устойчивых преступных сообществ привели в России к резкому росту преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия: 1987 г. — 2 164 зарегистрированных случая (из них 534 убийства или покушений на убийства), 1991 г. — 4 481 (из них 970 убийств или покушений на убийства); 1993 г. — 19 154 (из них 2 957 убийств или покушений на убийства); 1997 г. — 19 650; 1999 г. — 15 591, 2006 г. — 18 727; в 2009 г. — 8 700; в 2011 г. — 6 800; в 2013 г. — 7 600 случаев.

В 2003 году зарегистрировано 54 203 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2006 г. — 30 055; в 2009 г. — 34 200; в 2011 г. — 28 100; в 2013 г. — 27 000 таких преступлений.

Особого внимания заслуживает изучение жертв насильственных преступлений. Полицейская статистка в ряде стран (прежде всего в Германии и Великобритании) столь же подробно учитывает сведения о жертвах, сколь и о преступниках. К сожалению, в России представлены сведения только об общем числе жертв преступлений. Нам известна лишь одна отечественная монография, специально посвященная этой проблеме¹⁸⁰.

Самостоятельного анализа заслуживают преступления против *половой неприкосновенности и половой свободы личности*¹⁸¹. Однако статистические сведения о них (табл. 8) весьма скромны в силу очень высокой латентности.

Это характерно для многих стран, но, пожалуй, особенно для России: традиционная мораль нередко обрушивается на потерпевших, и те не заявляют в органы расследования об имевших место преступлениях. Кроме того, посягательства нередко исходят со стороны знакомых и родственников, что в еще большей степени ограничивает желание жертв предавать огласке случившееся.

lence in American Schools / eds. D. Elliot, B. Hamburg, K. Williams. Cambridge, 1998 ; Wallace H. Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. 1996.

¹⁸⁰ Вандышев В. В. Жертвы тяжкого преступного насилия. СПб., 2007.

¹⁸¹ Подробный криминологический анализ таких преступлений см.: Исаев Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии. СПб., 2007 ; Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология. М., 1999.

Т а б л и ц а 8

Динамика преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы с 1995 по 2010 гг.*

	1995	1996	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2010
Изнасилование	14427	13956	8346	7901	8196	8117	8085	8795	9222	8871	4907
Насильственные действия сексуального характера	—	—	6659	6301	6631	5704	5126	5690	5981	5755	4292
Понуждение к действиям сексуального характера	10	25	147	137	85	90	44	662	112	552	109
Действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет	537	447	194	160	146	175	203	1632	751**	3081	3617
Развратные действия	2458	1417	884	697	583	762	841	1562	1397	3020	2306

Примечание: * УК РФ 1996 г. внес существенные изменения в квалификацию рассматриваемого вида преступлений.

** С учетом изменений (см.: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»).

§ 3. «Преступления ненависти»: теория и российская реальность

Ксенофобия (греч. *xenos* — чужой и *phobos* — страх, боязнь) — страх, опасение «чужих», «не своих». А страх порождает неприятие, враждебное отношение, ненависть.

С первых шагов человечества зародились подозрительность и нелюбовь к «чужим», не «своим», нередко переходящая в открытую вражду¹⁸². Это чувство формируется в филогенезе и онтогенезе. Чужих следовало опасаться, убийство чужака в первобытном обществе не считалось преступлением (филогенез). Вспомним поведение современных детей и подростков. Ребенок, только научившись опознавать родных — маму, папу, бабушку, дедушку, может заплакать при появлении «чужого», незнакомого (онтогенез). Дети постарше, видя на экране телевизора сражение, спрашивают взрослых: «Это наши?» (белые? красные? фашисты?).

На биологическом уровне ксенофобия и вытекающие из нее «преступления ненависти» имеют «естественные» корни. Но человечество все же несколько отличается от других биологических видов. И одно из свойств цивилизованного общества — преодоление нетерпимости к иным, развитие толерантности¹⁸³.

Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды — «преступления ненависти» (*Hate crimes*) были всегда. Достаточно вспомнить многочисленные религиозные войны, крестовые походы, межнациональные и межэтнические конфликты, погромы и преследования на почве антисемитизма.

Однако со второй половины XX столетия такого рода преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Тому есть как минимум два объяснения. Во-первых, по мере развития цивилизации, либерализации и гуманизации межчеловеческих отношений население развитых стран стало особенно болезненно воспринимать любые проявления ксенофобии, неприязни к каким бы то ни было категориям населения (нищим, бездомным, инвалидам, проституткам и т. п.). Во-вторых, одним из негативных по-

¹⁸² Поршнева Б. Ф. Указ. соч.

¹⁸³ См.: Пределы толерантности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф., 28—30 апреля / под ред. И. Л. Первой, В. В. Козловского. СПб., 2003 ; Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. И. Л. Первой. СПб., 2004 ; Толерантность и интолерантность в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф., 26—28 апреля 2006 г. / под ред. И. Л. Первой. СПб., 2006.

следствий глобализации является усиление ксенофобии во всем мире. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это в свою очередь приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев, привычек, стиля жизни и т. п. Между тем ксенофобия, нетерпимость во всех ее проявлениях служит реальной угрозой существованию и отдельных обществ, и человечества в целом¹⁸⁴.

Неслучайно поэтому в 1985 году впервые было «слово названо»: John Coneys, Barbara Kennelly и Mario Biaggi опубликовали «Hate Crime Statistics Act». В 1989 году была издана статья Джона Лео (John Leo) «The Politics of Hate». Интересно, что одна из первых работ (1991 г.) была посвящена насилию в отношении геев и лесбиянок. В начале 1990-х гг. термин «Hate crimes» приобрел легалистский (правовой) характер, включая законодательные акты¹⁸⁵. Криминализации подверглось, прежде всего, насилие по мотивам расизма, антисемитизма, а также гомофобии — враждебного отношения к гомосексуалистам. Прошло немного времени, и стал нарастать объем литературы, посвященной проблеме преступлений, совершаемых по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды и на почве гомофобии¹⁸⁶. В США к группам, совершающим «преступления ненависти», были отнесены неонацисты, скинхеды и Ку-Клус-Клан.

Основные понятия. «Преступления ненависти», во-первых, суть *социальный конструкт* (как и иные социальные феномены, не имеющие онтологических оснований и «естественных» границ)¹⁸⁷. Во-вторых, это понятие еще не устоявшееся, по-разному понимаемое различными законодателями и учеными. Дж. Джей-

¹⁸⁴ Гилинский Я. И. Толерантность в России: возможность и невозможность // Актуальные аспекты ... С. 53—58 ; Его же: Интолерантность в современной России // Толерантность и интолерантность в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. И. Л. Первой. СПб., 2005. С. 98—103.

¹⁸⁵ Jacobs J., Potter K. Op. cit. P. 4.

¹⁸⁶ Combating Hate Crimes in the OSCE Region: An Overview of Statistics, Legislation, and National Initiatives. Warsaw, 2005 ; Gerstenfeld Ph. Hate Crimes: Causes, Controls and Controversies, 2004 ; Crime of Hate: Selected Readings / eds. Ph. Gerstenfeld, D. Grant. 2004 ; Hall N. Hate Crime. 2005 ; Jacobs J., Potter K. Op. cit. ; Ramberg I. Islamophobia and its consequence on Young People. Budapest, 2004.

¹⁸⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995 ; Гилинский Я. И. Девиантология : Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб., 2013. С. 26—27 ; Конструирование девиантности : монография / под общ. ред. Я. Гилинского. СПб., 2011 ; Ясавеев И. Г. Указ. соч.

коб и К. Поттер подчеркивают, что «преступления ненависти» — это прежде всего преступления, порождаемые предубеждением, предрассудком (*bias, prejudice*) по отношению к лицам другой расы, нации, цвета кожи, религии, сексуальной ориентации и т. п. Это преступления, мотивированные предубеждением. «Преступления ненависти» как социальный и правовой конструкт не существуют как таковые в природе. Это обычное насилие, но совершаемое в силу определенных, перечисленных в законе мотивов. По Дж. Джейкобу и К. Поттеру «*Hate crime*» есть социальный конструкт. Это новый термин, который не привычный, не самоочевидный (*self-defining*). Придуманный в конце 80-х гг. [прошлого столетия] для выражения криминальных деяний, мотивированных предубеждением, сфокусированный скорее на психологии преступлений, чем на криминальных действиях»¹⁸⁸.

Н. Холл также относит «преступления ненависти» к социальным конструктам. Он отмечает трудность всех определений преступности вообще и «преступлений ненависти» в частности. В своей монографии Н. Холл приводит многочисленные определения *hate crime*¹⁸⁹. Он подробно останавливается на анализе всех составляющих анализируемого понятия и его определений: «ненависть», «предубеждение», «предрассудок», «дискриминация» и др.

В российском уголовном праве (первоначальная редакция Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.) мы встречаемся с такими составами преступлений, как насильственные преступления, совершенные «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды» (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ); «действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности» (ст. 282 УК РФ). Отягчающими обстоятельствами этого состава преступления является совершение их с применением насилия или с угрозой его применения, лицом с использованием служебного положения, а также совершенные организованной группой (ч. 2 ст. 282 УК РФ).

Кроме того, согласно п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (в редакции 1996 г.) к отягчающим наказанием обстоятельствам относится совершение преступления «по мотиву национальной, расовой, рели-

¹⁸⁸ Jacobs J., Potter K. Op. cit. P. 27.

¹⁸⁹ Hall N. Op. cit. P. 1—9.

гиозной ненависти или вражды»; ст. 136 УК РФ предусматривает уголовную ответственность, в частности, за «нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от... расы, национальности... отношения к религии»; в п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») рассматриваются в качестве квалифицирующего признака действия «по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды»; ст. 282.1 УК РФ устанавливает ответственность за организацию экстремистского сообщества, в том числе «по мотивам... расовой, национальной или религиозной ненависти». Сознательно оставим в стороне дополнения 2003 г. и 2007 г. к вышеназванным составам преступлений, существенно (и неоправданно) расширившие мотивы ненависти политическими, идеологическими мотивами, «мотивами ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», что делает неопределенными как мотивы, так и объект указанных преступлений.

На противодействие ксенофобии и основанным на ней преступлениям направлены многочисленные международно-правовые акты: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международная конвенция об устранении всех форм расовой дискриминации 1965 г., Декларация об устранении всех форм нетерпимости и дискриминации, основанных на религии или вере 1981 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейская конвенция о правовом положении рабочих-мигрантов 1977 г., Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств 1992 г. и др.

Монографическим отечественным исследованием «преступлений ненависти» является диссертация К. Н. Бабиченко¹⁹⁰. Международная судебная практика по делам о дискриминации по признаку расы и национальной принадлежности, в том числе практика Европейского Суда по правам человека, представлена в сборнике статей¹⁹¹.

Следует ограничивать «преступления ненависти» от одного вида преступлений, почти не артикулируемого в отечественной литературе, — «стокерства» (*stalkers* — упорные преследователи, «охотники»)¹⁹². Речь идет о людях, преследующих кого-либо. По-

¹⁹⁰ Бабиченко К. Н. Дискриминация и преступления на почве ненависти: квалификация и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

¹⁹¹ Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности : Судебная практика и методология доказывания / под ред. А. К. Соболевой. М., 2005.

¹⁹² Mullen P., Pathé M., Purcell R. *Stalkers and their Victims*. Cambridge, 2000 ; *Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention*. Stockholm, 2006.

тенциальными и реальными жертвами стокеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т. п.), сослуживцы, коллеги, соученики. Нередко «стокерство» — результат психических отклонений (сутяжничество, сексуальные перверсии), но может быть и следствием ревности, зависти, мести или иной непримиримости. Существенное отличие «стокерства» от «преступлений ненависти» состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют какое-либо конкретное лицо (персонально), а не неопределенный круг лиц, принадлежащих к ненавистной группе («черные», «косоглазые», «гомики» и т. п.). Во-вторых, стокер преследует и может учинить насилие над преследуемым по личным мотивам, вытекающим из личных неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т. п.).

Hate crimes в современной России. Последние годы отмечены ростом «преступлений ненависти» в России. Газеты, журналы, полицейские сводки сообщают о случаях нападения, избиения, убийств по мотивам расовой и национальной ненависти, реже — религиозной, которую не всегда возможно отделить от национальной (нападение в московской синагоге, в ряде мечетей, осквернение еврейских и мусульманских кладбищ и т. п.). Правда, в большинстве случаев действия виновных, если их удастся найти, квалифицируются как хулиганство, убийство, не связанные с ксенофобской мотивацией. Динамика преступлений, образующих состав ст. 282 УК РФ, и выявленных лиц, их совершивших, выглядит следующим образом: 1999 г. — 25/11; 2000 г. — 17/8; 2001 г. — 32/7; 2002 г. — 74/16; 2003 г. — 72/15; 2004 г. — 59/26; 2005 г. — 80/42; 2006 г. — 173/103; 2007 г. — 170/129; 2008 г. — 182/168; 2009 г. — 223/182; 2010 г. — 272/187¹⁹³. В то же время СМИ и специальная литература называют сотни «преступлений ненависти», совершаемых в стране за год¹⁹⁴.

¹⁹³ Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон : сборник / отв. ред. А. И. Долгова. М., 2001. С. 542 ; Преступность, криминология, криминологическая защита : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Долгова. М., 2007. С. 355 ; Статистика МВД // Crimpravo.ru : Криминологи.рф : научная сеть. URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения: 15.03.2015).

¹⁹⁴ Верхи и низы русского национализма / [сост. А. Верховский]. М., 2007 ; Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия : Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М., 1999 ; Другой—чужой—враг // Индекс. Досье на цензуру. 2005. № 22 ; Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002 ; Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России : сборник. М., 2005 ; Пределы толерантности в современном обществе / под ред. И. Л. Первой, В. В. Козловского ; Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица : [справочник]. М., 2009.

По данным Аналитического центра «Сова» и Московского Бюро по правам человека (МБПЧ) в результате «преступлений ненависти» в России было в 2004 г. 267 пострадавших, 49 убитых; в 2005 г. — 464 пострадавших, 47 убитых; в 2006 г. — 552 пострадавших, 56 убитых; в 2007 г. — 317 пострадавших, 74 убитых; в 2008 г. — 486 пострадавших, 120 убитых; в 2009 г. — 333 пострадавших, 75 убитых; в 2010 г. — 368 пострадавших, 37 убитых; в 2012 г. — 191 пострадавший, 19 убитых; в 2013 г. — 178 пострадавших, 21 убитый. При этом, как подчеркивают аналитики Информационно-аналитического центра «Сова», это лишь достоверно выявленное количество подобных преступлений, их же реальное число остается неизвестным¹⁹⁵. Наибольшее количество «преступлений ненависти» совершается в Санкт-Петербурге, Москве, Воронеже, Владивостоке, Новосибирске, Краснодарском крае и в других регионах.

Субъектами «преступлений ненависти» в России выступают обычно подростки мужского пола в возрасте от 14 лет до 21 года, безработные или школьники и студенты, нередко из «хороших семей». Обычно это скинхеды, «наци», неофашисты. Их «идеология» — это «Россия для русских!», «Мигранты, go home!», «Бей “черных”!».

Жертвами «преступлений ненависти» оказываются легальные и нелегальные мигранты, а также многочисленные «лица кавказской национальности», нередко это студенты российских университетов.

Методом «преступлений ненависти» чаще всего является неожиданное нападение на жертву толпы молодых людей — скинхедов, нацистов (10—15 человек) — с ножами, металлическими прутьями, бейсбольными битами. Они стараются убить «чужого» «фирменным» ударом ножа в горло.

Известный психолог профессор А. Асмолов пишет: «Россия поражена тяжелейшей идеологической болезнью, которая более тяжела, чем водородная бомба XX века. Имя этой болезни — ксенофобия». Комментируя нежелание властей и правоохранительных органов называть вещи своими именами, Асмолов продолжает: «Я считаю, что сокрытие подлинных мотивов преступления приводит к росту подобных преступлений»¹⁹⁶. Следует признать, что пока общество, власть, правоохранительные органы не начнут предпри-

¹⁹⁵ Расизм и ксенофобия // СОВА. Информационно-аналитический центр : сайт. URL: <http://www.sova-center.ru/racismxenophobia/publications/2014/02/d29004/> (дата обращения: 20.03.2015).

¹⁹⁶ Новая газета. 2006. 13—16 июля. С. 18.

нимать реальные действия по воспитанию толерантности населения и жесткому преследованию субъектов ксенофобии и «преступлений ненависти», разрастание последних невозможно предотвратить, и самые печальные прогнозы ученых сбудутся.

О реальной опасности правонарушений на почве ксенофобии свидетельствует и тот факт, что их число резко возрастает даже в традиционно демократических и толерантных странах, что не удивительно в связи с небывалым увеличением количества мигрантов в странах Западной Европы.

«Кто виноват?». Ответ на этот вопрос требует специального изучения применительно к тому или иному государству и обществу. Антисемитизм в Австрии, гитлеровской Германии, Польше, России имеет свои специфические особенности и причины. Расовая нетерпимость по отношению к неграм в южных штатах США и нетерпимость к «черным» в современной России имеют различные корни. Более того, отношение к тем или иным «меньшинствам» исторически меняется. Отношение к мусульманам в XX в. было терпимым или дружественным. Исламский фундаментализм конца XX—начала XXI вв., усугубленный террористической деятельностью, резко обострил взаимоотношения между миром исламским и — условно — западным.

Рассмотрим некоторые факторы, обуславливающие ксенофобию и совершаемые на ее почве «преступления ненависти» в России.

Объективно нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть есть закономерный и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства «включенных» (*«included»*) и нищего и полуннищего большинства населения «исключенных» (*«excluded»*)¹⁹⁷. Большинство «исключенных» — подростки и молодежь без образования, без профессии, без работы, без легальных доходов, но окруженные «гламуром», дороги импортными машинами, ресторанами, бутиками и т. д. Совершенно очевидно, что безнадежность существования многих россиян не может не вызывать соответствующую негативную реакцию. Остается только найти «козлов отпущения».

К этому следует добавить такой объективный фактор, как приток иммигрантов, которым не так просто адаптироваться в новой среде, а «среда» не хочет адаптироваться к приезжим. Возникает взаимное недоверие и часто — неприязнь. Среди коренного населения начинают циркулировать идеи повышенной «криминальности» приезжих. Однако, во-первых, эти слухи сильно преуве-

¹⁹⁷ Гишинский Я. И. «Исключенность» ...

личены. Так, среди всех лиц, совершивших преступления, удельный вес иностранных граждан и лиц без гражданства составил в 2003 г. всего 2,7 %, в том числе гражданами государств СНГ — 2,5 %¹⁹⁸. В 2006 г. 3,0 % преступлений было совершено иностранными гражданами, в том числе гражданами государств СНГ — 2 %; в 2008 г. — соответственно 3,1 % и 2,8 %; в 2009 г. — соответственно 3,5 % и 3,2 %; в 2013 г. — 2,1 %¹⁹⁹. Во-вторых, как уже отмечалось, повышенная «криминальность», если она имеет место, зависит не от расовой (этнической) принадлежности, а от того, что лица одной культуры оказались перенесенными по разным причинам в другую культуру; мигранты, независимо от этнической принадлежности, всегда хуже адаптированы к условиям жизни коренного населения.

Перейдем к субъективным факторам. Поиск «врагов народа» и «борьба» с ними — самая страшная страница прошлого нашей страны. К сожалению, прошлое нередко оборачивается настоящим. В политике неудачливой власти искать «врагов» и натравливать на них «народ» нет ничего нового. Это старо как мир — от древнеримского «Разделяй и властвуй» до сталинских «врагов народа», «убийц в белых халатах», «безродных космополитов» и т. п.

«Что делать?». Знание факторов, провоцирующих ксенофобию, позволяет в принципе выстроить хорошо обоснованную систему мер противодействия ей. Но не просматриваются сегодня реальные основания для такого противодействия. Социально-экономический разрыв сверхбогатого меньшинства и ниществующего большинства не сокращается. Напротив, богатые становятся богаче, бедные — беднее. Доступ молодежи к профессиональному образованию, особенно высшему, сокращается. Недовольство взрослых и подростков увеличивается. Соответственно растет ненависть, которая так легко обращается против «иностранцев». Более того, ксенофобия усиливается межконфессиональными распрями и религиозным мракобесием.

Было бы банальностью в очередной раз говорить о том, что семья, школа, вуз должны воспитывать толерантность к любым «другим» по национальности, культуре, религии или атеизму, толерантность к инакомыслию и инакодействию. Без высокого уровня толерантности само существование человечества является про-

¹⁹⁸ Состояние преступности в России за 2003 год / М-во внутр. дел Рос. Федерации. М., 2004. С. 19.

¹⁹⁹ Состояние преступности в России за 2008 год // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <http://мвд.рф/reposts/> (дата обращения: 20.05.2016) ; Состояние преступности в России за 2009 год // Там же.

блематичным. Вместо поисков «национальной идеи» следует обратиться к так называемым общечеловеческим ценностям, хорошо известным цивилизованному миру, — либеральным, демократическим ценностям. И наиболее актуальные из них сегодня: *ненасилие* (ибо без него — гибель, как индивидуальная, так и в итоге человечества как рода); *толерантность, терпимость* — политическая, расовая, этническая, конфессиональная, идеологическая (ибо без нее невозможно ненасилие); *интернационализм или космополитизм* (ибо без него возникает нетерпимость).

§ 4. Террор и терроризм

Враги теперь в смешавшейся крови
Лежат, и пыль уста их покрывает,
И мощно смерть соединила их —
Непобедившего с непобежденным.

Эврипид

Терроризм (*terror* — лат. страх, ужас) — одна из серьезнейших современных глобальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Между тем, как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма и в общественных науках. Вот некоторые из имеющихся определений (всего их насчитывается свыше ста): «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей»²⁰⁰; «насильственные действия или угроза их применения со стороны субъектов политики и преследование ими политических целей»²⁰¹; «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей»²⁰². Из приведенных определений можно вывести два основных признака терроризма: *применение или угроза применения насилия; политическая мотивация насилия.*

Но есть еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: *неопределенный круг непосредственных объектов*, в отношении которых применяется насилие ради достижения отдаленного

²⁰⁰ Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 439.

²⁰¹ Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. С. 40.

²⁰² Laqueur W. Terrorism. L., 1977. P. 79.

объекта — удовлетворение политического (экономического, социального) требования. Ибо «о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика»²⁰³.

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание W. Laqueur: «один — террорист, другой — борец за свободу»²⁰⁴. Эта тема подробно рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor²⁰⁵. Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? В. Ganor пытается провести различия между анализируемыми феноменами. В обосновываемых им схемах отграничиваются *объявленная война* — между государствами и *необъявленная война* — между организациями и государством. Последняя включает, прежде всего, *терроризм* и *партизанскую войну*. Кроме того, к необъявленной войне могут относиться деятельность анархистов, борцов за свободу, революционеров, а также действия *ad hoc* (по конкретному случаю). Важнейшее различие между терроризмом и партизанской войной состоит в том, что партизанская война ведется против комбатантов (фр. *combatant* — сражающийся, боевой) — вооруженных сил (военных и военной техники), а терроризм направлен против не-комбатантов (фр. *non combatant*) — мирного населения при сохранении политической мотивации насильственных действий. Другое дело, что и предлагаемое различие несколько условно (мирное население может также оказаться жертвой партизанских действий, как, впрочем, и «точечных ударов»). Во всяком случае, В. Ganor называет три важнейших элемента терроризма: 1) применение или угроза применения насилия; 2) политические цели (мотивы) деятельности; 3) реальными целями оказывается мирное население, граждане²⁰⁶.

Следует различать *терроризм* и *индивидуальный террористический акт*, т. е. посягательство на жизнь конкретного лица — государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ).

²⁰³ Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 8.

²⁰⁴ Laqueur W. The Age of Terrorism. Toronto, 1987. P. 302.

²⁰⁵ Ganor B. Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter? // Police Practice & Research. An International Journal. 2002. Vol. 3, № 4. P. 287—304.

²⁰⁶ Ganor. B. Ibid. P. 294—295.

Обычно различают террор и терроризм: *terrор* со стороны правящих властных структур (или «насилие сильных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам); *терроризм* как насилие и устрашение «слабыми сильных», «оружие слабых, жертв “государственного террора”»²⁰⁷. Иначе говоря, «террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм — это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного»²⁰⁸.

Террористические организации и отдельные террористы-одиночки представляют — осознанно или нет — интересы массы «исключенных» в современном мире. Поляризация на очень богатое и властное меньшинство «включенных» и очень бедное и бесправное большинство «исключенных» (при относительном размывании «среднего класса» — гаранта устойчивости социальных систем) приводит в условиях глобализации экономики, политики, информационных процессов к опасному для всего человечества разделению стран и жителей каждой страны на *included/excluded*. Так, различаются «включенные» страны «золотого миллиарда» и «исключенные» — все остальные. Террор вызывает терроризм. Или, как написал петербургский экономист Д. Травин: «Не мочите, да не мочимы будете!». И не важно, кто «первым начал»: за политические игры человечеству приходится расплачиваться горами трупов.

Права человека первичны и неотъемлемы (ст.ст. 1—3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.). Нарушение прав человека рождает ответную насильственную реакцию, в частности — терроризм. Требования ограничить права человека ради «борьбы с терроризмом» абсурдны. Во-первых, тем самым создается идеологическая база оправдания терроризма (как ответа на террор властных структур). Во-вторых, повышается риск граждан стать жертвами нарушения прав человека. Права человека и криминальные риски, включая терроризм, находятся в обратной, а не прямой, зависимости: чем надежнее защита прав человека, тем ниже вероятность криминальных рисков.

История политических репрессий (террора) и террористических актов в виде политических убийств уходит вглубь веков²⁰⁹.

²⁰⁷ Чаликова В. Терроризм // 50/50 : Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. М., 1989. С. 310 ; Ферро М. Терроризм // Там же. С. 314.

²⁰⁸ Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.

²⁰⁹ Применительно к России см.: Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996.

Нью-Йоркская трагедия 11 сентября 2001 г. стала страшным символом новых реалий XXI века (как Освенцим — символом бесчеловечности XX века). Показательно, что в качестве объекта самого страшного террористического акта в мировой истории были выбраны Нью-Йорк (как тут не вспомнить «Город Желтого Дьявола» М. Горького) и Всемирный торговый центр — символы стран «золотого миллиарда» («включенных»).

Многочисленны проявления и методы терроризма: захват транспортных средств и заложников; уничтожение транспортных коммуникаций; взрывы, поджоги; отравление источников питания и водоснабжения; применение отравляющих веществ; угрозы применения этих и иных мер и др.

Не останавливаясь на юридическом (уголовно-правовом) аспекте проблемы терроризма²¹⁰, рассмотрим некоторые социально-политические вопросы.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимые страдания, является преступной деятельностью (преступлением) и заслуживает суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода, чем только юридический. Да, террористам нет оправдания. Но ведь терроризм — преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи «справедливы», имеют не меньшую ценность чем те, против которых они выступают. Поэтому вооруженная борьба с терроризмом, носящим политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер, малоэффективна. Продуктивнее использовать экономические, дипломатические, политические меры. Об этом свидетельствуют опыт Ольстера в Ирландии, затяжной кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими — в Сербии, с чеченскими — в России.

Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и акторов «преступлений ненависти». Поэтому «искусство цивилизованной жизни состоит в том, чтобы не плодить недовольных, обиженных, “мучеников”, а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с дру-

²¹⁰ Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб., 2002 ; Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника. М., 1997 ; Овчинникова Г. В. Терроризм. СПб., 1998.

гом»²¹¹. Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего политические (экономические, социальные) усилия по предотвращению условий для терроризма, по ненасильственному разрешению межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов. Конечно, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризма решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но не существует «простых решений» сложных социальных проблем. Так называемые простые решения («ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к еще большему осложнению ситуации. Можно (и нужно) преследовать исполнителей терактов — угонщиков самолетов, убийц, лиц, закладывающих взрывные устройства, но нельзя уголовно-правовыми, карательными мерами устранить причины, источники терроризма как метода «решения» социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической, политологической литературе²¹². Важно понять: мир без насилия в обозримом будущем невозможен; основная антитеррористическая задача — максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»); основной путь такого сокращения — предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, нерепрессивными, политическими методами.

§ 5. Торговля людьми

Жизнь является высшей, абсолютной ценностью, причем любая жизнь, в том числе животных, перед которыми мы, люди, очень виноваты. Неслучайно свой знаменитый девиз «*Veneratio vitae*» («благоговение перед жизнью») Альберт Швейцер распространял на всё живое, включая растения и насекомых. Но для человека абсолютную ценность представляет и *Свобода*. Только Свободный Человек может наиболее полно реализовать свои способности, дарования, талант, «осуществить себя». Жизнь неразрывно связана со Свободой. Вот почему самые первые положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. гласят: «Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах» (ст. 1); «Каж-

²¹¹ Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993. С. 171.

²¹² Дмитриев А. В. Конфликтология. М., 2000. С. 221—277 ; Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Указ. соч. С. 242—296 ; Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Указ. соч. С. 162—208.

дый человек должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия» (ст. 2); «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (ст. 3).

К сожалению, современный мир полон рисков для человеческой жизни и свободы. Неудивительно, что У. Бек рассматривает современное общество как «общество риска»²¹³. И проблема безопасности человека и его свободы является одной из острейших.

Торговля людьми («*human trafficking*») — мировая проблема. Понятие «торговля людьми» согласно Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, принятому Генеральной Ассамблеей ООН в 2000 году, составляет три элемента: 1) вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей; 2) использование неподобающих средств (принуждение, похищение, мошенничество или обман); 3) цели эксплуатации (сексуальная эксплуатация, принудительный труд, услужение или рабство)²¹⁴. Обычно различают следующие виды торговли людьми: торговля женщинами («белые рабыни»), детьми (для проституции, порнографии, нелегального усыновления), принудительный труд (рабство), продажа органов. Контрабанда мигрантов служит одним из средств торговли людьми.

Торговля людьми тесно связана с организованной преступностью, является частью (элементом) ее деятельности. Часто торговля людьми носит международный, транснациональный характер (хотя, конечно, возможна торговля людьми в рамках одного государства — «белое рабство», сексуальная эксплуатация детей, принудительный труд и др.).

Сведения об этом виде криминального бизнеса мало доступны. Данные официальной статистики чрезвычайно лаконичны и не отражают реальных масштабов бедствия. Лишь в ряде стран ведется более или менее подробный учет деяний, связанных с торговлей людьми (Германия²¹⁵, Нидерланды²¹⁶, Швеция²¹⁷). Некоторые сравнительные данные опубликованы в статье Кристины Кангаспунты.

²¹³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000 ; См. также: Гилинский Я. И. Криминальные риски в России // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2. С. 51—58.

²¹⁴ Kangaspunta K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings // Forum on Crime and Society. 2003. Vol. 3, № 1, 2. P. 81—103.

²¹⁵ Lagebild Menschenhandel. Wiesbaden : Bundeskriminalamt, 1999, 2000, 2001.

В России затруднен учет торговли людьми. Это объясняется, во-первых, высокой степенью конспиративности нелегальной торговли людьми преступными организациями. Во-вторых, как нелегальный вывоз «проданных» людей за границу, так и торговля людьми внутри России часто осуществляется преступными группировками при содействии коррумпированных должностных лиц государства (таможенная служба, полиция, миграционная служба), которые заинтересованы в сокрытии их деятельности. В-третьих, российское государство нередко скрывает от населения такое постыдное для цивилизованного общества явление, как торговля людьми. Основными источниками информации о ситуации в России служат сообщения средств массовой информации, результаты отечественных и зарубежных исследований²¹⁸.

Между тем среди стран происхождения, транзита или назначения в мировых отчетах первые места занимают (в порядке убывания): Россия, Украина, Нигерия²¹⁹. Что касается жертв торговли людьми (продаваемых), то первые места (в порядке убывания) по упоминанию занимают: Украина, Россия, Нигерия, Албания, Румыния, Молдова, Болгария, Китай. По данным российских исследователей, Россия также занимает одно из первых мест в списке стран, занимающихся торговлей людьми²²⁰.

Среди жертв сексуальной эксплуатации большинство — женщины, второе место занимают дети, ничтожное количество — мужчины. Жертвами принудительного труда являются прежде всего дети, на втором месте — женщины, на третьем — мужчины.

Гораздо меньше данных о правонарушителях (этот вид криминального бизнеса наиболее латентен). Однако и по этому показателю Россия занимает первое место, второе и третье делят Нигерия и Украина, далее следуют Албания, Таиланд, Турция, Китай. Итак, по совокупности ряда показателей Россия, наряду с Украиной и Нигерией, входят в тройку стран максимального риска порабощения.

²¹⁶ Trafficking in Human Beings: First Report of the Dutch National Rapporteur. The Hague, 2002.

²¹⁷ Trafficking in Women: Situation Report. № 1—5. Stockholm, 1998—2002.

²¹⁸ Ерохина Л. Д., Буряк М. Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003 ; Торговля людьми: социокриминологический анализ / под ред. Е. Тюрюкановой, Л. Ерохиной. М., 2003 ; Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Изд. 2-е, перераб. и доп. Женева, 2006.

²¹⁹ Kangaspunta K. Op. cit. P. 94, 99.

²²⁰ Ерохина Л., Буряк М. Проблема торговли людьми согласно российским экспертным оценкам (социологический подход) // Организованная преступность, терроризм и коррупция : криминолог. ежекварт. альманах. М., 2003. С. 36—42.

Такая ситуация неудивительна, поскольку основной объект торговцев людьми — «исключенные», лица, лишенные достатка, безработные, бездомные, сироты, малообеспеченные и наименее защищенные слои населения. Между тем в России по официальным данным около трети населения находится за чертой бедности. По данным Всемирного банка, по международным стандартам 23,8 % населения России находятся за международной чертой бедности, а по российским национальным стандартам — свыше 30 %²²¹. К 2016 году доля таких лиц увеличилась. Но ведь помимо нищих, находящихся ниже черты бедности, есть масса бедных, также практически «исключенных» и готовых к «продаже».

Любая торговля людьми есть разновидность рабства. Различные виды торговли людьми «ставят под сомнение возможность демократии в странах, где половина населения может рассматриваться как потенциальный товар, который может быть куплен, продан и поработен»²²².

Основные виды торговли людьми (human trafficking)

Торговля женщинами. Следует различать проституцию — вступление за плату во внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении, и торговлю женщинами с целью их сексуальной эксплуатации (занятия проституцией). Занятие проституцией может быть относительно добровольным, торговля женщинами — никогда.

«Белые рабыни» — преобладающий «товар» на рынке торговли людьми. Объем мировой торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации оценивается от 7 до 12 млрд дол. в год, ежегодно нуждаются к работе в секс-индустрии до 2 млн женщин и детей²²³. Называют четыре направления импорта «белых рабынь»: первая — из Таиланда и Филиппин, вторая — из Доминиканской Республики и Колумбии, третья — из Ганы и Нигерии, четвертая — охватила страны бывшего СССР, прежде всего Россию, Украину, Белоруссию, а также Латвию²²⁴. В мировой секс-индустрии отмечается

²²¹ Доклад о мировом развитии 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех / [Всемирный банк]. М., 2005. С. 261.

²²² Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. Иркутск, 2001. С. 81.

²²³ Там же. С. 77.

²²⁴ The Sex Trade: Trafficking of Women and Children in Europe and the US. Testimony of Anita Botti, Deputy Director for International Women's Initiatives. Hearing before the Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, 1999. 29 June.

спрос на славянских женщин. В частности, для бизнесменов Японии, Китая, Таиланда они считаются «символом престижа»²²⁵.

Из дальневосточного региона России (Владивосток, Хабаровск и др.) больше всего «белых рабынь» транспортируется в Китай. На втором месте — Южная Корея, на третьем — Япония. Исследования, проведенные в Германии, также свидетельствуют о преобладании (79 %) среди жертв торговли людьми женщин из стран центральной и восточной Европы, включая Россию²²⁶.

Поскольку условия труда в сфере сексуальных услуг рабские, некоторые женщины, спасая себя, договариваются с «хозяевами» и возвращаются на родину для вербовки новых жертв. Это явление приобрело название «вторая волна». При этом вербовщица получает за каждую завербованную женщину от 200 дол. до 5 тыс. дол. Перевозка завербованных женщин из страны-экспортера в страну-импортер производится как легально (туризм, на работу, к родственникам), так и нелегально. К основным формам вербовки относятся: газетные сообщения о найме на работу за границей женщин в возрасте от 18 до 30 лет с выгодными условиями «безопасной работы»; объявления о работе проститутками; через «брачные агентства»²²⁷.

Вот отрывок из интервью Я. Костюковского (Центр девиантологии Социологического института РАН) с представителем петербургского криминалитета:

Интервьюер (И.): А как дела с проституцией?

Респондент (Р.): Проституция в Санкт-Петербурге обычная индустрия. Существует не со вчерашнего дня. Имеются сотни «контор» [агентства по предоставлению сексуальных услуг]. Их еще больше в Москве. В нашем городе самые дорогие женщины в барах, гостиницах, казино. Есть «call girls», девочки в саунах, в «центрах досуга». Так, в массажных салонах... Уличные намного дешевле...

И.: А как с детской проституцией?

Р.: Конечно. Есть очень много любителей. Есть также много алкоголиков, которые продают своих детей. Можно даже за бутылку водки. Если говорить о проституции в целом, есть мужская проституция и гомосексуальная проституция тоже. Мужчины более дорого стоят.

²²⁵ Стоекер С. Организованная преступность как фактор роста числа случаев торговли людьми // Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация : альманах. 2000. № 1. С. 57—66.

²²⁶ Herz A. Trafficking in Human Beings: An Empirical Study on Criminal Prosecution in Germany. Freiburg in Br., 2006. P. 14.

²²⁷ Торговля людьми ... С. 42—44.

И.: Что ты можешь сказать о «бизнес-поездках»?

Р.: Да, существуют. Более того, девочки не всегда проститутки. Это могут быть приглашения для работы в стриптизе или вообще в сфере услуг. Но они экспортируются, например, в Турцию и их насильно заставляют заниматься проституцией. Это их счастье, если им удастся бежать. Но обычно конец очень плохой...».

Российский рынок сексуальных услуг оценивается по различным данным от 670 млн до 770 млн дол. в год.

Торговля детьми. Это одна из самых страшных разновидностей *human trafficking*. Дети используются для секс-бизнеса, порнографии, нелегального усыновления.

Методами вовлечения детей в их сексуальную эксплуатацию служат похищение, фиктивный брак «родителей», прямое принуждение и изнасилование, фиктивное усыновление (удочерение). Нередко сутенеры покупают детей у спившихся, опустившихся родителей — бездомных, безработных, алкоголиков. Россия является как страной-экспортером детей, так и страной-импортером иностранных туристов, рассчитывающих на соответствующие удовольствия в стране, где множество бездомных, уличных детей. Социальной базой торговли детьми в России служат более чем два миллиона бездомных и сирот, дети алкоголиков, а также те из детей, которые добывают деньги для «сладкой жизни». Основными покупателями детских сексуальных услуг на Дальнем Востоке являются китайцы²²⁸.

Сотрудники Центра девиантологии Социологического института РАН исследовали сексуальную эксплуатацию детей в Северо-Западном регионе (Санкт-Петербург, Выборг, Петрозаводск и др.)²²⁹. Большинство клиентов детской проституции — «новые русские», городские «авторитеты» и иностранные гости, преимущественно из Финляндии, а также из Швеции, Германии и Великобритании. Оральный секс с детьми стоил (на момент исследования — 2000—2001 гг.) 100—150 р. (3—5 дол.), половое сношение — 200—250 р. (7—8 дол.), ночь с клиентом — от 500—600 до 1000 р. (от 17—20 до 30—35 дол.). Мальчики ценятся дороже — 3—7 тыс. р. (100—250 дол.). Но если родители детей — алкоголики, то они продавали детей за бутылку водки (около 3 дол.).

²²⁸ Ерохина Л., Бурык Ю. Торговля женщинами ... С. 231.

²²⁹ Gurvich I., Rusakova M., Pyshkina T., Yakovleva A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Stockholm, 2002.

Детская порнография — очень скрытый и весьма доходный бизнес. Уличные дети — беспризорные, бездомные, безнадзорные — охотно отвечают на предложение вербовщиков. «Уличные дети наиболее уязвимы для эксплуатации в качестве моделей порнографии — видео или иного вида. Лица, вовлеченные в производство порнографических изданий, отыскивают таких детей на улицах, рынках, около станций метрополитена или вокзалов и в других городских местах. Накормив их, они предлагают детям “заработать хорошие деньги”. Дети, находящиеся в экстремальной экономической ситуации, надеются, что это будет простой путь заработать деньги, получить еду, одежду, иногда — наркотики, алкоголь, сигареты... Кадеты (учащиеся военных школ) Санкт-Петербурга нередко используются для получения гомосексуальных порно-материалов»²³⁰.

Принудительный труд или рабство. Удивительно, но принудительный труд, рабство оказались распространенными в XX—XXI веках. Жертвами этого вида торговли людьми становятся мужчины, женщины, дети.

В современной России рабский труд был распространен, прежде всего, в Кавказском регионе, но в печать проникали сведения и о рабстве в центральных регионах Европейской части страны. О таком «рабовладельце» в Ленинградской области говорится в одном из очерков А. Константинова²³¹.

Как и в других случаях торговли людьми, основной причиной трудовой миграции служит экономический фактор: низкий уровень заработной платы на родине или безработица. Как сообщает пресса, в некоторых регионах Республики Молдова почти все взрослое население выезжает на заработки в Италию или Россию. В результате дети остаются безнадзорными или на попечении родственников. Вот как объясняет журналистке свой вынужденный отъезд из Молдовы на заработки в Россию одна из матерей: «Ну, вот я буду сидеть дома и плакать с детьми, что нечего есть и обуть. И что? Лучше я буду плакать одна, там, ночью в подушку, а у детей здесь будут деньги»²³².

В настоящее время фактически рабский труд широко распространен в России за счет легальных и в основном нелегальных мигрантов из стран СНГ, особенно Таджикистана, Узбекистана,

²³⁰ Gurvich I. et all. Ibid. P. 27.

²³¹ Константинов А., Дикселнус М. Бандитская Россия. СПб., 1997. С. 251—258.

²³² Ивлева В. Страна одиноких детей // Новая газета. 2006. 6—8 нояб. С. 13.

Казахстана, Молдовы, а также из Китая, Вьетнама, Афганистана, Северной Кореи, отчасти из африканских и латиноамериканских стран. Условия труда и жизни рабов XXI века ужасны. Нередко их жизнь заканчивается самоубийством²³³.

Так, по данным одного из исследований, в России 80—90 % мигрантов принуждаются «хозяевами» к работе сверх положенного времени; до 90 % мигрантов не имеют оплачиваемых выходных, отпуска по болезни, иных социальных льгот; без оплаты труда или с неопределенными условиями и размером оплаты работают 25—47 %. К элементам рабского труда относятся: ограничение свободы и изоляция (25—30 % мигрантов); обман, угрозы, шантаж (27—35 %); принуждение к секс-услугам (25—30 % женщин); наличие долга работодателю (15—18 %)²³⁴. Кроме того, множество трудовых мигрантов живут в ужасающих условиях, в бараках без электричества, без отопления, без канализации.

В связи с массовой миграцией в России начал формироваться институт «черного посредничества». Специальные агенты ездят по селам и городам стран СНГ, вербуя людей под предлогом «хорошего заработка» в России, а в действительности для занятия проституцией, тяжелым трудом в строительной отрасли с рабскими условиями труда, а иногда — и в качестве «гладиаторов»²³⁵. Известны случаи продажи офицерами солдат различным бизнесменам. Один из ставших достоянием общественности случаев произошел в сентябре 2006 года, когда в городе Чита офицер продал солдата своей воинской части местному предпринимателю за 35 тыс. р. (около 1 тыс. 300 дол.). Солдат в результате рабской эксплуатации оказался в военном госпитале без ноги и без глаза.

Торговля внутренними органами. Это одна из наиболее скрытых и быстро развивающихся отраслей криминального бизнеса. Существует международный черный рынок «изделий» для трансплантации сердца, почек и других органов человека. В российской прессе изредка появляются сведения о случаях продажи органов в России и за рубеж. Было несколько случаев, когда возбуждались, расследовались и доходили до суда уголовные дела по обвинению медицинских работников в нелегальном изъятии органов у детей в целях продажи. Однако они заканчивались либо оправдательным приговором, либо производство по ним прекращалось.

²³³ Репецкая А. Л. Указ. соч. С. 34.

²³⁴ Тюрюканова Е. Указ. соч. С. 19.

²³⁵ Интервью с таким современным «гладиатором» см.: Тюрюканова Е. Указ. соч. С. 184—186.

Мировые и национальные проблемы предупреждения и сокращения торговли людьми чрезвычайно сложны, хотя нормативная правовая база достаточно развита²³⁶. Во-первых, этот вид криминальной деятельности один из наиболее скрытых, латентных. При значительной распространенности торговли людьми в России были зарегистрированы соответствующие преступления в 2001—2010 гг.: принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации (ст. 120 УК РФ) — 0 преступлений до 2004 г., 1 — в 2005 г., 1 — в 2016 г.; торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ) — 0 преступлений в 2003 г., 17 — в 2004 г., 60 — в 2005 г., 106 — в 2006 г., 104 — в 2007 г., 57 — в 2008 г., 94 — в 2009 г. и 103 — в 2010 г.; использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ) — 0 преступлений в 2003 г., 8 — в 2004 г., 20 — в 2005 г., 19 — в 2006 г., 35 — в 2007 г., 10 — в 2008 г., 9 — в 2009 г. и 15 — в 2010 г.; торговля несовершеннолетними (ст. 152 УК РФ) — 16 преступлений — в 2001 г., 10 — в 2002 г., 21 — в 2003 г., затем закон утратил силу; незаконное усыновление (ст. 154 УК РФ) — 2 преступления в 2001 г., 3 — в 2002 г., 0 — в 2004 г., 1 — в 2004 г., 7 — в 2005 г., 9 — в 2006 г., 1 — в 2007 г., 1 — в 2008 г., 1 — в 2009 г.²³⁷

Во-вторых, все формы торговли людьми — порождение экономических, социальных, политических процессов в условиях глобализации. Социально-экономическое неравенство различных стран и социальных групп — основной фактор *human trafficking*. Ясно, что неимущие («исключенные») нуждаются в средствах для выживания, другая часть населения — в деньгах для лучшей жизни («сладкой жизни»). Криминал пользуется этим, «обеспечивая» тех и других (и прежде всего себя) такими средствами.

В-третьих, торговля людьми в эпоху глобализации относительно новая проблема. Привычные методы выявления, регистрации, профилактики, противодействия социальному «злу» в данном случае не срабатывают. Тем более важны национальные и межгосударственные (кросс-культуральные) исследования торговли людьми и выработка методов и средств противодействия этому.

²³⁶ Противодействие торговле людьми : Сборник нормативных правовых документов / под ред. Н. И. Абукириной. М., 2004.

²³⁷ Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / под ред. А. И. Долговой. М., 2005. С. 303—306 ; Преступность, криминология, криминологическая защита / под ред. А. Долговой. М., 2007. С. 337—340 ; Статистика МВД // Crimpravo.ru : Криминологи.рф : научная сеть. URL: <http://crimpravo.ru> (дата обращения: 15.03.2015).

Глава 7. ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Today, it is difficult to distinguish where the reality ends and the fiction begins²³⁸.

J. Albanese

§ 1. К постановке проблемы

Тема преступности издавна полна мифов. А мифы все шире используются политиками в популистских целях, журналистами — в погоне за сенсацией, рождая «страх перед преступностью», «моральную панику»²³⁹. В еще большей степени мифологизирована *организованная преступность* — относительно позднее явление в жизни общества²⁴⁰. Но если организованная преступность Италии, США, Японии и других «капиталистических» стран изучается и обсуждается с конца 20-х гг. минувшего века (одни из первых исследований: The Illinois Crime Survey 1929 г.; деятельность комиссии Kefauver в 1950-е гг.; труды D. Bell и D. Cressey в 1950—60-е гг.), то для постсоветской России это новая тема. Еще в 1986 году шла дискуссия по вопросу: а есть ли организованная преступность в СССР?

Начиная с 1990-х гг. стали появляться серьезные отечественные работы по организованной преступности²⁴¹, а также главы, посвященные организованной преступности, в книгах В. В. Лунеева, Г. Ф. Хохрякова, многочисленные сборники статей и докладов под редакцией А. И. Долговой (см. напр.: *Организованная преступность ... : Круглый стол изд-ва «Юрид. лит.» / отв. ред. А. И. Долгова, С. В. Дьяков. М., 1989— ; Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация : социально-правовой альманах. Екатеринбург, 2000—2003*). Значи-

²³⁸ «Сегодня трудно различить, где заканчивается реальность и начинается вымысел».

²³⁹ Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics*. St. Albans, 1973.

²⁴⁰ Albanese J. *Organized Crime : The Mafia Mystique // Criminology. A Contemporary Handbook*. Second Ed. / ed. J. Shelley. 1995. P. 231—248 ; Albin J. *The American Mafia : Genesis of a Legend*. NY, 1971 ; Arlacchi P. *Mafia Business: the Mafia Ethic and Spirit of Capitalism*. Verso, 1986 ; Smith D. *The Mafia Mystique*. Lanham MD, 1990.

²⁴¹ Гуров А. И. *Красная мафия*. М., 1995 ; Кудрявцев В. Н., Лунеев В. В., Наумов А. В. *Организованная преступность и коррупция в России (1997—1999)*. М., 2000 ; Овчинский В. С. *Стратегия борьбы с мафией*. М., 1993 ; *Основы борьбы с организованной преступностью : монография / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова*. М., 1996 ; Топильская Е. В. *Организованная преступность*. СПб., 1999 ; Ее же: *Криминология организованной преступности*. В 2 т. СПб., 2015 ; и др.

тельный интерес представляют опубликованные результаты журналистских расследований, прежде всего А. Константинова и М. Дикселиуса²⁴², а также фактографический материал в ежемесячниках «Ваш тайный советник» (Санкт-Петербург), «Криминальная хроника» (Москва), «Совершенно секретно» (Москва), «Версия» (Москва).

Однако нельзя сказать, что организованная преступность в России исследована достаточно полно. Отечественные разработки недостаточно «прописаны» в мировой науке. Главное же — организованная преступность и деятельность представляющих ее преступных организаций постоянно меняется как в целом по России, так и по ее регионам.

В мировой криминологии организованной преступности исторически возникло несколько концепций — моделей. Одна из ранних — «*alien conspiracy model*» («модель иностранного заговора») ²⁴³ — основана на опыте этнических преступных организаций в США (прежде всего итальянской мафии). Возможно, эта модель легла в основу группы *local, ethnic models*, хотя нередко она рассматривается в качестве самостоятельной. Другая группа — *hierarchical models* (иерархические модели). Очевидно, к ним относятся *bureaucratic/corporate model* (бюрократически-корпоративная) и *patrimonial/patron — client model* («патримониальная» модель патрон/клиент) ²⁴⁴. Сторонники этих моделей исходят из иерархической структуры преступных сообществ. Наконец, третьей группой моделей является рассмотрение организованной преступности как предпринимательства — *business enterprise* ²⁴⁵. Представляется, что между тремя основными группами (типами) моделей организованной преступности нет принципиальных противоречий. Главной содержательной характеристикой организованной преступности является *business enterprise*. *Local, ethnic u hierarchical models* отражают организационные формы (локальная или этническая по происхождению, иерархическая по структуре) реализации предпринимательства, бизнеса (*business enterprise*). В этой главе используются материалы эмпирических исследований организованной преступности, проводившихся Санкт-Петербургским центром девиантологии.

²⁴² Дикселиус М., Константинов А. Преступный мир России. СПб., 1995 ; Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия ; и др.

²⁴³ Barkan S. Op. cit. P. 453—456.

²⁴⁴ Abadinsky H. Organized Crime. Fourth Ed. Chicago, 1994. P. 20—28.

²⁴⁵ Albanese J. Organized Crime ... P. 233—240 ; Kelly R., Kolin Chin, Schatzberg R. Handbook of Organized Crime. In the Unites States, 1994. P. 78—88.

§ 2. Организованная преступность как социальный феномен

The development of organized crime
parallels early capitalist enterprise²⁴⁶.

G. Vold

The first business of criminal
organizations is usually business²⁴⁷.

Goodson and Olson

Организованная преступность — сложный социальный феномен. Возникнув, она так прочно переплелась с другими социальными институтами и процессами, так прочно вросла в общественную ткань, что с трудом может быть из нее вырвана для изучения. Более того, вызывает сомнение корректность самого понятия «организованная преступность», ибо с точки зрения общей теории организации «организованность» — неотъемлемое свойство всех биологических и социальных систем (объектов), а потому «неорганизованной преступности» вообще не существует. Так что «понятие “организованная преступность” выполняет социальную функцию “персонификации общественного зла”»²⁴⁸. В результате предлагалось отказаться от понятия «организованная преступность» как криминологического и уголовно-правового, признав его бытовым понятием. Соглашаясь с этими доводами, мы не призываем к отказу от понятия «организованная преступность». Существуют научные традиции, накоплен большой эмпирический материал, осуществляется практика социального контроля над так называемой организованной преступностью.

Имеется множество определений организованной преступности²⁴⁹. Некоторые из них лаконичны, но тавтологичны и малосодержательны («*organized crime is crime that is organized*»). Другие — излишне громоздки, их авторы пытаются перечислить все возможные признаки организованной преступности. При всем многообра-

²⁴⁶ «Развитие организованной преступности подобно раннему капиталистическому предпринимательству».

²⁴⁷ «Прежде всего, бизнес криминальных организаций есть обычный бизнес».

²⁴⁸ Юстицкий В. Организованная преступность: смена парадигм // Преступность и криминология на рубеже веков / под ред. Я. Гилинского, Я. Костюковского. СПб., 1999. С. 46.

²⁴⁹ Abadinsky H. Op. cit. P. 2—8; Albanese J. Organized Crime ... P. 231—232; Hagan F. Introduction to Criminology: Theories, Methods, and Criminal Behavior. Sixth Ed. 2008. P. 36; Kelly R., Kolin Chin, Schatzberg R. Op. cit. P. 21—31.

зии определений акцент делается либо на характере деятельности (преступный, для извлечения прибыли и т. п.), либо на организованности (устойчивая группа, иерархическая структура и т. п.).

Если учесть, что идеальных определений не бывает, можно в качестве рабочего принять понимание организованной преступности как «функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции». Это определение было зафиксировано в документах Международной конференции ООН по проблемам организованной преступности в 1991 году в Суздале (Россия).

Следует предостеречь от понимания организованной преступности как простой совокупности деятельности преступных организаций. Организованная преступность не сумма преступных организаций и не сумма преступлений, совершаемых ими. Это качественно новая характеристика такого состояния преступности, когда она встроена в социальную систему, оказывает существенное влияние на другие составляющие (элементы) системы и прежде всего на экономику и политику. Может быть, более глубоким окажется определение организованной преступности как системы социальных связей и отношений, сложившихся по поводу извлечения незаконной прибыли²⁵⁰.

Организованная преступность выступает, прежде всего, как предпринимательство, бизнес, индустрия, производство и распределение товаров и (или) услуг. Ее главной целью является экономическая выгода, прибыль. И в этом отношении организованная преступность не отличается от обычного бизнеса. Различия начинаются с методов деятельности. Преступные организации добиваются высокой прибыли любыми методами, включая криминальные. Но и респектабельный бизнес не избегает полуправильных, а то и преступных действий для достижения выгодного результата... Становясь известными, такие случаи расцениваются как примеры «беловоротничковой» (*white-collar crime*), а не организованной преступности. Иначе говоря, преступления представителей легальных организаций — экономическая преступность, преступления агентов нелегальных организаций — организованная преступность.

Криминальный бизнес возникает, существует и развивается при наличии ряда условий: спрос на нелегальные товары (наркотики, оружие и др.) и услуги (сексуальные и др.); неудовлетворенный спрос на легальные товары и услуги (например, дефицит, присущий

²⁵⁰ Основы борьбы с организованной преступностью. С. 155.

социалистической экономике); безработица, незанятость подростков и молодежи; пороки налоговой, таможенной, финансовой, вообще экономической политики государства, а также коррупция, препятствующие нормальному развитию легальной экономики.

Пока есть спрос, то будут предложения. Функционирование наркобизнеса как экономической отрасли рассмотрено Л. Тимофеевым. В результате экономического анализа автор приходит к выводам, с которыми можно полностью согласиться: «Из всех возможных способов регулирования отрасли — налогообложение, национализация, запрет — запрет как раз наименее продуктивен. Запретить рынок — не значит уничтожить его. Запретить рынок — значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок — значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства»²⁵¹. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить последствия «сухого закона» в США — бутлегерство и зарождение мафии, а также политики «преодоления пьянства и алкоголизма» в середине 1980-х гг. в бывшем СССР — массовое самогонование, начало подпольного производства и распространения фальсифицированных алкогольных изделий, наконец, сегодняшнюю ситуацию с наркобизнесом. Легализация наркотиков означала бы конец наркобизнеса.

Формирование и развитие организованной преступности, а точнее, повышение уровня организованности преступности — закономерный общемировой процесс, выражение тенденции повышения уровня организованности всех социальных подсистем: экономики, политики, управления, коммуникаций и др. Как выразился один из представителей санкт-петербургского преступного сообщества в интервью, данном сотруднику Центра девиантологии Социологического института РАН Я. Костюковскому, «время разбойников с обрезами прошло. Конечно, есть обычные уличные грабители, но они даже если за день ограбят тысячу человек — это ничего по сравнению с тем, что могу заработать я, нажав три клавиши на компьютере».

Об организованной преступности как социальном феномене (а не совокупности преступных организаций, которые существуют не одно столетие, а может быть и тысячелетие) можно говорить только тогда, когда она начинает серьезно влиять на экономику и политику страны. Это присуще и современной России. Не удиви-

²⁵¹ Тимофеев Л. Наркобизнес : Начальная теория экономической отрасли. М., 1998. С. 107

тельно, что одной из современных тенденций организованной преступности является стремление к легализации своей деятельности, в частности путем создания легальных предприятий, инвестируя в них деньги, добытые преступным путем, а затем «отмытые».

Организованная преступность институционализируется в различное время в различных странах, становясь социальным институтом. Социальные институты — регулярные, долговременные социальные практики, образцы поведения, служащие удовлетворению различных потребностей людей²⁵². Основные признаки организованной преступности как социального института: *длительность существования*; *регулярность* (постоянство) *функционирования*; *выполнение определенных социальных функций* (обеспечение заинтересованных групп населения товарами и услугами, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.); *наличие комплекса норм* (правил поведения), «профессионального» языка (в России — «блатная феня»), вполне определенных *ролей* (разграничение функций внутри сообществ).

Институционализация (процесс, в ходе которого социальные практики становятся регулярными, долговременными и «обрастают» всеми признаками института) организованной преступности происходит постепенно. Исследователи, прогнозируя развитие организованной преступности, отмечают расширение применения насилия, использования безопасных видов деятельности (подделка кредитных карт, авиабилетов), внедрения в легальный бизнес и финансовую деятельность, «отмывания» денег через рестораны, ночные клубы, казино и т. п.; использования новых технологий²⁵³. Все исследователи прогнозируют дальнейшую интернационализацию, глобализацию организованной преступности.

§ 3. Преступная организация

Организации повсюду.

Нэйл Сметзер

Имеются *уголовно-правовое* (ст. 35 УК РФ) и *криминологическое* понимание преступной организации. В статье 35 УК РФ наряду с преступными группами (чч. 1—3) называется и преступное сообщество (преступная организация) (ч. 4), под кото-

²⁵² Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 106—107.

²⁵³ Albanese J. Organized Crime ... P. 245—247 ; Siegel L. Criminology. Fourth Ed. 1992. P. 386—387.

рым понимается структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих совместно в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Это не очень четкое, с нашей точки зрения, определение (почему, например, вводится критерий тяжести преступлений?), но оно носит нормативный (обязательный для полиции и уголовной юстиции) характер.

Сложнее дать криминологическое (социологическое) определение преступной организации. Так, по приговору Нюрнбергского трибунала преступными организациями были признаны: руководящий состав национал-социалистической партии Германии, гестапо, СД, СС. Таким образом, первое ограничение, которое надо сделать в рамках темы, — нами не будут рассматриваться преступные организации политической направленности (включая как государственные, так и иные политические образования, например, фашистские или иные экстремистские).

Второе ограничение состоит в том, что нами не рассматриваются легальные организации, использующие в своей деятельности преступные методы (например, коммерческие организации, нарушающие антимонопольное законодательство, налоговое и др.).

Предметом нашего анализа станут те преступные организации, которые создаются для извлечения прибыли в результате производства и распределения нелегальных товаров и услуг. Их можно условно назвать «организации преступного предпринимательства». Они относятся к социальным организациям типа «трудовой коллектив» (различают несколько типов социальных организаций: семья, трудовой коллектив, общественная организация, общество, метаобщество). Однако в силу традиции и для краткости будем использовать привычный термин «преступная организация».

Действительно, с экономической точки зрения «преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступником по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что “прибыль” от решения стать преступником — приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными, — превосходит “прибыль” от занятия иными профессиями»²⁵⁴.

²⁵⁴ Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Теория и история экономических и социальных институтов и систем (THESIS). 1993. Т. 1, вып. 1. С. 33—34.

Как любой трудовой коллектив, преступная организация может быть малочисленной и многочисленной, рассчитанной на более или менее продолжительную деятельность, выпускающей один вид продукции или несколько, предоставляющей один вид услуг или несколько, и т. п. Как любой трудовой коллектив, преступная организация имеет свою более или менее сложную структуру, правила работы, заботится о подготовке, подборе и расстановке кадров, поддерживает дисциплину труда, обеспечивает безопасность деятельности, стремится к высоким доходам (прибыли). Издаются пособия по руководству мафией²⁵⁵.

Преступные организации высоко адаптивны и устойчивы в силу жестких требований к «подбору кадров», «дисциплине труда», рекрутированию наиболее молодых, сильных, волевых «сотрудников», благодаря «свободе» от налогового бремени, да и от общепринятых моральных требований (хотя своя этика существует и строго поддерживается). Так что эта разновидность трудовых коллективов отличается высокой конкурентоспособностью.

Из интервью представителя преступной группировки Санкт-Петербурга Я. Костюковскому:

«У меня бригада есть — угодниками занимается. Там такие умельцы — машину с любой противоугонкой за пять минут вскрывают. Недавно купили сканирующее устройство — коды считывать. Техника... Я вообще думаю, что вся новая техника через криминал проходит. Это в государственных учреждениях сидят в тетрисы на компьютерах режут. А у меня в конторе по двенадцать часов люди работают».

Иногда различают три уровня преступных организаций: преступная *группа*, *объединение* (ассоциация), преступное *сообщество*. Называются различные типы преступных организаций²⁵⁶.

В отечественной и зарубежной литературе перечисляется множество признаков преступной организации²⁵⁷. С нашей точки зрения, к числу наиболее существенных признаков организации преступного предпринимательства относятся:

объединение людей: *устойчивое, рассчитанное на длительную деятельность*;

²⁵⁵ The Mafia Manager: A Guide to the Corporate Machiavelly. NY, 1996. (Одно время в Санкт-Петербургском Доме Книги продавался русский перевод.)

²⁵⁶ Hagan J. Op. cit. P. 321—322.

²⁵⁷ De Keseredy W., Schwartz M. Op. cit. P. 384 ; Reid S. Crime and Criminology. Fifth Ed. 1988. P. 334 ; Лунеев В. В. Преступность XX века ... С. 288 ; Основы борьбы с организованной преступностью. С. 156—157 ; Топильская Е. В. Организованная преступность. С. 73—79.

цель: *извлечение максимальной прибыли (сверхприбыли)*;
содержание деятельности: *производство и распределение товаров и услуг*;

характер деятельности: *сочетание нелегальных (преступных) и легальных видов деятельности*;

структура организации: *сложная иерархическая с разграничением функций и ролей* (руководители, исполнители, группы обеспечения и безопасности, разведка и контрразведка, эксперты и др.);

основное средство безопасности: *корруптирование органов власти и управления, правоохранительных органов* (полиции, уголовной юстиции);

стремление: *монополизация* в определенной сфере деятельности или на определенной территории ради успешного достижения главной цели.

Эти признаки в большей или меньшей степени присущи всем социальным организациям типа трудового коллектива. Лишь преступный характер деятельности и корруппирование у легальных трудовых коллективов проявляются в качестве необязательных (но вполне возможных) признаков.

§ 4. История организованной преступности в России²⁵⁸

Преступные организации известны в России с XVI века, воровские традиции и сленг («блатная феня») — с XVIII века. История отечественных криминальных группировок описана в обширной исторической, юридической, художественной литературе²⁵⁹.

Первоначальной организационной формой преступных групп была *воровская артель*. Это соответствовало традиционной форме трудовых объединений в России — артели. Не случайно много веков спустя советская власть использовала название (да и некоторые организационные принципы) для трудовых объединений в различных сферах негосударственного сектора экономики: «сельскохозяйственная артель», «рыболовецкая артель», «промысловая артель». Артель (в том числе воровская) основывалась на нескольких принципах: добровольность объединения для определенного вида деятельности; равенство всех членов артели; соли-

²⁵⁸ История зарубежной организованной преступности отражена в многочисленных трудах. Достаточно полно и интересно она изложена: Абадинский Г. Организованная преступность. СПб., 2002.

²⁵⁹ Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish Artel to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia // Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond / eds. C. Fijnaut, L. Paoli. 2004. Vol. 4. P. 181—202.

дарная ответственность, «круговая порука»; выборность руководителя (старшего, «атамана» и др.).

После 1917 года преступные организации в России действовали в виде *банд*, совершавших вооруженные нападения на граждан и учреждения (например, известные в свое время в Петрограде банды Леньки Пантелеева, «черная кошка», «попрыгунчики» и др.).

С 1930-х гг. формируется криминальное сообщество «*воров в законе*», которое со значительными изменениями (менее строгий «воровской закон», утрата былых позиций вне пенитенциарных учреждений, «зоны» и др.) существует до сих пор. «Воры в законе» имели общую кассу — «общак», в которую отчислялся определенный процент от награбленного. Об этой уникальной форме преступной организации известно сегодня, пожалуй, не менее, чем о сицилийской мафии²⁶⁰.

После смерти Сталина, на волне хрущевской «оттепели» появляются первые подпольные дельцы — «*цеховики*». В цехах, прежде всего системы промкооперации, наряду с легальной деятельностью нелегально изготовлялась продукция для населения — одежда, обувь и др., постоянный дефицит которой был присущ государственной экономике. Позднее такие цеха или целые предприятия государственного сектора экономики все в больших масштабах производили «левую» продукцию из «сэконмленного» сырья. Цеховики, как и поставители других сфер нелегального в условиях «социализма» бизнеса, представляли теневую экономику, т. е. были «*теневиками*». Особенность советской теневой экономики состояла в том, что она удовлетворяла вполне естественный спрос населения на вполне легальные товары (джинсы, косметику, «импортные» изделия) и легальные — для нормального общества с нормальной экономикой — услуги (например, обмен валюты).

Так, в Москве, Ленинграде действовало множество «команд» спекулянтов («*фарцовщиков*»). Их «работой» была скупка и последующая перепродажа (спекуляция, караемая по ст. 154 УК РСФСР) товаров народного потребления, прежде всего «импорта», недоступного советским гражданам. В условиях тотального дефицита «преступники» организовывали оптовые скупки

²⁶⁰ Гуров А. Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М., 1990 ; Гуров А., Рябинкин В. Исповедь «вора в законе». М., 1995 ; Подлесских Г., Терешенок А. «Воры в законе»: бросок к власти. М., 1994 ; Разинкин В. С. «Воры в законе» и преступные кланы. М., 1995 ; Сидоров А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. В 2-х кн. Ростов н/Д., 1999 ; Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990 ; и др.

со складов, «блокирование» магазинов, скупку у иностранных граждан, соотечественников, приезжающих из-за рубежа. В дальнейшем товары продавались на полулегальных вещевых рынках, вблизи крупных магазинов (ленинградцам хорошо была известна «галёра» — галерея Гостиного Двора — место торговли предметами женского туалета и такой роскошью, как джинсы) и... в общественных туалетах, где продавалась импортная парфюмерия.

Значительный объем криминальной деятельности составлял нелегальный обмен валюты («валютные операции», запрещенные ст. 88 УК РСФСР, отмененной лишь в 1994 г.). По печально известному делу Я. Рокотова и В. Файбишенко, обвиняемых в «валютных операциях», осужденные были приговорены к смертной казни, приведенной в исполнение.

Условно историю современной отечественной организованной преступности можно разделить на четыре этапа: конец 1970-х — конец 1980-х гг. — *становление* организованной преступности; конец 1980-х — конец 1990-х гг. — *активизация* деятельности преступных организаций; конец 1990-х — середина 2000-х гг. — дальнейшее *развитие* организованной преступности, включение в мировые криминальные сети, вхождение в легальный бизнес и властные структуры; с середины 2000-х гг. — современный этап.

Первый этап (конец 1970-х — конец 1980-х гг.)

В 1970-е—1980-е гг. идет активный процесс сращивания «цеховиков», теневой экономики и сообщества «воров в законе», а также коррумпированных властных структур (вплоть до первых секретарей ЦК коммунистических партий союзных республик, ОК и ГК КПСС) и правоохранительных органов — «зонтика» (нынешняя «крыша»). Горбачевская «Перестройка» с ее легализацией частной собственности, частной предпринимательской деятельности позволила владельцам подпольных капиталов, а также партийно-государственной номенклатуре первыми захватить новое экономическое поле. Сплав старых «воров в законе», «теневиков», коррумпированных чиновников и новой генерации криминального мира — «бандитов», или «спортсменов», — раздвоился: большая часть ушла со своими капиталами, криминальными и полукриминальными связями и нравами в легальный бизнес, меньшая часть образовала преступные организации с традиционными видами криминальной деятельности (продажа наркотиков и оружия, рэкет, контроль за игорным бизнесом и проституцией, и т. п.).

В 1970-е гг. начинает складываться наркобизнес (система перевозки и продажи наркотиков — *drug traffic*). Большую часть нарко-

тических средств перевозят и продают представители «системы» (хиппи), цыгане, довольно большое число неорганизованных курьеров. Традиционные районы, откуда привозятся наркотики, — Казахстан, Средняя Азия (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), Дальний Восток, некоторые республики и области юга СССР (Украина, Краснодарский край, Ставропольский край). В Ленинграде существовала и своя система краж из аптек, больниц, фармацевтических лабораторий с последующей продажей наркотических и наркосодержащих препаратов. Основные виды наркотиков в 1970-х — начале 1980-х гг. — «травы» (производные каннабиса, конопля — анаша, гашиш и др.), морфий, «черняшка» (маковые, опийные наркотики, изготавливаемые в домашних условиях), «винт» (первитин), довольно редкий вид грибов, произрастающий в окрестностях города, реже встречаются ЛСД и героин.

В этот период происходит становление такого явления, которое теперь называется «организованная преступность». В Ленинграде, например, сложилась система нескольких «команд». Точки торговли были жестко поделены. Появились первые довольно широко известные преступники («авторитеты»), пользующиеся влиянием не только в преступном мире, но имеющие определенное общественное реноме, имидж. Например, Феоктистов в свое время попал в публикацию «*Der Spiegel*» (ФРГ), где его назвали «крестным отцом» всей организованной преступности СССР (что было явным преувеличением). Обратимся к воспоминаниям представителя Санкт-Петербургской преступной группировки.

«И. (интервьюер Я. Костюковский): А как вообще поменялась организованная преступность за последние 20 лет?

Р. (респондент — представитель криминального сообщества): Сильно. Начиналось все с отдельных команд, человек 10—20. И то это уже чуть не бандой выглядело. Обычно все с фарцовки начинали или то, что около нее лежит. Вообще-то тогда уже кое-какие элементы современные были.

И.: Например?

Р.: Ну, например, все барыги (лица, занимающиеся нелегальной торговлей — И.) имели своих «пап». Теперь это «крышей» называется. Потом, скажем, Фёка... [Феоктистов]. Все прекрасно знали, кто это и что. Если кто-то говорил: я, типа, там с Фёкой водку пью, — все, это круто. Тебя не тронут. Он вообще на авторитете мог разобраться без мордобития. А кроме него были Слон, Маргулис, тот же Малыш [Малышев].

С тех пор теневая («неформальная», «подпольная», «серая», «вторая», «эксплуатационная») экономика стала неотъемлемой частью

жизни общества и населения, а для значительной части населения — единственно возможным средством выживания. Другое дело, что теневая экономика существует в том или ином объеме во всех странах. Да и в России она существовала всегда: «Экспоярные структуры существуют в России столько же, сколько государство и рыночный капитализм»²⁶¹. Но в период «развитого социализма» она становится едва ли не единственным средством выживания большинства. «Для России данную тему можно считать центральной, так как жизнь огромного большинства людей здесь невозможно понять, если не принимать во внимание их деятельность в неформальной экономике... Социально-экономическое выживание российского общества — это главный парадокс ее новейшей истории... Постсоветская Россия стала свидетелем массивного развертывания неформальных отношений и эксплояризации экономики и связанных с ней социальных структур»²⁶².

Второй этап (конец 1980-х—конец 1990-х гг.)

Наши респонденты, представители отечественного бизнеса, рассказывали в середине 1990-х гг. (интервьюер Я. Гишинский): «100 % коммерческих структур подвергаются рэкету... Рэкетеры контролируют все предприятия, кроме оборонного комплекса и некоторых иностранных фирм».

Если в конце 1980-х—начале 1990-х гг. преобладал «черный рэкет»: поборы с мелких магазинов, кафе, ларьков, киосков, то в конце 1990-х гг., за исключением сохранившихся мелких рэкетиров, господствует хорошо отлаженная и вполне «легальная» система «патронажа» над крупными предприятиями и банками с заключением юридически оформленных договоров на «обеспечение безопасности», «маркетинговые услуги», «партнерство». Представители криминальных структур нередко входят в состав советов директоров предприятий, правлений банков. Наши респонденты считали, что в банковской сфере контроль криминалитета достиг уже 90—100 %, тогда как в сфере предпринимательства «ограничивается» 60—80 %. Вообще легальный и неле-

²⁶¹ Шанин Т. Экспоярные структуры и неформальная экономика. современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 28.

²⁶² Шанин Т. Указ. соч. С. 9, 11. См. также: Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни. Социологический автопортрет постсоветского общества. М., 2000 ; Теневая экономика — 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности / под ред. Л. Тимофеева. М., 2008 ; Тимофеев Л. М. Теневые экономические системы современной России: теория—анализ—модели : учеб. для вузов. М., 2008.

гальный бизнес в стране тесно взаимосвязаны. Наши респонденты из числа бизнесменов утверждают: «Невозможно работать без нелегальной деятельности... Легальные и нелегальные методы взаимосвязаны». Руководители подразделений по борьбе с экономической и организованной преступностью подтверждают (интервьюер Я. Гишинский): «Средний бизнес чрезвычайно вовлечен в криминал... Взятки дают за все... Долги выбивают силой... С налоговой инспекцией нельзя иметь дело без взяток... Налоговая инспекция крайне коррумпирована... Мафиози нередко могут стать членами правления банков».

Многочисленные интервью с бизнесменами, офицерами милиции и действующими представителями петербургских криминальных структур позволили нам установить типичные ситуации вынужденного вовлечения предпринимателей в криминальную деятельность:

дача взяток при регистрации, лицензировании своего бизнеса; аренде помещения; получении разрешения на предпринимательскую деятельность от санитарно-эпидемиологической службы, пожарной инспекции и др.; получении банковского кредита; отчете перед налоговой службой; взаимоотношении с таможенными органами и т. п.;

сокрытие доходов от налога;

зависимость от рэкета («крыши») и необходимость сотрудничать с криминальными структурами (преступными сообществами), в том числе ввод их представителей в состав руководства предприятия, банка в целях обеспечения личной безопасности и возможности заниматься бизнесом;

«восполнение» государственной и судебной защиты неправовыми методами (в том числе прибегая к «помощи» криминалита: «арбитраж», «исполнительное производство» и др.) ввиду недостатков законодательной базы, бюрократизации и коррумпированности милиции и юстиции.

В это время в Санкт-Петербурге действует несколько преступных сообществ (Тамбовское, Казанское, Азербайджанское и др.), десятки преступных ассоциаций или объединений (например, Комаровское, контролирующее Курортный район Санкт-Петербурга и трассу Санкт-Петербург—Выборг), а также сотни преступных групп. Мнения специалистов о количестве преступных группировок в городе разнятся от полутора десятков до нескольких сотен. И это не удивительно: все зависит от того, что считать «организованной преступной группировкой» (ОПГ) в криминологическом понимании (ст. 35 УК РФ здесь мало помо-

гает, как уже отмечалось). Соответственно различны и представления о численном составе группировок: от десятков человек до 300—800 человек (мнение начальника одного из отделов УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

Основные виды деятельности российской организованной преступности в целом традиционны:

рэкет (вымогательство), главные особенности и трансформация которого отмечались выше;

нелегальный экспорт цветных металлов. Эта деятельность была особенно распространена в середине 1990-х гг.

Здесь и далее в качестве иллюстрации используются фрагменты из интервью Я. Костюковского с представителями криминалитета.

«И: (интервьюер): Какие виды криминального бизнеса наиболее популярны?

Р: (респондент): В течение 1994 года половина всего металла из России экспортировалась нелегально. Это был хороший бизнес! Люди за два—три месяца зарабатывали так, что до сих пор хватает. Правда, это была работа по 25 часов в сутки... Но игра стоила свеч. Разница в цене здесь и в Эстонии была безумная»;

торговля оружием. Это — очень высокодоходный нелегальный бизнес. Сведения о нем скупы, поскольку связаны с деятельностью высокопоставленных представителей военного ведомства (федерального и региональных). Купить можно все. Вопрос только — по какой цене²⁶³.

«Р: Мы занимаемся мелочью по сравнению с тем, что сейчас делается в армии, в оборонке — вот там да, там целая экономика. Сейчас говорят, вот, в армии все воруют. А, по-моему, там все намного сложнее. Просто выгоднее прикинуться простыми ворюгами, а на самом деле там же миллионы баксов [долларов США] крутятся. Вот там — экономика...»;

финансовые, банковские махинации. Наиболее известные ранние операции — фальшивые авизо. Сейчас практикуются более «технологичные», связанные с кредитными картами и деятельностью хакеров;

кража и перепродажа автомобилей.

«И: А ты с иностранцами контактируешь?

Р: Да, конечно. У нас есть бизнес по машинам. Обмен.

И: То есть?

²⁶³ Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / под общ. ред. А. Гурова. М., 2000. С. 34—36 ; Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под общ. ред. А. Долговой. М., 1999. С. 86—91.

Р: Натурально. Здесь в Питере угоняется машина и идет в Голландию, а из Голландии так же сюда... Вообще это целая система в Германии, Польше, Франции, Венгрии, Голландии и России. Так что в этом смысле с организованной преступностью все хорошо — международный контакт есть»;

изготовление и продажа фальсифицированных товаров, прежде всего алкогольных изделий. Хорошо известны (и систематически публикуются в прессе) результаты проверок качества продуктов. Примерно до 50 % алкогольных изделий, реализуемых в ларьках, киосках, а то и в магазинах, — фальсифицированы. Вот некоторые последствия этого: уровень смертности (на 1 тыс. жителей) от острого алкогольного отравления вырос в Санкт-Петербурге с 6,2 в 1987 г. до 49,1 в 1993 г. со снижением к 2001 г. до 20,6. В России рост с 8,0 в 1987 г. до 30,9 в 1993 г., в 1999 г. — 23,0, 2000 г. — 26,9, 2001 г. — 20,6, 2002 г. — 27,7, 2003 г. — 28,3²⁶⁴;

фальшивомонетничество. Зарегистрировано милицией в 1993 г. — 7075 случаев, в 1994 г., всего год спустя, — 14 980, в 2001 г. — 15 755, в 2002 г. — 23 581, в 2003 г. — 26 033, в 2005 г. — 44 108, в 2006 г. — 59 805, в 2007 г. — 46 272, в 2008 г. — 40 672, в 2009 г. — 45 251, в 2010 г. — 38 572²⁶⁵;

контроль над игорным бизнесом.

«И: Как в отношении азартных игр?

Р: Если ты спрашиваешь о казино... Это дело подходящее. Я могу пригласить в казино интересного для меня человека, и он будет выигрывать. Он сможет выиграть столько, сколько я захочу. Это ситуация простая и прекрасная: нет взятки, нет коррупции. Человек доволен, нет проблем.... Через казино можно реализовать огромные деньги без контроля. Иногда бывают полицейские налеты. Обнаружить нарушения в казино всегда можно. Но кто будет проверять, когда вице-губернатор сидит? В общем, беглые начинают и выигрывают...»;

контроль над проституцией. Подробнее об этом говорилось выше в связи с торговлей людьми;

контрабанда. В частности, количество предметов старины и искусства, изъятых при попытке вывоза, выросло с 3 500 предме-

²⁶⁴ Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. СПб., 2002. С. 33 ; Вопросы статистики. 2004. № 2. С. 33.

²⁶⁵ Преступность, статистика, закон : сб. статей / под ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 195 ; Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / под ред. А. И. Долговой. М., 2004. С. 98 ; Статистика МВД // Crimpravo.ru : Криминологи.рф : научная сеть. URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения: 15.03.2015).

тов в 1992 г. до 10 000 предметов в 1999 г. При этом задерживается не более 5—10 % реально вывозимых ценностей²⁶⁶;

наркобизнес. Этот криминальный вид предпринимательства дает самую высокую прибыль и, очевидно, наиболее глобализован. Отметим, что латентность и наркомании (как заболевания), и потребления наркотиков, и преступлений, связанных с ними, — чрезвычайно высока;

приватизация. Преступные организации весьма заинтересованы в процессе приватизации. Как утверждают наши респонденты: их цель — завладеть собственностью. Для этого, в частности, они получают своевременно информацию об аукционах, направляют на них своих представителей, которые нередко диктуют — под угрозой расправы — кто, что и за какую цену купит.

Третий этап (конец 1990-х—середина 2000-х гг.)

Основными тенденциями этих лет являются: переход «авторитетов» (лидеров) организованной преступности в легальный бизнес; усилившийся процесс «отмывания денег» через легальные структуры; стремление лидеров организованной преступности войти во властные структуры или обеспечить их покровительство. «Экономизация» и «политизация» организованной преступности приводит к сокращению явных кровавых «разборок»: отдельные убийства бывают, но автоматная стрельба на улицах городов резко сократилась; началась конкуренция между преступными организациями и... милицией по «крышеванию» (по существу, — рэкет) бизнеса.

Рассмотрим сказанное подробнее на примере интервью с нашими респондентами (декабрь 2004—март 2005 гг.)²⁶⁷.

Начальник отдела прокуратуры Санкт-Петербурга О. говорит: «Бандиты поумнели, стали изощреннее, их лидеры на голову выше того, что было. Они давно вошли во власть, коррумпируя ее».

Заместитель начальника управления по борьбе с организованной преступностью Н. рассказывает: «Лидеры преступного мира уходят в бизнес, легализуются, открывают компании, холдинги. Они набирают не “быков” [рядовые члены преступных организаций], а экономистов, юристов, менеджеров. Особенно они преуспевают в таких отраслях, как энергетика, топливный комплекс (господин Барсуков, бывший Кумарин, он же “Кум”), строительство, в меньшей степени — автобизнес. Лидеры организованной преступности те-

²⁶⁶ Криминогенная ситуация в России ... С. 41.

²⁶⁷ Интервью с представителями правоохранительных органов проводил Я. Гилинский, с членами действующих преступных групп — Я. Костюковский.

перь депутаты — Монастырский, Глушенко (в розыске), Шевченко (убит). Среднее звено — бригадиры — тоже организуют свои фирмы. Занимаясь недвижимостью, вовлекают в преступную деятельность паспортно-визовую службу милиции, участковых инспекторов. Лидеры организованной преступности имеют очень сильную юридическую поддержку, забирают (“легально”) целые крупные предприятия. Мелкие бандиты продолжают заниматься разбоями, грабежами, угонами автомашин. Из “воров в законе” был один “положенец”²⁶⁸ — Артур, но сейчас сидит».

По мнению оперативного сотрудника одного из отделов по борьбе с организованной преступностью В., «сегодня организованной преступности нет: ее сменили менты. Кто “крышует” ларьки, рынки, “точки”²⁶⁹? Менты. Посмотрите: вот ларек. К нему время от времени будет подходить мент и получать деньги. А вот в том доме напротив на 4-м этаже “точка”. Она под контролем Х-го отдела милиции. Сегодня все мелкие торговые предприятия, мелкий и средний бизнес под ментовской “крышей”. Бандиты и не сунутся. Почему выгоднее быть под ментовской крышей? А у них больше легальных возможностей. В случае чего ствол законный и стрелять может законно, а бандитские стволы незаконные. Кроме того, начальники всех охранных структур [собственная охрана предприятий, фирм] — бывшие менты. А мент с ментом всегда договорятся. Вот я, если надо, прихожу к начальнику охраны и говорю — братишка, ты ведь тоже из наших, помоги-ка мне. И всегда поможет. Да теперь и среди бандитов менты “в почете”. Мне может из “Крестов”²⁷⁰ позвонить ээк и в присутствии других со мной разговаривать. Еще и хвастаться в камере будет: я звоню менту знакомому. Раньше за такое его сразу же замочили бы.

И: А контроль за проституцией?

Р: Это тоже под ментами».

Начальник одного из отделов Управления собственной безопасности (УСБ) ГУВД А.:

«И.: Как Вы относитесь к мнению, что милицейские “крыши” сменяют криминальные?

²⁶⁸ «Положенец» — человек, обладающий статусом «вора в законе», но не коронованный. По «понятиям» «положенец» — старший в преступной иерархии, пока не появился «вор в законе».

²⁶⁹ «Точка» — место сбыта наркотиков. Обычно — всем хорошо известная квартира в жилом доме.

²⁷⁰ «Кресты» — исторически сложившееся название следственного изолятора Санкт-Петербурга.

Р.: Да, совершенно верно. Причем речь идет не только об отдельных сотрудниках или их группах. Это происходит на уровне, например, отделов милиции. Появилось на территории обслуживания кафе. Начальник отдела посылает туда участкового. Тот проводит соответствующую работу, и кафе начинает ежемесячно отчислять отделу определенную сумму».

По мнению наших респондентов, в последние годы ситуация осложнится усилением противостояния этнических группировок и «славянского крыла». Внутри преступной организации чаще всего национальная и этническая принадлежность не играет большой роли, но между организациями такого рода конфликты были всегда.

Силовые структуры, прекрасно осведомленные о деятельности того или иного лидера группировки, деятельности организации, часто бывают заинтересованы в конфликтах в преступном мире. С одной стороны, типичным мнением правоохранителей является то, что в момент конфликтных ситуаций гибнут преступники, а значит это облегчает жизнь неправоохранителям. С другой стороны, появлению новых лидеров в преступном мире никто не рад, так как обычно про уже действующих многое известно, сфера влияния определена, есть возможность предсказать, спрогнозировать же новых лидеров сложно — «темные лошади». Но есть еще и третья сторона. Нередко звучат в СМИ и во мнениях наших респондентов недвусмысленные свидетельства того, что правоохранительные структуры очень часто заинтересованы в деятельности той или иной преступной организации, потому что сами вовлечены в эту преступную деятельность. Эта тенденция проявилась в полной мере на современном этапе развития организованной преступности.

Четвертый этап (с середины 2000-х гг. — до настоящего времени)

На всей территории России продолжают действовать разнообразные по количеству участников и направлениям деятельности преступные сообщества и организованные преступные группировки.

Запрет с июля 2009 года легального игорного бизнеса привел, как и следовало ожидать, к уходу его в подполье — «катраны», хорошо известные еще со времен СССР²⁷¹. Увеличился, соответственно, и рынок коррупционных услуг.

²⁷¹ Гилинский Я. И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? // Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы. М., 2007 ; Tsytarev S., Gilinskiy Y. [Gambling in] Russia // Problem Gambling in Europe: Challenges, Prevention, and Interventions / eds. G. Meyer, T. Haye, M. Griffiths. 2008.

Расширяются международные связи отечественных ОПГ, активизируется включение их деятельности в систему мировой нелегальной торговли наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами. Сегодня «русская мафия» нередко выступает пугалом для западного налогоплательщика. Мифы о российской мафии затмевают мифы об итальянской или же японской мафии. Между тем, с одной стороны, российская организованная преступность «всего лишь» элемент международной преступности. С другой стороны, нельзя недооценивать реальную активность отечественных преступных группировок на международной арене.

Так называемый кушевский феномен, когда преступное сообщество, которое возглавлял депутат, кандидат социологических наук (!) Сергей Цапок, в течение многих лет терроризировало население станицы Кушевской (Краснодарский край) при полном попустительстве или под покровительством местных органов власти, суда, милиции. Все это стало достоянием СМИ лишь после убийства «цапками» двенадцати человек, включая троих детей. Вскрылось явление, которое и ранее было хорошо известно специалистам.

Давно назревало в процессе развития российской организованной преступности ее стремление к легализации криминальной деятельности, переходу к легальной и полуполигальной деятельности, к проникновению в легальный бизнес и во властные структуры. Эмпирическими проявлениями этого могут служить хорошо известные случаи: избранный мэр города Ленинск-Кузнецк Геннадий Коняхин (местный «авторитет»); избранный губернатор Нижнего Новгорода Андрей Климентьев («авторитет»); избранный мэр Владивостока Владимир Николаев (кличка «Винни-Пух»); Владимир Кумарин, он же «Кум», он же один из руководителей энергетического комплекса Санкт-Петербурга, он же «ночной губернатор» Санкт-Петербурга г-н Барсуков и др.

Интересно при этом, что население «подвластных» криминалитету регионов нередко предпочитает криминальную власть легальной (митинги и демонстрации жителей в поддержку Коняхина, Клементьева). И действительно: «Легализовавшись через тысячи фирм и компаний, “братва” создает рабочие места. Мало того, “братва” оказалась способной на решение и социальных проблем. В Москве, в крупных городах это не так заметно. Хотя в Москве есть даже театр, существующий на субсидии одной из криминальных группировок... В небольших российских городках вот уже несколько лет настоящей властью считаются местные «крестные отцы»... Общакровские средства идут не только на

криминальные и коммерческие нужды. Строятся и содержатся спортивные комплексы, детские дома и дома престарелых, больницы, нарколечебницы, проводятся праздники города, прокладываются дороги. На эти же деньги содержится городская администрация, да и милиция тоже. Вплоть до того, что именно бандиты снабжают ее транспортом, топливом, обмундированием... С чего бы это жители Ленинск-Кузнецкого стали на защиту своего криминального мэра?»²⁷².

Наши респонденты говорят о том же:

«Р: Ты себе не представляешь, какие аферы крутятся на официальном уровне. Это не только в Петербурге. Я знаю города поменьше, где уже половину всех квартир захапали те, кто в мэрии сидит. Вот там — мафия. Там все повязаны: мэрия, милиция, исполнители, законодатели, бандиты. Все уже давно переженились, детей своих переженили — вот это мафия, настоящая семья. И весь город держит под собой».

«Кушевский феномен» лучше всего характеризуют публикации первых лиц государства. Бывший в то время президентом Российской Федерации Д. Медведев говорит в послании Федеральному Собранию: «Произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом»²⁷³. Ему вторит Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькин: «С каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют “кушевской”, не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное»²⁷⁴.

Для современной Российской организованной преступности характерны следующие особенности.

Широкая распространенность и влияние на экономику и политику. Около 40—60 % предприятий и 60—80 % банков находятся так

²⁷² Шаров Л. Оставьте преступность в покое // Общая газета. 1998. 15—21 янв. С. 5.

²⁷³ Медведев Д. А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская Газета. 2010. 1 дек.

²⁷⁴ Зорькин В. Конституция против криминала // Российская Газета. 2010. 10 дек.

или иначе под контролем криминальных структур (представителями криминалитета называются и более внушительные цифры).

Значительное число представителей криминалитета либо непосредственно входят во властные структуры всех уровней, либо имеют возможность лоббировать принятие тех или иных властных решений.

Очень высокий доход (сверхприбыль) преступного бизнеса.

Организованная преступность принимает на себя выполнение функций государства: обеспечение безопасности (как чисто криминальные «крыши», так и полукриминальные «охранные предприятия»), «арбитраж», «исполнительное производство» и т. п. Коррупционированность властных структур и правоохранительных органов всех уровней облегчает деятельность преступных сообществ и их лидеров.

Широкая социальная база организованной преступности: безработица, низкая оплата труда в бюджетных организациях; безработица подростков и молодежи; невозможность нормального развития легального бизнеса («наезды» налоговых органов, коррупция, бюрократическая волокита и т. п.).

Широкое использование преступными организациями современных технологий, компьютерной техники. Возможно, участие в качестве субъектов киберпреступности.

Общество, с одной стороны, выдвигает цели обогащения, успеха, «красивой жизни», а, с другой стороны, не предоставляет доступных легальных возможностей достижения этих целей. Существует огромный разрыв между доходами богатых и сверхбогатых «новых русских» и подавляющим большинством бедных (включая «бюджетников» — инженеров, учителей, врачей, работников культуры).

Новыми тенденциями этих лет являются: вытеснение криминальных «крыш» в результате конкуренции милициейскими (полицейскими) «крышами»; политизация организованной преступности и криминализация политики, экономики, общества и государства.

Последний тезис, развиваемый нами с середины 1990-х гг., сегодня формулируется и более жестко: «Происходит громадный шаг вперед по пути криминализации государства... То есть государство начинает функционировать не как организм, в который проникли разные мафии, а как самая крупная мафия, которая хочет уничтожить мелкие, навести порядок и пополнить “общак”... Государство преобразуется в соответствии с суровыми законами

мафии»²⁷⁵. Об этом же в одном из своих выступлений образно сказал профессор В. С. Овчинский — один из крупнейших отечественных исследователей организованной преступности: «Организованная преступность есть форма социальной организации нашего общества».

Какова же возможная разумная реакция общества и государства на организованную преступность вообще и в России в частности? Прежде всего, требуется спокойное, объективное, не идеологизированное и не политизированное изучение отечественной, зарубежной, международной организованной преступности, ее генезиса, факторов, воздействующих на ее развитие. Иначе говоря, ее *демифологизация*.

Осознание того, что повышение уровня организованности преступности — *неизбежный* глобальный процесс, который не может быть «ликвидирован» или существенно ограничен уголовно-правовыми запретами и полицейскими мерами.

Понимание *социально-экономической* природы организованной преступности. Сокращение ее социальной базы и масштабов деятельности возможно лишь путем создания условий, когда «нелегальные» ныне потребности будут легализованы и удовлетворяться легальными средствами²⁷⁶, а легальный бизнес станет *выгоднее* нелегального. Уже сегодня, судя по сообщениям прессы, «экономическое чудо» Японии, повышение благосостояния ее населения, сокращение безработицы делают невыгодным участие в преступных организациях — якудзе. Когда налоговый пресс минимален и не «выдавливает» добросовестного предпринимателя в «тень» или в «криминал», а подросткам и молодежи будут предоставлены широкие реальные возможности легального удовлетворения своих витальных и социальных (престиж, статус, самоутверждение) потребностей.

Все большему числу профессионалов, включая юристов, становится понятна невозможность противостояния организованной преступности исключительно или преимущественно уголовно-правовыми средствами²⁷⁷.

²⁷⁵ Фурман Д. Преемник начал ревизию наследства. На смену мафиозному хаосу идет мафиозный порядок // Общая газета. 2000. 28 сент.— 4 окт. С. 7.

²⁷⁶ Гилинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302—311.

²⁷⁷ Бойцов Л. Н., Гонтарь И. Я. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: иллюзии, реальность и возможная альтернатива // Государство и право. 2000. № 11. С. 35—43.

Глава 8. ПРЕСТУПНОСТЬ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ»

Того, кто украл буханку
хлеба, сажают в тюрьму,
того, кто украл железную
дорогу, избирают в сенат.
Американская пословица

§ 1. Основные понятия

В мировой криминологии различают два типа преступности: обычную (*ordinary crime*), или «уличную» преступность (*street crime*) «опасного класса» (*dangerous class*), преступность «синих воротничков» и «респектабельную», или «беловоротничковую» (*white-collar crime*). К первому типу относятся, например, насильственная преступность, кражи, грабежи, разбои и т. п. Ко второму типу — экономическая преступность, должностные преступления, коррупционные преступления и т. п. «Цветной» критерий — *синие* и *белые* воротнички — возник благодаря тому, что служащие в США ходят обычно в белых рубашках, рабочие — преимущественно в синих комбинезонах.

Термин «преступления белых воротничков» (*white-collar crime*) был введен в научный оборот Э. Сатерлендом в 1939 году. Первоначально Э. Сатерленд понимал под «беловоротничковой» преступностью «преступления, совершенные лицами респектабельными и высокого социального статуса в связи с их должностным положением»²⁷⁸. Позднее этот термин распространился на преступления, совершенные по должности служащими любого ранга. Так, по определению Дж. Колемана, «беловоротничковая» («респектабельная») преступность есть «нарушение закона, совершенное лицом или группой лиц в процессе выполнения законной профессиональной деятельности или финансовой активности»²⁷⁹.

Преступность «белых воротничков» многолика и распространена во всех странах²⁸⁰. Она не укладывается в какой-либо один раздел российского Уголовного кодекса. К ней могут быть отнесены некоторые составы преступлений против личности (неоказание помощи больному — ст. 124 УК РФ, оставление в опасности — ст. 125 УК РФ), некоторые преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (глава 19 УК РФ), ряд эколо-

²⁷⁸ Sutherland E. White Collar Crime. NY, 1949. P. 9.

²⁷⁹ Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. NY, 1985. P. 5.

²⁸⁰ Шур Э. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. М., 1977 (глава 5 «Респектабельная» преступность, С. 219—261); Coleman J. Op. cit.; Complex White Collar Crime. Canberra, 1993.

гических преступлений (глава 26 УК РФ) и др. Большинство типичных «респектабельных» преступлений относятся к экономическим преступлениям, т. е. преступлениям в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) и должностным преступлениям, т. е. преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ).

При всех уголовно-правовых различиях этих преступлений их объединяет **субъект** — лицо, исполняющее свои служебные, должностные обязанности (служащий, чиновник, «белый воротничок»), а также совершение преступлений этим субъектом **в связи с исполнением служебных (должностных) обязанностей**. Поэтому уклонение гражданина от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ) не является «беловоротничковым» преступлением. Поэтому же чиновник, убивший из ревности жену или укравший бутылку коньяка в супермаркете, совершил тем самым обычное, так называемое уличное преступление (напомним, что в данном случае «уличное» определяет не место совершения преступления, а его тип — «*street crime*»).

Отметим некоторые криминологически значимые особенности рассматриваемого вида преступности.

Во-первых, «респектабельная» преступность включает три больших подгруппы — экономическую, должностную и политическую преступность. Каждая из них, в свою очередь, может быть индивидуальной и корпоративной (групповой) (схема 2).

С х е м а 2

Схема «беловоротничковой» («респектабельной») преступности

Во-вторых, «беловоротничковая» преступность нередко посягает на интересы неопределенного круга лиц (*анонимность жертвы*). Кто, например, конкретно страдает от фальсификации избирательных документов (ст. 142 УК РФ), незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ), загрязнения атмосферы (ст. 251 УК РФ), незаконного участия должностного лица в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ)? В конечном же счете потерпевшими оказываются все налогоплательщики.

В-третьих, по вышеуказанной причине (нет конкретного потерпевшего или он не знает о том, что подвергся преступным посягательствам), а также в силу селективности действий полиции и уголовной юстиции, образно сформулированной в эпиграфе к этой главе, «беловоротничковая» преступность характеризуется *очень высокой латентностью*.

Так, в 2006 г. в России были зарегистрированы: 2 случая монополистических действий и ограничения конкуренции (ст. 178 УК РФ), выявлено виновных лиц — 2; 0 случаев подкупа участников и организаторов спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ), выявлено виновных лиц — 0; 39 751 случай всех преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, выявлено виновных лиц — 16 381²⁸¹.

В 2010 г. были зарегистрированы: 13 случаев воспрепятствования законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ), выявлено виновных лиц — 10; 4 случая незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ), выявлено виновных лиц — 4; 9 случаев недопущения, ограничения или устранения конкуренции (ст. 178 УК РФ), выявлено виновных лиц — 5; 9 случаев фиктивного банкротства (ст. 197 УК РФ), выявлено виновных лиц — 3²⁸².

Не надо быть специалистом, чтобы оценить «полноту» учета такого рода преступлений. Конечно, есть и вполне «солидные» по регистрации преступления: например, в 2010 г. было зарегистрировано 3 849 случаев уклонения от уплаты налогов (ст. 199 УК РФ), выявлено виновных лиц — 3 318. Но и в этом случае вызывает большие сомнения полнота регистрации.

В-четвертых, «беловоротничковая» преступность (особенно экономические и коррупционные преступления) тесно связана с

²⁸¹ Преступность, криминология, криминологическая защита / под ред. А. И. Долговой. М., 2007. С. 342—356.

²⁸² Статистика МВД // Crimpravo.ru : Криминологи.рф : научная сеть. URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/> (дата обращения: 15.09.2015).

организованной преступностью. Частично это было показано при анализе организованной преступности, частично будет отмечено ниже при рассмотрении коррупционной деятельности.

В-пятых, при «незаметности» «беловоротничковой» преступности, ее крайне высокой латентности, анонимности ее жертв, она — во всех трех своих разновидностях — представляет *большую реальную опасность* для общества вообще, современного российского в особенности. Экономическая отсталость России, массовое недоверие населения ко всем ветвям власти, дискредитация органов власти, управления, правосудия, неисчислимые жертвы «белых воротничков» — безмерная цена, которую платит общество за «деятельность» (или бездеятельность) тех, кого оно и без того содержит... Для современной «беловоротничковой» преступности, также как для организованной, характерна глобализация, международный характер.

Вот обобщенный портрет «белых воротничков», как потенциальных субъектов преступлений, по мнению американских криминологов: «Ненадежность материального положения и жестокая нужда чужды их миру и их образу жизни. Двигатели их автомобилей заводятся по команде, их холодильники и винные погреба в изобилии заполнены всем, что они пожелают, дома просторны, удобны и безопасны, а дети хорошо одеты и накормлены. Эти люди привилегированны, и это дает им не только право выбора, но и свободное время для тщательного анализа всех возможностей, чтобы сделать этот выбор»²⁸³.

§ 2. Криминологический анализ «беловоротничковой» преступности

«Незаметность» «респектабельной» преступности, анонимность ее жертв, высокая латентность существенно затрудняют криминологический анализ. Поэтому мы вынуждены ограничиться рассмотрением лишь некоторых общих вопросов.

Экономическая преступность

Уголовно-правовому, криминологическому, экономическому, социологическому анализу экономической преступности посвящен ряд фундаментальных трудов²⁸⁴. Для характеристики состоя-

²⁸³ Криминология / под ред. Дж. Шели. 3-е междунар. изд. СПб., 2003. С. 345.

²⁸⁴ Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999 ; Егоршин В. М., Колесников В. В. Преступность в сфере экономической деятельности. СПб., 2000 ; Колесников В. В. Экономическая преступность и рыночные рефор-

ния и динамики экономической преступности в современной России воспользуемся обширными цитатами из официального источника — ежегодного статистического сборника «Преступность и правонарушения»²⁸⁵:

статистический сборник за 1991 г. — «Переход к новым экономическим отношениям сопровождается целым рядом преобразований, в содержание которых включаются и факторы криминогенного характера. Форсируемая приватизация государственного имущества в условиях психологической отчужденности трудящихся от собственности оказывает влияние на рост хищений, “бюрократического” вымогательства взяток со стороны представителей госпредприятий и учреждений» (М., 1992. С. 5);

1993 г. — «Продолжается процесс криминализации экономики. Недостаточная урегулированность вопросов собственности, плохой контроль за законностью происхождения капиталов, используемых в ходе приватизации, разбалансированность финансово-кредитной системы, высокая степень монополизации при относительной свободе ценообразования, инфляция, неразвитость системы налогообложения, операций с ценными бумагами и другие факторы не только осложнили экономическую ситуацию, но и стимулировали проявления экономической преступности. В 1993 г. в сфере экономики вскрыто 110,4 тыс. преступлений... Наиболее серьезные преступления все чаще фиксируются в сфере кредитно-банковских отношений... В 1992 г. по ним было возбуждено 617 уголовных дел, а в 1993 г. вскрыто уже 4,3 тыс. преступлений... Выявлено более 9 тыс. преступлений, связанных с незаконным экспортом стратегического сырья и материалов... Выявлено 27,6 тыс. преступлений, связанных с приватизацией, в основном с приватизационными чеками. Продолжается криминализация потребительского рынка» (М., 1994. С. 9—10);

1995 г. — «Наблюдается активный процесс криминализации экономики с одновременным усилением альянса экономической и общеуголовной преступности в наиболее опасных фор-

мы: политико-экономические аспекты. СПб., 1994 ; Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997 ; Его же: Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография. В 2 ч. М., 2015 ; Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М., 1988 ; Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Т. 2. С. 429—464 ; Gilinskiy Y. Economic Crime in Contemporary Russia // European Financial Service Law. 1998. Vol. 5, № 3—4. P. 60—65.

²⁸⁵ Преступность и правонарушения. 1991— .

мах... Основным содержанием криминальных процессов в экономике оставалось незаконное отчуждение государственной собственности в ходе приватизации и корыстные злоупотребления при управлении ею, а также противоправное перераспределение произведенного валового внутреннего продукта в пользу криминальных слоев, главными образом путем преступных махинаций в кредитно-финансовой и внешнеэкономической сферах, на валютно-денежном и потребительском рынках... В 1995 г. зарегистрировано 211,8 тыс. преступлений экономической направленности... Получила развитие тенденция “сползания” некоторых секторов экономики на незаконные принципы функционирования, что вело к сокращению легальной экономики при одновременном усилении ее теневой части» (М., 1996. С. 7—8);

1997 г. — «Опираясь на коррумпированные связи, преступные сообщества внедрились в наиболее доходные сферы коммерческой деятельности, продвигают своих ставленников в органы законодательной и исполнительной власти различного уровня, активно способствуя криминализации экономики. В текущем году выявлено около 219 тыс. преступных посягательств экономической направленности и должностных преступлений, причинивших прямой ущерб на сумму более 12 трлн рублей. В общей структуре экономических преступлений более 60 % составили преступления против собственности, каждое девятое — в финансово-кредитной системе, каждое двенадцатое совершено на потребительском рынке» (М., 1998. С. 8—9);

2000 г. — «В сфере экономической деятельности выявлено 51,6 тыс. преступлений (+67,4 %) [здесь и далее — по сравнению с 1999 г.]. На треть возросло количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 6,1 тыс. (+63,2 %)... В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере внешнеэкономической деятельности, где рост зарегистрированных преступлений превысил 69 %. Здесь выявлено 7,9 тыс. преступлений, причинивших материальный ущерб на сумму 4,1 млрд рублей... На 22,8 % увеличилось количество преступлений, связанных с приватизацией (3,4 тыс.). Причиненный ими материальный ущерб составил 1,7 млрд рублей... Существенно возросло (+84,9 %) в 2000 г. количество выявленных фактов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем, и составило 1 784» (М., 2001. С. 6—7);

2003 г. — «В сфере экономической деятельности выявлено 38,4 тыс. преступлений (-17,8 %) [по сравнению с 2002 г.]. Снизилось количество выявленных преступлений против интересов службы в коммерческих организациях и составило 6,0 тыс. (-13,6 %)... В наиболее острых формах процесс криминализации протекает в сфере финансово-кредитных отношений, где выявлено 68,7 тыс. преступлений, что составляет 18,2 % от всех преступлений экономической направленности... Размер причиненного материального ущерба по этим преступлениям составил 30,9 млрд рублей» (М., 2004. С. 7);

2005 г. — Обобщенные данные о преступлениях в сфере экономической деятельности отсутствуют.

С 2005 года обобщенная характеристика преступлений в сфере экономической деятельности в наиболее полных статистических сборниках МВД России отсутствует.

Приведенные данные свидетельствуют о нарастании криминальной ситуации в сфере экономической деятельности с начала 1990-х гг. прошлого столетия до начала текущего века, а затем снижение криминальной напряженности, сокращение некоторых видов *зарегистрированной* преступности. Причем статистические сборники 2005—2013 и последующих годов вообще умалчивают о рассматриваемых нами преступлениях.

Другие источники информации также свидетельствуют о сокращении числа зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности, особенно в 2004 г., о возрастании к 2006 г., однако показатель этого года ниже показателей 2002—2003 гг.²⁸⁶ Остается вопрос: отражают ли оптимистические оценки реальную тенденцию или же возрастает латентность и без того высоко латентной экономической преступности?

Удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) в общем объеме преступности составил: 1998 г. — 1,9 %, 1999 г. — 3,9 %, 2000 г. — 5,4 %, 2001 г. — 5,6 %, 2002 г. — 5,7 %, 2003 г. — 4,4 %, 2004 г. — 2,0 %, 2005 г. — 2,4 %, 2006 г. — 2,8 %. Таким образом, наблюдается тенденция возрастания доли экономических преступлений с 1998 г. до 2002 г. с последующим сокращением. Но при этом необходимо оговориться. Во-первых, данные различных источников отличаются друг от друга. Во-вторых, как уже отмечалось, «беловоротничковая» преступность очень латентна. В-третьих, именно глава 22 УК РФ подвергалась многочисленным измене-

²⁸⁶ Преступность, криминология, криминологическая защита. С. 346.

ниям со дня принятия УК РФ, что лишний раз свидетельствует о «конструировании» преступности и не может не влиять на ее количественные показатели и их сопоставимость.

Характеризовать *внутреннюю структуру* экономических преступлений сложно ввиду неоднократных изменений уголовного закона (криминализация одних и декриминализация других деяний). Можно отметить явное преобладание незаконного предпринимательства (1 367—8 538 зарегистрированных преступлений в течение 2000—2006 гг.), уклонения от уплаты налогов как физических лиц (1 464—6 789 зарегистрированных преступлений за те же годы), так и юридических лиц (2 042—16 527 зарегистрированных преступлений за те же годы), контрабанды (3 498—6 926 зарегистрированных преступлений за те же годы).

Должностные преступления

В юридическом быту *преступления по должности* именуются обычно *должностными преступлениями*. В действующем уголовном законе этот вид преступлений предусмотрен в главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». В главе 3 УК РСФСР 1926 г. они именовались «Должностные (служебные) преступления», а в главе 7 УК РСФСР 1960 г. — «Должностные преступления». Очевидно, именно последнее из названий в силу его лаконичности и кажущейся ясности вошло в правовой быт.

С нашей точки зрения, преступления по должности составляют разновидность преступности «белых воротничков», наряду с теми экономическими и политическими²⁸⁷ преступлениями, которые совершаются специальным субъектом и в связи с исполнением служебных (должностных) обязанностей.

Возможно есть смысл различать преступления по должности в узком смысле (глава 30 УК РФ) и в широком смысле, если они совершены соответствующим субъектом и связаны с осуществлением служебной деятельности: преступления против личности (ч. 2 ст. 109; п. «а» ч. 2 ст. 111; п. «б» ч. 2 ст. 112; ч. 2 ст. 114; п. «б» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 118; ч. 4 ст. 122; ст. 124); преступления против свободы, чести и достоинства личности (п. «в» ч. 2 ст. 127.2; ч. 2 ст. 128); многие преступления против конституции

²⁸⁷ Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). Казань, 2006.

онных прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 136; ч. 2 ст. 137; ч. 2 ст. 138; ч. 3 ст. 139; ст. 140; п. «б» ч. 2 ст. 141; ч. 2 ст. 144; п. «г» ч. 3 ст. 146; ст. 149); преступления против собственности (ч. 3 ст. 159); многие преступления в сфере экономической деятельности (п. «б» ч. 3 ст. 174; п. «б» ч. 3 ст. 174.1; ч. 3 ст. 175; п. «б» ч. 3 ст. 188); некоторые преступления против общественной безопасности (п. «в» ч. 2 ст. 221; п. «в» ч. 3 ст. 226) и против здоровья и общественной нравственности (п. «б» ч. 3 ст. 228.1; п. «в» ч. 2 ст. 229; ст. 233; ч. 2 ст. 237, в которой говорится о сокрытии информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, *«если они совершены лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления»*, т. е. это «в чистом виде» должностное преступление; п. «а» ч. 2 ст. 241); большинство экологических преступлений; некоторые преступления против основ государственного строя и безопасности, если они совершены должностными лицами (ст.ст. 275, 276, 283, 284); многие преступления против правосудия (ч. 3 ст. 294; ст.ст. 299—305, 315); некоторые преступления против порядка управления, если они совершены должностными лицами, представителями власти; некоторые преступления против военной службы (например, ст. 345). Ряд политических преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества может быть совершен преимущественно лицами, занимающими государственные должности (ст. 353; ч. 2 ст. 354; ст. 355; ст. 356; ст. 357; ст. 358).

Напомним, что речь идет о *криминологическом* понимании должностных преступлений, как 1) совершенных специальным субъектом и 2) в связи с выполнением им профессиональных (должностных) обязанностей (функций). Уголовный закон устанавливает, *кто* понимается под должностным лицом, лицами, занимающими государственные должности, представителем власти (Примечания к ст.ст. 285, 318 УК РФ).

При криминологическом анализе должностных преступлений следует иметь в виду их чрезвычайно высокую латентность. Лишь в незначительной, как нам кажется, степени об их латентности свидетельствуют данные одного из исследований²⁸⁸ (табл. 9).

²⁸⁸ Латентная преступность в Российской Федерации за 2001—2002 гг. ; Теоретические основы исследования ...

**Коэффициент латентности должностных преступлений
в Российской Федерации за 2001, 2002, 2009 гг.**

Год	Состав преступления							
	Злоупотребление должностными полномочиями	Превышение должностных полномочий	Присвоение полномочий должностного лица	Незаконное участие в предпринимательской деятельности	Получение взятки	Дача взятки	Служебный подлог	Халатность
2001	3,38	2,76	1,35	4,34	10,09	10,54	1,86	2,94
2002	3,39	2,71	1,34	4,36	10,13	10,68	1,86	2,92
2009	14,0	10,5	3,0	25,0	75,0	70,0	11,0	4,0

Динамика коэффициентов латентности с начала 2000-х гг. до 2009 г. говорит сама за себя. Даже в относительно благополучном обществе «никто не может серьезно отрицать наносимый ею [“беловоротничковой” преступностью] тяжелый материальный и финансовый урон, который просто несравним с ущербом от уличной преступности. В некоторых случаях мы сталкиваемся здесь с тысячами потерпевших, а убытки только от нескольких ставших широко известными публике преступлений могут превзойти общий годовой ущерб от уличной преступности»²⁸⁹. Не менее опасен нематериальный ущерб от «привилегированной» преступности. «В тех случаях, когда государственный чиновник использует свое положение для незаконного обогащения или когда полиция или прокуратура намеренно фабрикует улики, будет нанесен ущерб доверию общества к правительству, общественным институтам, лидерам и процессам... Буйно разросшаяся и очевидная для всех «беловоротничковая» преступность разъедает общественную мораль и

²⁸⁹ Криминология / под ред. Дж. Шели. С. 348.

приверженность общественным интересам... Доверие к экономическим институтам также может быть разрушено»²⁹⁰.

*Общая криминологическая характеристика
преступлений по должности в современной России*

Рассмотрим, прежде всего, динамику преступлений, отнесенных действующим УК РФ к «Преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Сведения, представленные в таблице 10 (за 1987—1996 гг. и 1999—2010 гг.)²⁹¹, позволяют сделать ряд выводов. Наблюдается в целом значительный рост зарегистрированных преступлений с 1988 г. по 2006 г.: злоупотребление должностными полномочиями — в 2,4 раза; превышение должностных полномочий — в 19,5 раза; получение взятки — в 6,5 раза; служебный подлог — в 1,4 раза (а с 1989 г. по 2006 г. — в 2,4 раза).

Лишь халатность характеризуется существенным... снижением (в 6,2 раза!). Это тот случай, когда смело можно сказать: «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Действительно, халатность, даже «причинившая крупный ущерб», — одно из наиболее распространенных в действительности должностных преступлений. Однако латентность халатности очень велика, чем, очевидно, и объясняется такая странная динамика. Кроме того, конечно же сыграло роль и изменение диспозиции ст. 293 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». С 2008 года фиксируется рост этих преступлений.

Совершенно недействующим оказался состав преступления, предусмотренный ст. 287 УК РФ: 0 зарегистрированных преступлений за 11 лет и 2 — в 2009 г. свидетельствует лишний раз о непродуманной криминализации таких деяний, которые могут быть предусмотрены административным или гражданско-правовым законодательством. Аналогичные выводы можно сделать относительно деяний, предусмотренных ст.ст. 288 и 289 УК РФ: крими-

²⁹⁰ Там же. С. 349, 350.

²⁹¹ Источники статистических сведений: Преступность, статистика, закон. М., 1997. С. 202 ; Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 542—543 ; Преступность, криминология, криминологическая защита. С. 355—356 ; Статистика МВД // Crimpravo.ru : Криминологи.рф : научная сеть. URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic> (дата обращения: 15.09.2015).

нализация ради 13—67 зарегистрированных преступлений в год на всей территории России — непозволительная роскошь. Существенно растет число зарегистрированного служебного подлога (с 4 144 — в 1993 г. до 19 377 — в 2009 г.). Наблюдается лишь незначительная тенденция роста получения взятки.

Удельный вес должностных преступлений (глава 30 УК РФ) в общем объеме преступности составил: 1987 г. — 1,9 %, 1988 г. — 1,5 %, 1989 г. — 1,0 %, 1990 г. — 0,9 %, 1991 г. — 0,7 %, 1992 г. — 0,6 %, 1993 г. — 0,6 %, 1994 г. — 0,7 %, 1995 г. — 0,6 %, 1996 г. — 0,7 %, 1997 г. — 0,7 %, 1998 г. — 0,7 %, 1999 г. — 0,7 %, 2000 г. — 0,8 %, 2001 г. — 0,9 %, 2002 г. — 1,1 %, 2003 г. — 1,0 %, 2004 г. — 1,2 %, 2005 г. — 1,1 %, 2006 г. — 1,0 %. Мы видим значимое снижение доли должностных преступлений с 1987 г. до 1992 г. с последующей стабилизацией этого показателя и возрастанием с 2000 г.

Внутренняя структура должностных преступлений выглядит следующим образом: злоупотребление властью или служебным положением — 15—17 %; превышение власти или служебных полномочий — от 2,5 % до 13,5 %; халатность — от 12 % до 41 %; получение взятки — от 5—8 % до 18,5 %; должностной подлог — 22—29 %. Думается, что значительный рост удельного веса превышения власти или служебных полномочий и получения взятки при существенном сокращении доли халатности отражает скорее правоприменительную практику, нежели реальное изменение структуры должностных преступлений.

Коррупция

Имеется множество определений коррупции. Возможно, наиболее краткое (и точное) из них предложил Joseph Senturia: «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды»²⁹². (Впрочем, древние римляне говорили еще короче: «*Do ut facies*» — «Даю, чтобы сделал»). Более полное определение содержится в документах 34-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979): «Выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

²⁹² Wewer G. Politische Korruption // Politic-Lexicon. München ; Wein. 1994. S. 481.

Т а б л и ц а 10

Должностные преступления в России с 1987 по 2010 гг.

Годы	Всего	В том числе							
		Злоупотребление должностными полномочиями	Превышение должностных полномочий	Халатность	Получение взятки	Служебный подлог	Присвоение полномочий должностного лица	Отказ в предоставлении информации	Незаконное участие в предпринимательской деятель- ности
1987	23 349	3 753	666	9 710	2 040	5 064	—	—	—
1988	18 642	2 801	470	7 909	998	7 978	—	—	—
1989	16 785	2 436	570	6 865	1 033	4 719	—	—	—
1990	17 075	2 505	899	5 979	1 400	5 001	—	—	—
1991	15 448	2 451	1 114	4 631	1 414	4 715	—	—	—
1992	15 707	2 662	1 297	4 126	1 960	4 285	—	—	—
1993	16 677	2 794	1 675	3 549	2 686	4 144	—	—	—
1994	19 021	3 240	2 182	3 649	2 960	5 022	—	—	—
1995	16 733	2 528	2 279	2 752	2 920	4 273	—	—	—
1996	17 393	2 717	2 310	2 050	3 223	4 856	—	—	—
1999	22 908	4 176	3 001	2 139	4 211	6 701	30	—	38
2000	25 272	4 797	3 384	2 368	4 281	7 612	21	—	43
2001	26 463	4 133	3 695	2 199	4 797	8 145	31	—	351
2002	27 381	3 816	5 414	2 581	4 553	8 224	17	—	18
2003	28 580	4 400	6 189	2 250	4 425	8 315	13	—	67
2004	33 810	5 033	7 911	1 233	5 273	10 599	18	—	44
2005	37 621	6 941	8 939	1 044	5 720	10 722	16	—	13
2006	39 751	6 634	9 185	1 274	6 546	11 343	22	—	49
2007		5 852	6 736	1 210	6 788	13 386	3	—	44
2008		6 055	5 804	1 304	7 131	17 475	58	—	42
2009		6 103	5 541	1 551	7 856	19 377	106	2	29
2010		4 687	4 795	1 818	7 747	16 917	16	—	19

Существует множество *форм* (проявлений) коррупции: взяточничество, фаворитизм, nepотизм (кумовство), протекционизм, лоббизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконная поддержка и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый русский «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам: товарам, услугам, источникам дохода, привилегиям)²⁹³ и др. Исчерпывающий перечень коррупционных видов деятельности невозможен.

Важно понимание *социальной природы* (сущности) коррупции. Это позволит избежать излишней политизации, «юридизации» и в конечном счете мифологизации проблемы. Коррупция — социальный феномен, порождение общества и общественных отношений. Социальный феномен продажности возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений. Тот или иной вид продажности, осознаваемый как проблема, представляет собой социальную конструкцию: общество определяет, что именно, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями (санкциями) рассматривается как коррупция, проституция и т. д. Процесс социального конструирования коррупции включает: наличие множества фактов продажности (взяточничества) различных государственных служащих и должностных лиц; осознание этих фактов как социальной проблемы; криминализацию некоторых форм коррупционной деятельности; реакцию политиков, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию и т. д.

В современном обществе, включая российское, коррупция — *социальный институт, элемент системы управления*, тесно взаимосвязанный с другими социальными институтами — политическими, экономическими, культурологическими. Об институционализации коррупции свидетельствуют: выполнение ею ряда *социальных функций* — упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров и др.²⁹⁴; наличие вполне определенных *субъектов* коррупционных взаимоотношений (патрон —

²⁹³ Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 111—124.

²⁹⁴ Left N. Economic Development through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964. VIII ; Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972.

клиент); распределение *социальных ролей* (взяточдатель, взяточполучатель, посредник); наличие определенных *«правил игры»*, *норм*, известных субъектам коррупционных действий; сложившиеся *сленг* и *символика* коррупционных действий; установившаяся и известная заинтересованным лицам *такса* услуг.

Так, еще в 1996 году газетой «Стрела» была опубликована такса поборов работниками ГАИ; в Санкт-Петербургской ежемесячной газете «Ваш тайный советник» в 2000 году публиковались размеры взяток за поступление в престижные вузы города. А вот примерная такса «услуг» правоохранительных органов на начало XXI века: недопущение возбуждения уголовного дела — 1 тыс.—10 тыс. дол.; изменение меры пресечения на не связанную с лишением свободы — 20 тыс.—25 тыс. дол.; смягчение меры наказания — 5 тыс.—15 тыс. дол.; нереагирование на таможенные нарушения — 10 тыс.—20 тыс. дол. или 20—25 % от суммы таможенных сборов²⁹⁵. И более свежие таксы: невозбуждение уголовного дела — 10 тыс.—25 тыс. дол.; возбуждение уголовного дела — 200 тыс.—1 млн дол.; мягкий приговор — 50 тыс.—500 тыс. дол.²⁹⁶ Почувствуйте разницу! Конечно, инфляция... Публикуются прейскуранты цен на армейские «услуги» (от 500 р. за предоставление увольнительной на сутки военнослужащему срочной службы до 10 тыс.—15 тыс. дол. за признание негодным к военной службе или получение военного билета без службы в армии. Представление к ордену Мужества стоит 3 тыс.—5 тыс. дол.)²⁹⁷.

Сравнительные ставки взяток за 1985—2005 гг. и 2001—2005 гг. представлены в газетах «Комсомольская правда» от 7—14 июля 2005 г. и «Новая Газета» от 1—3 августа 2005 г. «Новая Газета» опубликовала в декабре 2002 г. (№ 93) сведения о брошюре депутата Государственной Думы профессора Г. Костина, в которой были перечислены расценки на все основные высшие должности в органах государственной власти. Например, должность председателя департамента Верховного Суда Российской Федерации стоит 400 тыс. дол., заместителя председателя Московского арбитражного суда — 1,3 млн дол., заместителя министра энергетики — 10 млн дол. и т. д. Газета ожидала реакции властей: опровержения, обвинения Г. Костина в клевете или же расследования в отношении должностных лиц. Однако *никакой* реакции не последовало. Что это: молчание — знак

²⁹⁵ Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества : сборник / под ред. М. Б. Горного. СПб., 2000. С. 62—63.

²⁹⁶ Светова З. Коррупция во спасение // The New Times. 2011. 14 февр. С. 18—19.

²⁹⁷ Новая Газета. 2006. 31 авг.—3 сент. С. 3.

согласия? Но такса растет. Так, к 2011 году возможность попасть на прием стоит: к вице-премьеру правительства Российской Федерации — 150 тыс.—300 тыс. дол., к главе силового ведомства — 250 тыс. дол., к федеральному министру — от 30 тыс. дол.²⁹⁸

Институционализация коррупции в развитых странах Запада рассмотрена В. Рейсменом еще в 1979 году (русский перевод 1988 г.²⁹⁹). В отечественной литературе этому вопросу посвящена, прежде всего, книга Л. Тимофеева³⁰⁰, а также диссертационное исследование И. Кузнецова³⁰¹. Экономические, социальные, политические последствия коррупции хорошо известны и не нуждаются в комментариях. Коррупция существует во всех современных государствах. Другой вопрос — ее масштабы.

История коррупции и взяточничества в России отражена в ряде монографий³⁰². Нам остается напомнить, что первым легальным проявлением коррупции явилось «кормление» — древнерусский институт направления князем своих воевод, наместников в провинцию без денежного вознаграждения с тем, чтобы они «кормились» (содержались) населением соответствующей территории. «Кормление» было официально отменено в 1556 году, но традиция жить и богатеть за счет подданных сохранилась. Позднее стали различать *мздоимство* — выполнение услуг за взятку без нарушения действующего законодательства и *лихоимство* — получение взятки за совершение действий, нарушающих закон. Впервые уголовная ответственность за получение взятки судьями была установлена Судебником 1497 года. К XVI веку относят появление *вымогательства*. В XVIII веке коррупция приобретает в России массовый, тотальный характер. Петр I был в ужасе от масштабов взяточничества и пытался бороться с ним привычными репрессивными мерами вплоть до смертной казни (Указы 23 августа 1713 г., 24 декабря 1714 г., 5 февраля 1724 г.), но тщетно.

Спустя два столетия советская власть применяет те же меры и столь же безрезультатно. К 70-м г. XX столетия лидеры Советского государства и КПСС, советская бюрократия были полностью коррумпированы.

²⁹⁸ Барабанов И. Доступ к уху // The New Times. 2011. 14 февр. С. 12—13.

²⁹⁹ Рейсмен В. М. Скрытая ложь : Взятки: «крестовые походы» и реформы. М., 1988.

³⁰⁰ Тимофеев Л. Институциональная коррупция : Очерки теории. М., 2000.

³⁰¹ Кузнецов И. Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование : дис. ... канд. социолог. наук. СПб., 2000.

³⁰² Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Нижнекамск, 1995 ; Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997.

Каково современное состояние проблемы в России?

По данным международной организации *Transparency International*, Россия входит в число наиболее коррумпированных стран мира. Индекс восприятия коррупции до 2011 г. исчислялся от 1 балла (максимально коррумпированное государство) до 10 баллов (отсутствие коррупции, что в принципе невозможно).

Так, в 2002 г. с индексом 2,7 Россия входила в число таких стран, как Кот-д'Ивуар, Гондурас, Индия, Танзания, Зимбабве. Минимальная коррупция была зафиксирована в Финляндии (9,7 баллов), Дании и Новой Зеландии (по 9,5 баллов); максимальная — в Бангладеш (1,2 балла). В 2006 г. Россия с баллом 2,5 входила в группу стран: Бенин, Гамбия, Гайана, Гондурас, Непал, Филиппины, Руанда, Свазиленд (наименее коррумпированные страны — Финляндия, Исландия, Новая Зеландия — имели балл 9,6; наиболее коррумпированная Гаити — 1,8 балла). В 2007 г. степень коррумпированности России увеличилась и с баллом 2,3 она вошла в группу стран: Гамбия, Индонезия, Того (наименее коррумпированы Дания, Финляндия, Новая Зеландия — с баллом 9,4; наиболее коррумпированы Мьянма, Сомали — с баллом 1,4). К 2008 г. индекс восприятия коррупции снижается в России до 2,1 балла (т. е. коррупция еще возрастает), она входит в группу стран: Сирия, Бангладеш, Кения (минимальная коррупция в Дании, Швеции, Новой Зеландии — индекс 9,3; максимальная — в Сомали — индекс 1,0). В 2009 г. индекс коррупции в России — 2,2, но в 2010 г. вновь индекс 2,1 наряду с Центрально-Африканской Республикой, Камбоджой, Папуа-Новая Гвинея, Кенией, Лаосом и Таджикистаном (наименее коррумпированы Дания, Сингапур, Новая Зеландия — 9,3 балла). В связи с изменением системы рейтингов Россия с 28 баллами заняла в 2012 г. 133 место, а в 2013 г. — 127 место наряду с Азербайджаном, Гамбией, Ливаном, Мадагаскаром, Мали, Никарагуа, Пакистаном и Коморскими островами. В 2014 г. с 27 баллами — 119 место наряду с Киргизией, Ираном, Камеруном. А в 2015 г. с 29 баллами — 119 место наряду с Азербайджаном и Сьеррой-Леоне. Наименее коррумпированные страны в 2015 г. — Дания (91 балл), Финляндия (90 баллов) и Швеция (89 баллов), наиболее коррумпированные — КНДР и Сомали (8 баллов). Ежегодный ущерб от коррупции в России оценивался экспертами в 20—25 млрд дол., экспорт капитала за границу составляет 15—20 млрд дол. в год, а всего за 1988—1999 гг. — 300—350 млрд дол.³⁰³

О масштабах и всевластии коррупции, помимо бесчисленных фактов, свидетельствует формирование в России *коррупционных сетей*, хорошо изученных Фондом ИНДЕМ (руководитель —

³⁰³ Коррупция и борьба с ней ... С. 18—21, 72—73.

Г. А. Сатаров³⁰⁴). Позволим себе длинную цитату: «От единичных разрозненных сделок коррупционеры переходят к организованным и скоординированным действиям, объединяясь в преступные сообщества, образующие коррупционные сети... В последние годы наметился переход коррупции на более высокий уровень, когда именно коррупционные сети и являются основой и наиболее сильным инструментом коррупционных сделок. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления... а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и структурами. Эти взаимосвязи и взаимозависимости направлены на систематическое совершение коррупционных сделок, как правило, с целью личного обогащения, распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную сеть, повышения прибылей, их максимизации, или получения конкурентных преимуществ финансово-кредитными и коммерческими структурами, входящими в коррупционную сеть»³⁰⁵. В состав коррупционных сетей входят: группы государственных чиновников, обеспечивающих соответствующие решения; коммерческие и финансовые структуры, реализующие получаемые выгоды, льготы, доходы; силовое прикрытие («крыша») со стороны представителей органов МВД, ФСБ, прокуратуры, налоговой полиции и иных «силовиков». «Руководителями коррупционных сетей часто являются самые высокопоставленные российские чиновники и политики»³⁰⁶.

И еще одна цитата: «Крупнейшая коррупционная сеть сформировалась в системе силовых органов, включая ФСБ, МВД и Государственный таможенный комитет. Это, по-видимому, и наиболее развитая коррупционная сеть... На высшем уровне разрабатываются схемы проведения крупных операций, для чего проводятся совместные совещания, причем как полулегальные, так и нелегальные... Все российские министерства и ведомства поражены коррупцией. Крупнейшие коррупционные сети выстроены вокруг Министерства финансов Российской Федерации, Министерства экономики Российской Федерации, Мингосимущества Российской Федерации... Очень сильно коррумпированы суды, в которых можно за взятку получить любое желательное решение или не допустить нежелательного решения»³⁰⁷.

³⁰⁴ Сатаров Г. А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ. М., 2002.

³⁰⁵ Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / под ред. А. Ю. Сунгунова. СПб., 2000. С. 72.

³⁰⁶ Там же. С. 72.

³⁰⁷ Там же. С. 76—78.

Коррупция, с нашей точки зрения, является в современной России проблемой № 1. *В условиях тотальной коррумпированности всех ветвей власти на всех уровнях принципиально невозможно решить ни одной социальной, экономической, политической проблемы. Ибо все сводится к вопросу: кому и сколько надо заплатить?*

Официальные статистические сведения о зарегистрированных случаях взяточничества представлены в таблице 11. Относительный рост регистрируемых преступлений с 1992 года не дает представлений об истинных масштабах взяточничества как разновидности коррупционной деятельности. Кроме того, даже из минимума зарегистрированных деяний выявляется лишь половина виновных лиц, а реально осуждается половина выявленных.

Некоторые социально-демографические характеристики лиц, виновных в получении и даче взятки, представлены в таблице 12. Надо полагать, что рабочие, лица без постоянного источника дохода (доля которых постоянно возрастает!), а также учащиеся — *взяткодатели*, и тогда доля *взяткополучателей* — становится все меньше...

В статье В. Лунеева³⁰⁸ анализируется, в частности, *география* коррупционной преступности (взяточничество, присвоение и растрата). Но приводимые данные лишний раз свидетельствуют о высокой латентности и «избирательности» учета. Достаточно сказать, что самые низкие коэффициенты коррупционной преступности... в Москве — 11,8 и Санкт-Петербурге — 11,2, тогда как в республике Коми — 78,7, в Костромской области — 70,9, в Курской области — 68,1 и т. д.

Каковы причины массовой коррупции в России? Основными из них являются: давняя российская традиция; не случайно, массовая коррупционная практика породила пословицы типа: «Не подмажешь, не поедешь», «Сухая ложка рот дерет», «Ты — мне, я — тебе», «Руки для того, чтобы брать» и т. п.; бывшая советская коррумпированная «номенклатура» в значительной степени сохранила или восстановила свои позиции в «новой» системе власти; номенклатурная приватизация послужила экономической основой коррупции; организованная преступность успешно использует взятки, подкуп, обеспечивая свою безопасность; со времен СССР коррумпированными оказались и высшие эшелоны власти; ясно, что среднее и нижнее звенья чиновничества «с чистой совестью» следуют их примеру (как гласит русская пословица, «рыба гниет с головы»).

³⁰⁸ Лунеев В. В. География организованной преступности и коррупции в России (1997—1999) // Государство и право. 2000. № 11. С. 23—34.

**Количество и уровень зарегистрированного взяточничества,
выявленных и осужденных лиц в России (1986—2013 гг.)**

Год	Зарегистрированные преступления	Уровень (на 100 тыс. населения в возрасте от 16 лет)	Выявлено лиц	Осуждено
1986	6 562	5,9		
1987	4 155	3,8	2 836	2 008
1988	2 462	2,2	1 994	812
1989	2 195	2,0	1 306	451
1990	2 691	2,4	1 510	649
1991	2 534	2,3	1 266	612
1992	3 331	2,9	1 537	686
1993	4 497	3,9	2 279	843
1994	4 921	4,3	2 727	1 114
1995	4 889	4,3	2 342	1 071
1996	5 453	4,8	2 692	1 243
1997	5 608	4,9	2 320	1 381
1998	5 804	5,0	2 803	1 314
1999	6 871	5,9	2 921	1 515
2000	7 047	6,0	3 481	1 529
2001	7 909	6,8	3 696	2 084
2002	7 311	6,2	3 796	2 035
2003	7 346	6,3	3 039	2 232
2004	8 928	7,5	4 609	2 930
2005	9 821	8,2	5 109	3 609
2006	11 063	9,3	5 619	4 229
2007	11 616	9,7	6 046	4 869
2008				
2009	13 141	11,0	6 834	5 458
2010	12 012	10,1	6 145	5 392
2011	10 952	9,2	5 714	4 666
2012	9 758	8,2	4 358	3 598
2013	11 521	9,7	6 624	4 934

Возможно ли противодействие коррупции, ограничение ее масштабов? Очевидно, да. Но для этого нужны понимание социальной сущности коррупции, избавление от иллюзий относительно «искоренения», да еще уголовно-правовыми средствами. К числу иных можно отнести: максимальное ограничение полномочия чиновников, сведение их функций к формально-регистрационным; максимальное ограничение прав бюрократии по «регуливанию» экономики, образования, здравоохранения, науки, культуры и т. п.; резкое сокращение

бюрократического аппарата на всех уровнях; усиление независимости бизнеса и личности; обеспечение реальной независимости и престижа суда (судей); формирование гражданского общества, обеспечивающего контроль за деятельностью чиновников; существенное повышение оплаты труда чиновников (государственных служащих) при одновременном повышении их ответственности; обеспечение «прозрачности» их деятельности; наличие реальной (а не демонстративно показной) политической воли по сокращению коррупции и др. Наконец, имплементация ст. 20 («Незаконное обогащение») Конвенции ООН против коррупции 2003 г., предполагающей возможность конфискации имущества чиновников, в случае когда *значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышает его законные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать* (принцип *in rem*).

Политическая преступность

Это сложное для научного, в том числе криминологического, исследования явление, поскольку речь идет не только об анализе действующего законодательства о государственных преступлениях (глава 29 УК РФ), о преступлениях против мира и безопасности человечества (глава 34 УК РФ) и соответствующей правоприменительной практике, но и о преступлениях, которые не признаются таковыми самими режимами³⁰⁹.

Большинство исследователей политической преступности различают преступления *населения против государства* и преступления *самой власти по отношению к народу*³¹⁰. С одной стороны, — «совокупность уголовно-наказуемых деяний, избираемых в качестве средств достижения целей политического характера»³¹¹. С другой стороны, — «некриминализованный преступность властей против своего народа»³¹².

³⁰⁹ Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999 ; Кабанов П. А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение ; Его же. Основы политической криминологии // Преступность среди социальных подсистем / под ред. Д. Шестакова. СПб., 2003. С. 80—116 ; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб., 2002 ; Лунеев В. В. Преступность XX века ... С. 345—396, 661—704 ; Шнайдер Г. Й. Криминология. С. 433—448.

³¹⁰ Шестаков Д. А. Криминология. С. 375—401 ; Щедрин Н. В., Кылина О. М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск, 2006 ; White R., Habibis D. Op. cit. P. 162—184.

³¹¹ Горшенков Г. Н. Политическая преступность // Криминология : Словарь. СПб., 1999. С. 125.

³¹² Лунеев В. В. Преступность XX века ... С. 168.

Т а б л и ц а 12

Социально-демографическая структура лиц (в %), обвиняемых во взяточничестве с 1987 по 2013 гг.

	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2004	2005	2006	2007	2009	2011	2013
Пол:																
мужской	58,7	59,7	66,3	75,2	77,5	73,7	70,1	73,4	74,7	77,2	77,8	78,3	79,5	82,6	82,6	85,5
женский	41,3	40,3	33,7	24,8	22,5	26,3	29,9	26,6	25,3	22,8	22,2	21,7	20,5	17,4	17,4	14,5
Возраст:																
16—17	0,3	0,1	0,2	0,3	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
18—29	17,8	20,5	19,6	27,2	29,8	27,1	9,0	26,2	26,0	26,4	26,3	26,6	26,6	26,0	26,6	26,9
30 и старше	81,9	79,4	80,2	72,2	70,2	72,9	91,0	72,9	73,9	73,4	73,3	73,3	72,8	72,4	72,9	73,1
Социальный статус:																
рабочие	33,2	37,7	34,0	16,4	19,3	13,7	13,2	16,8	20,9	20,3	20,9	21,5	23,0	25,3	21,1	20,7
служащие	58,3	51,2	53,9	43,9	50,9	46,3	50,7	43,2	39,8	39,4	36,9	35,9	34,6	36,7	39,0	36,4
работники с/х	1,7	1,8	0,6	1,5	0,2	0,6	0,5	0,6	0,5	0,5	0,3	0,4	0,4	0,3	0,7	0,7
учащиеся	0,7	0,6	0,7	2,2	0,5	1,7	1,3	4,0	2,0	3,6	2,5	3,1	2,5	2,6	1,6	2,7
без постоянного источника доходов	1,7	3,1	3,9	6,8	12,6	14,2	9,9	15,1	15,7	19,1	21,8	22,2	21,6	25,3	28,8	30,5

* Примечание. С 1995 г. не учитывается в связи с незначительными показателями.

Более того, преследование политической преступности в первом (уголовно-правовом) случае само может быть преступным, например, борьба преступного режима против политических оппонентов (реальных или же мнимых) — практика гитлеровского и сталинского режимов. Поэтому, в частности, было бы неверно обращаться к анализу текущей практики. Обычно лишь *post factum* реформированное государство или международные органы в состоянии дать более или менее объективную, более или менее непредвзятую оценку действиям режима и его оппонентов (например, Нюрнбергский процесс над немецко-фашистскими преступниками, ситуация с Пиночетом, Полем Потом и др.).

И борьба индивидов против государства (режима), и борьба режима (монархического, фашистского, советского) против оппозиции могут рассматриваться как «политическая преступность»: в первом случае с точки зрения действующего уголовного права (*de lege lata*), во втором — с позиции мирового сообщества, общечеловеческой нравственности, международных правовых актов. Каждый раз возникает проблема «точки отсчета». Если руководство гитлеровской Германии было признано преступным в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, то аналогичная практика сталинского режима осталась без юридической оценки. Только в наступившем XXI столетии мировое сообщество и национальные правительства и суды возвращаются к правовой оценке преступлений диктаторов прошлого века: Пиночета в Чили, Фухимори в Перу, Пола Пота в Камбодже³¹³. Исследование власти как объекта и субъекта преступных посягательств позволяет утверждать: «Власть обладает всеми признаками, позволяющими считать ее объектом особой охраны и источником повышенной опасности... Власть, которая игнорирует импульсы и потребности общества, которая переключилась на самообслуживание, которая дает неверные управленческие сигналы и ориентиры, — это источник повышенной опасности»³¹⁴.

Среди преступлений *против государства* наибольшую опасность в современном мире представляет *терроризм*. Его уголовно-правовая характеристика представлена, например, в работах

³¹³ Обзор см.: Ворожейкина Т. Картина мира. Без срока давности // The New Times. 2007. 3 дек. С. 42—47.

³¹⁴ Щедрин Н. В., Кылина О. М. Указ. соч. С. 40.

В. Емельянова, С. Дикаева, В. Комиссарова, Г. Овчинниковой³¹⁵. Криминологический анализ был дан выше (глава 6 Пособия).

О *преступлениях государств* (режимов) против собственных и чужих народов имеется необозримая литература. Конечно, наиболее одиозными примерами XX столетия служат фашистские Германия, Испания и Италия, советское государство, режим Пола Пота. Но сколько еще было режимов «хунт», «черных полковников», «военщины». Все они в большей или меньшей степени исследовались и описывались политологами, историками, журналистами. Неизмеримо беднее криминологический анализ таких режимов. Это неудивительно в силу некриминализованности их деяний в национальных уголовных законах. Но даже при наличии формальных уголовно-правовых запретов, последние не реализуются, ибо правоприменительная практика полностью подчинена власти в тоталитарных государствах.

Т а б л и ц а 13

**Количество зарегистрированных
преступлений экстремистской направленности
и выявленных лиц (2009—2015 гг.)**

Год	Зарегистрировано преступлений	Выявлено лиц
2009	548	428
2010	656	532
2011	622	480
2012	696	527
2013	896	674
2014	1 024	833
2015	1 308	912

Более подробный криминологический анализ преступлений против государства затруднен за отсутствием или минимальным количеством зарегистрированных преступлений, предусмотренных главами 29 и 34 УК РФ. Исключение представляют терроризм, рассмотренный в главе 6 Пособия, и преступления экстремистского характера (ст.ст. 282, 282.1, 282.2, 283.3 УК РФ). Их

³¹⁵ Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006 ; Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб., 2002 ; Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М., 1997 ; Овчинникова Г. В. Указ. соч.

динамика за последние годы представлена в таблице 13³¹⁶. Тенденция к возрастанию (более чем в два раза за шесть лет) в значительной степени объясняется возможностью расширительного толкования соответствующих составов преступлений правоприменителями.

Глава 9. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Следует отказаться
от надежд, связанных
с иллюзией контроля.
Н. Луман

§ 1. Определимся с понятиями

Современный мир постмодерна, помимо прочего, характеризуется ростом разнообразия проявлений девиантности — типов поведения, нарушающего нормы, установленные государством (право) или выработанные обществом (мораль). Сбывается «прогноз» П. Хиггинса и Р. Батлера: «Феномен девиации — интегральное будущее общества»³¹⁷. Происходит размывание границ между «девиантным» и «нормальным» поведением³¹⁸. Одновременно наблюдается «кризис наказания» — неэффективность традиционных форм социального контроля над преступным (вообще девиантным) поведением. В этих условиях все большее значение приобретает выработка стратегии и тактики *социального контроля* над преступностью.

Под *социальным контролем* в самом широком смысле понимается *механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего — девиантного поведения*³¹⁹.

³¹⁶ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации : сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 28.06.2016).

³¹⁷ Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. 1982.

³¹⁸ Гольберт В. Нормально или девиантно различать между нормой и девиацией? // Конструирование девиантности / под ред. Я. Гилинского. СПб., 2011. С. 35—54 ; Его же: Девиантнормализация в контексте потребительской культуры // Девиантность в обществе потребления / под ред. Я. Гилинского, Т. Шипуновой. СПб., 2012. С. 81—100.

³¹⁹ Гилинский Я. Девиантология ... С. 506—521.

Возможно, что стремление к порядку является врожденным у человека. Во всяком случае, все научные, философские, религиозные построения направлены на раскрытие закономерностей (порядка) Мира или привнесение Порядка в Хаос Бытия. В широком, общенаучном смысле порядок есть определенность, закономерность расположения элементов системы и их взаимодействия друг с другом. Применительно к обществу под порядком понимается определенность, закономерность структурирования общества и взаимодействия его элементов (сообществ, классов, групп, институтов). Проблема порядка и социального контроля обсуждалась всеми теоретиками социологии от О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма до П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Лумана и др.

Эпоха Просвещения и XIX век были пронизаны верой и надеждой по поводу возможности успешного социального контроля и «порядка». Надо только прислушаться к советам просветителей, мнению ученых и немножко потрудиться над приведением реальности в соответствие с Разумом...

Правда, до сих пор остаются несколько вопросов: что такое «порядок»? существуют ли объективные критерии его оценки? Для естественных наук — это, вероятно, уровень энтропии системы — ее (энтропии) уменьшение или не увеличение. А для социальных систем? Может быть, нам сможет помочь в ответе на этот вопрос синергетика? «Порядок» для кого? В чьих интересах? С чьей точки зрения? Возможно ли общество без «беспорядка»? Очевидно, нет. Организация и дезорганизация, «порядок» и «беспорядок» (хаос), «норма» и «девиации» — дополнители (в боровском смысле). Напомним, что девиации — необходимый механизм изменений, развития. Как, какими средствами, какой ценой поддерживается «порядок» («новый порядок» А. Гитлера, гулаговский «порядок» И. Сталина, наведение «порядка» Америкой во Вьетнаме, Ираке, СССР — в Венгрии, Чехословакии)?

Социальная практика XX века с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, Холокостом, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т. п. разрушила иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля. Сумма преступлений, совершенных государствами — «столпами порядка», стократ превысила преступления одиночек.

А в эпоху современного постмодерна сложилась ситуация, которую З. Бауман сформулировал 21 апреля 2011 г. в своем выступлении перед студентами МГУ так: «Мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован...». Неудивительно, что постмодернизм в социологии и криминологии конца XX века, начиная с Ж. Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями, выраженному категорически и лаконично Н. Луманом в словах, избранных эпиграфом к этой главе. И хотя вероятно, что реалистически-скептический постмодернизм — как реакция на иллюзии прекрасногодушного Просвещения — является столь же односторонним, сколь само Просвещение, однако некоторые соображения общенаучного характера (в частности, закон возрастания энтропии в системе) склоняют нас на сторону постмодернизма. Во всяком случае «победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»³²⁰. Все это, конечно же, не означает отказ от различных форм и методов социального контроля, но заставляет серьезно задумываться над их содержательным наполнением, не надеясь на «простые решения».

Существуют различные модели (формы) социального контроля и их классификации³²¹. Обширный обзор теорий социального контроля и обоснование теории рестриктивного (ограничительного) социального контроля содержится в монографии Ю. Ю. Комлева³²².

В целом социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и соответствующие им нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике) нежелательных форм поведения.

Контроль над преступностью — один из видов социального контроля. Поскольку преступность издавна воспринималась как самая опасная форма «отклонений», постольку и средства воз-

³²⁰ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 192, 193.

³²¹ Black D. The Behavior of Law. NY, 1976 ; Davis N., Anderson B. Social Control : The Production of Deviance in the Modern State. 1983.

³²² Комлев Ю. Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань, 2009.

действия на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жестокие). История человечества знает все мыслимые и немыслимые виды пыток, квалифицированных видов смертной казни, калечения³²³. Но преступность не покидает общество...

В узком смысле социальный контроль над преступностью — совокупность средств и методов воздействия общества на преступное поведение с целью его элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации.

Социальными регуляторами человеческого поведения служат выработанные обществом ценности (как выражение отношения человека к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объектов) и соответствующие им нормы (правовые, моральные, обычаи, традиции, мода и др.), т. е. правила, образцы, стандарты, эталоны поведения, устанавливаемые государством (право) или же формируемые в процессе совместной жизнедеятельности, а средством передачи (трансляции) тех и других — знаки³²⁴.

Следует заметить, что нами сознательно не употребляется распространенное в быту и отечественной науке понятие «борьба с преступностью». С. С. Босхолов совершенно верно отмечает ущербность широко распространенной стратегии «борьбы с преступностью». Приведем длинную, но принципиально важную цитату. «Слово “борьба”... толкуется как схватка, сражение, поединок, главной целью которых является подавление, искоренение, уничтожение чего-нибудь или кого-нибудь. Борьба зачастую предполагает непримиримое противостояние вступивших в нее сторон с конечной целью победы, для достижения которой могут быть использованы любые средства... Увлечись борьбой (а борьба всегда увлекает, завораживает и даже ослепляет борющихся), те, кто призваны по долгу службы вести ее против преступности, зачастую переходят грань, которая разделяет право и произвол, законность и беззаконие... Призывы к войне с преступностью, усилению борьбы с нею, по сути дела, ставят перед органами уголовной юстиции, государством и обществом несодержательную цель. Они не только дезориентируют, но и дезорганизуют их дея-

³²³ Фуко М. Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы. М., 1999 ; Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957.

³²⁴ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 210.

тельность по обеспечению безопасности и правопорядка, влекут, как правило, массовые нарушения законности, прав и свобод граждан»³²⁵. Следует добавить, что в нашем недавнем прошлом осуществлялась непрерывная «борьба» с «врагами народа», «членами семей врагов народа», «безродными космополитами», «убийцами в белых халатах», в результате чего были уничтожены миллионы безвинных соотечественников...

Контроль над преступностью включает:

установление того, что именно в данном обществе расценивается как преступление (криминализация деяний);

установление системы санкций (наказаний) и конкретных санкций за конкретные преступления;

формирование институтов формального социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суд, органы исполнения наказания, включая пенитенциарную систему, и т. п.);

определение порядка деятельности учреждений и должностных лиц, представляющих институты контроля над преступностью;

деятельность этих учреждений и должностных лиц по выявлению и регистрации совершенных преступлений, выявлению и разоблачению лиц, их совершивших, назначению наказаний в отношении таких лиц (преступников), обеспечению исполнения назначенных наказаний;

деятельность институтов, организаций, физических лиц по осуществлению неформального контроля над преступностью (от семьи и школы до общины, клана, землячества, «соседского контроля» — *neighbourhood watch*);

деятельность многочисленных институтов, учреждений, должностных лиц, общественных организаций по профилактике (предупреждению) преступлений.

Нелишне напомнить, что решающую роль в определении стратегии и тактики социального контроля над преступностью, а также их повседневной реализации играет *политический режим*. Политический режим, независимо от формы организации власти (республика президентская или парламентская, монархия абсолютная или ограниченная), определяет в конечном счете политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан (или же юридическое или фактическое их бесправие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям», включая преступность.

³²⁵ Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999. С. 38—39.

§ 2. Некоторые характеристики социального контроля в современной России

Конечно, как в любом государстве, в России существует сложившаяся система социального контроля над преступностью и иными негативными социальными явлениями. Это, прежде всего, деятельность полиции, органов расследования, прокуратуры, судов, ФСО, ФСБ, ФСИН и др. В каждом из перечисленных органов имеются честные и профессиональные работники. Но, к сожалению, зачастую не они определяют ситуацию. Провозглашаемые *de jure* в Конституции Российской Федерации, УК РФ и иных правовых актах принципы правового государства, законности, равенства всех перед законом, справедливости, гуманности и т. п. нередко нарушаются *de facto*.

Законодательство и законотворчество

Подробнее основания криминализации/декриминализации деяний изложены в ряде отечественных работ³²⁶. Не со всеми из них можно согласиться (так, некоторые авторы оказались сторонниками избыточной криминализации и репрессивности). Исторический опыт свидетельствует о том, что излишняя криминализация, в том числе «преступлений без жертв» (Э. Шур), не только не способствует укреплению порядка, но влечет ряд негативных последствий как для «виновного», так и для общества: отвлечение сил и средств на преследование малозначительных нарушений, «стигматизация» с последующей «вторичной девиантностью», усиление ригоризма и нетерпимости в общественном сознании и др.

Многочисленным сторонникам «твердой руки», «железного порядка», «непримиримой борьбы» и т. п. хотелось бы напомнить, что, во-первых, человечество перепробовало все репрессивные меры «наведения порядка», не добившись желаемого результата. Во-вторых, негативные санкции вообще обладают низкой эффективностью (если не нулевой), а то и отрицательной — когда негативные последствия санкций «перевешивают» положительный эффект. В-третьих, умножение запретов порождает лишь желание их нарушить («запретный плод сладок»), а эмоциональные, физические, интеллектуальные потенции человека не могут

³²⁶ Коган В. М. Социальный механизм ... ; Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003 ; Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство : Опыт критического анализа. СПб., 2000 ; Основания уголовного запрета: криминализация и декриминализация. М., 1982.

долго оставаться стесненными, ограниченными. В-четвертых, излишняя криминализация неизбежно приводит к тому, что большинство малозначительных деяний все равно не будут преследоваться (сил не хватит, правоохранительная система «не переварит»), а это означает, в свою очередь, «избирательный» подход правоохранительных органов (преследуем только того, «кого надо») и девальвацию принципов равенства перед законом и неотвратимости уголовной ответственности. В-пятых, уголовно-правовые санкции не единственные в правовой системе. В большинстве не очень опасных правонарушений целесообразнее предусмотреть меры административной, гражданско-правовой, дисциплинарной ответственности.

Очень тревожную тенденцию постперестроечного режима в области социального контроля над преступностью отражает Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г., который провозглашает основной целью наказания «восстановление социальной справедливости» (ст. 43 УК РФ). Это что — возврат к идее мести?³²⁷ Сохраняя смертную казнь (ст. 59 УК РФ), не совместимую с цивилизованностью, УК РФ вводит пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ), которое могло бы быть лишь отчасти оправданно как альтернатива отмененной раз и навсегда смертной казни. Законом предусматривается лишение свободы до 20 лет, по совокупности преступлений — до 25 лет, а по совокупности приговоров — до 30 лет (ч. 4 ст. 56 УК РФ). Но законодателю этого показалось мало, и два последних срока увеличены соответственно до 30 и 35 лет (ч. 5 ст. 56 УК РФ). Ни пожизненного лишения свободы, ни 30—35-летнего срока не знало даже сталинское уголовное законодательство. (Мы не останавливаемся здесь на внесудебной расправе и печально знаменитых «десяти годах лишения свободы без права переписки», *de facto* означавших расстрел). Кроме того, по неизвестным причинам законодатель отказался от института отсрочки исполнения приговора (сохранив отсрочку в крайне ограниченных случаях — ст.ст. 82, 82.1 УК РФ), который ранее широко применялся, особенно в отношении несовершеннолетних.

³²⁷ Реалистичность и реализуемость целей наказания (п. 2 ст. 43 УК РФ) — тема специального обсуждения (см.: Гилинский Я. И. Уголовное право: реалии и перспективы // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского Конгресса уголовного права. М., 2011. С. 572—575 ; Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009).

Чрезвычайно противоречиво и последующее законодательное решение уголовно-правовых вопросов: поспешное исключение конфискации из системы наказания; необоснованное расширение перечня мотивов «преступлений ненависти» до «вражды в отношении какой-либо социальной группы»; безмерное понимание «экстремистской направленности» и т. п.

Сегодня наблюдается бесконечная, бессмысленная, при крайне низкой юридической технике, криминализация деяний, не представляющих опасности. Законы и законопроекты, предусматривающие уголовную или административную ответственность за «пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации», «оскорбление чувств верующих», «оскорбление патриотических чувств» и т. п., способны вызвать лишь негативные последствия: рост ксенофобии (включая гомофобию), преступления на почве ненависти или вражды, необоснованное осуждение граждан по политическим мотивам.

Наказание

В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля³²⁸. «Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции (а с конца 1990-х—начала 2000-х гг. — сокращение, так же независимо от деятельности полиции и уголовной юстиции). Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 году норвежский профессор Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 4—6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека³²⁹.

³²⁸ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo ; L., 1974 ; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Ed. 1990 ; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. 1996 ; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY, 1996 ; и др.

³²⁹ Пирожков В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981.

О губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М. Н. Гернет³³⁰. Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления. Никогда еще никого не удавалось «исправить» и «перевоспитать» посредством наказания. Скорее наоборот. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие — вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества»³³¹.

Одним из наиболее значимых показателей цивилизованности/нецивилизованности современного общества, демократичности/авторитарности (тоталитарности) политического режима служит сохранение смертной казни в системе наказаний или же отказ от нее. Сохранение смертной казни во многих штатах США свидетельствует, с нашей точки зрения, о недостаточной их цивилизованности. Поэтому следует отдать должное отмене смертной казни в постсоветской России. Однако вызывают озабоченность возникающие время от времени намерения со стороны как отдельных законодателей, так, к сожалению, и некоторых ученых, вернуть этот постыдный институт, благо, что до сих пор смертная казнь не исключена *de jure* из перечня наказаний (ст. 59 УК РФ).

Лишение свободы — неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями. При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало пока ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений. «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто “не видит” чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»³³². Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того, негативных последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений.

Вып. 35. С. 40—50 ; Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных : учеб. пособие. М., 1985 ; Его же: Парадоксы тюрьмы. М., 1991.

³³⁰ Гернет М. Н. В тюрьме : Очерки тюремной психологии. 2-е изд., доп. 1930.

³³¹ Жалинский А. Э. Указ соч. С. 18.

³³² Фуко М. Надзирать и наказывать ... С. 339.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении насильственных преступлений, и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников.

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает краткосрочное лишение свободы. Обычно сроки исчисляются неделями и месяцами, во всяком случае — до 2—3 лет, т. е. до наступления необратимых изменений психики.

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от условий отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных (нормальное питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, качественное медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система пробаций (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т. п.³³³

В-четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию альтернативной, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник — жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции возмещающей, восстанавливающей (*restorative justice*)³³⁴. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (некто вроде «третейского

³³³ Correctional Institutions in Japan. Correctional Bureau Ministry of Justice, 1985 ; Ingstrup O. Only those who believe can stay the Course in turbulent Times: A Value-based, strategic approach to the Management and development of Corrections. Canadian Centre for Management Development, 1995 ; Champion D. J. Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Ed. NJ, 2005 ; King R., McDermott R. The State of our Prisons. Oxford, 1995 ; Seiter R. Corrections: An Introduction. NJ, 2005 ; От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / сост. и пер. с англ. И. Г. Ясавеева. Хельсинки, 2012.

³³⁴ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998 ; Abolitionism in History : On another Way of Thinking. Warsaw, 1991 ; Considine J. Restorative Justice : Healing the Effects of Crime. 1995 ; Contemporary Justice Review : Issues in Criminal, Social and Restorative Justice: Special Issue on The Phenomenon of Restorative Justice, 1998. Vol. 1, № 1.

судьи») урегулировать отношения между жертвой и преступником без уголовного судопроизводства.

Контент-анализ докладов на одиннадцати европейских криминологических конференциях (2001—2011 гг.) и четырех мировых конгрессах (всего свыше 6 500 докладов)³³⁵ показал, что во многих докладах затрагивались вопросы применения альтернативных лишению свободы мер наказания, электронного слежения и медиации³³⁶, пока еще почти не практикуемой в России. Медиация обсуждалась на всех мировых конгрессах. В Сеуле был представлен доклад «Медиация против тюремного заключения», — («*Mediation versus Imprisonment*»).

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (*War on crime*) к стратегии «сокращения вреда» (*Harm reduction*). Об этом прямо говорится в 11-й Рекомендации доклада Национальной Комиссии США по уголовной юстиции: «изменить повестку дня уголовной политики от “войны” к “миру”»³³⁷. «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимания на общественное исправление (*community correction*)», — советует S. Barcan³³⁸. «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»³³⁹.

К сожалению, российская уголовная и пенитенциарная политика строится на давно устаревших репрессивных представлениях о «пользе» наказания. Достаточно сказать, что Россия и США в течение десятилетий занимают первые места по уровню заклю-

³³⁵ Гишинский Я. И. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский ежегодник уголовного права. № 6. 2012. СПб., 2013. С. 8—31.

³³⁶ Медиация — одна из современных технологий альтернативного урегулирования конфликтов (между обвиняемым и потерпевшим, между заключенным и администрацией пенитенциарного учреждения и т. п.) с участием третьей нейтральной, не заинтересованной в данном конфликте стороны — медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение.

³³⁷ Donziger S. The Real War on Crime : The Report of the National Criminal Justice Commission. 1996. P. 218.

³³⁸ Barkan S. Op. cit. P. 542.

³³⁹ Жалинский А. Э. Указ. соч. С. 9, 15, 18, 56, 68.

ченных (на 100 тыс. населения). Если в 1990-е гг. первое место занимала Россия (уровень заключенных в 1990 г. — 470, в США — 465, в 1992 г. — 520, в США — 519, в 1994 г. — 580, в США — 554, в 1999 г. — 729, в США — 682), то в 2000-е гг. США опередили Россию по этому мрачному показателю (в 2001 г. — 689, в России — 673, в 2007 г. — 762, в России — 613)³⁴⁰. Вообще же в СССР первый максимальный уровень заключенных был в 1938 г. и 1939 г. (соответственно 1 111 и 1 187), что не удивительно. А второй максимум — в 1949—1951 гг. (соответственно 1 476, 1 546, 1 489).

Особенно неблагоприятно положение с условиями отбывания наказания в российских пенитенциарных учреждениях³⁴¹. Суды же крайне редко назначают осужденным наказание, не связанное с лишением свободы (к штрафу приговариваются 7—14 % осужденных, к исправительным работам — 4—5 % осужденных³⁴²).

Профилактика

Конечно, как известно со времен Ш. Монтескье, «хороший законодатель не столько заботится о наказании за преступление, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы»³⁴³. И, по мнению Ч. Беккариа, «лучше предупреждать преступления, чем наказывать за них». А Вольтер назвал предупреждение преступлений «истинной юриспруденцией».

Под предупреждением (профилактикой, превенцией) преступности понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные факторы, которое приводит к сокращению и (или) желательному изменению структуры преступности и к несовершению потенциальных преступных деяний. Различают три уровня превенции: первичную (общесоциальную), вторичную (специальную) и третич-

³⁴⁰ Подробнее см.: Гилинский Я. И. Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью // Закон. 2012. № 1. С. 117—128.

³⁴¹ Положение заключенных в современной России: доклад и темат. ст. / отв. ред. Н. Новикова. М., 2003 ; Российский ГУЛАГ: убийства и пытки / Вестник Фонда «В защиту прав заключенных». М., 2006. № 1.

³⁴² Меры наказания, примененные к осужденным // Crimpravo.ru : Криминология.рф : научная сеть. URL: <http://crimpravo.ru/page/sudstatistic/sudstatistic46/> (дата обращения: 07.12.2015).

³⁴³ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 201.

ную (индивидуальную). Во многих странах, включая Россию, разработаны теория, методология и методики профилактики преступлений.

Но насколько профилактика реалистична и эффективна, может ли она служить панацеей от криминальных бед³⁴⁴?

Во-первых, необходимо разобраться, что служит объектом превенции, если преступность есть некий конструкт, продукт договоренности или субъективных решений (релятивность и конвенциональность преступности). Если согласно букве уголовного закона порядка 100 % взрослого населения страны — уголовные преступники, то кто же кого будет «профилактировать»?

Во-вторых, превенция предполагает воздействие на причины преступности, криминогенные факторы. Но кто сегодня решится сказать, что он знает эти причины (факторы)? В отечественной и зарубежной литературе называются сотни «причин» и факторов, известны десятки респектабельных концепций причин преступности. Какие из них применять в профилактической деятельности?

Не удивительно, поэтому, в-третьих, что до сих пор нет достаточно убедительных данных об эффективности той или иной превентивной деятельности³⁴⁵.

Наконец, в-четвертых, существует серьезная опасность вырождения профилактики в поправление прав человека, ибо превенция всегда есть интервенция в личную жизнь.

Конечно, все это не исключает разработку и совершенствование мер профилактики преступлений, равно как совершенствование системы наказаний. Но надо понимать, что ни профилактика, ни наказание, ни деятельность полиции и уголовной юстиции не в состоянии *существенно повлиять* на уровень и динамику преступности, которая, с одной стороны, суть социальный конструкт (сконструированный властью, режимом в интересах, прежде всего, власти, режима), а с другой — обусловлена социальными факторами (прежде всего, социально-экономическим неравенством).

³⁴⁴ Lab S. Personal Opinion : Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carroll) // Security Journal. Vol.12, № 3. 1999. P. 67—68.

³⁴⁵ Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995 ; см. также: Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. 1996.

Некоторые выводы

1. Преступность была, есть и будет в любом государстве, ибо им же и создается (конструируется).

2. Социально-экономическое неравенство — один из главных криминогенных факторов.

3. Наказание — вынужденный, но малоэффективный (точнее, неэффективный) метод противодействия преступности.

4. Осознавая неизбежность преступности, неэффективность и негативные последствия применения традиционных мер наказания (прежде всего лишения свободы при абсолютной недопустимости смертной казни), следует:

сосредоточить внимание на поисках и повышении эффективности мер наказания, альтернативных лишению свободы (штраф, исправительные, обязательные, принудительные, общественные работы, ограничение свободы и т. п.);

прекратить криминализацию деяний, не представляющих общественной опасности и нарушающих лишь моральные, этические нормы некоторых групп населения;

декриминализовать незначительные, излишне криминализованные деяния, преобразовать их в административные проступки или гражданско-правовые деликты.

5. Требуется реализация принципа «минимум репрессий»; безусловная законодательная отмена смертной казни; отношение к лишению свободы как к «высшей мере наказания», применяемой, как правило, только в отношении совершеннолетних лиц, совершивших насильственные преступления.

6. Необходима либерально-демократическая реформа судов (обеспечение их реальной, а не только провозглашенной независимости), полиции (как сервисной службы, предоставляющей услуги населению по обеспечению безопасности людей) и уголовно-исполнительной системы; абсолютная недопустимость пыток и отказ от репрессивных условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы.

7. Формирование альтернативной «восстановительной» юстиции (*restorative justice*), обеспечивающей права и интересы потерпевших вне рамок уголовного правосудия.

8. Формирование ювенальной юстиции.

9. Воспитание либерально-демократического правосознания населения (с помощью СМИ, в образовательных учреждениях, в процессе гласной правоприменительной деятельности реформированных полиции, судов, иных правоохранительных органов).

Глава 10. СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЯ И ПУТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

There are many criminologies
and many criminologists.³⁴⁶

R. Michalovskij

Любая наука носит всемирный характер. Не является исключением и криминология. Тем более, что ее объект — преступность — также имеет интернациональный характер. К чему приводит политика изоляционизма, хорошо известно по десятилетиям фактического запрета криминологии в СССР с начала 1930-х гг. до середины 1960-х гг. Мы очень отстали от практики проведения эмпирических исследований. До сих пор российская криминология не до конца избавилась от «любви» к смертной казни, от требований «борьбы», а то и «войны» с преступностью, от пренебрежительного отношения к достижениям зарубежных коллег.

Ниже будут представлены некоторые тенденции современной мировой криминологии.

§ 1. Краткий обзор этапов развития криминологии

«Сегодня» началось одновременно
вчера, позавчера и «некогда».

Фернан Бродель

Известно, что в истории криминологии выделяют несколько этапов, различающихся прежде всего особенностями методологии. Можно также говорить о предыстории — взглядах философов, древних мыслителей на природу и генезис преступности³⁴⁷, ибо различного рода представления относительно преступности и преступлений существовали с того далекого времени, когда общество стало различать, выделять и «конструировать» из всех видов человеческой жизнедеятельности «преступления», наносящие ущерб людям, обществу, государству.

Классическая школа уголовного права и криминологии (XVIII в.). Развитие «внутри» нее криминологических идей связано

³⁴⁶ «Есть много криминологий и много криминологов».

³⁴⁷ Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб., 2014. С. 105—185 ; Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997 ; Шестаков Д. А. Криминология. С. 74—84 ; The Oxford Handbook of Criminology. P. 23—36, 102—121 ; Routledge Handbook of International Criminology / eds. C. Smith, S. Zhang, R. Barberet. 2011. P. 1—52.

с именами Ч. Беккариа (1738—1794 гг.) и И. Бентама (1748—1832 гг.). Основная *методология*: философия, социальная философия, право.

Позитивизм (XIX—XX вв.). Включает *биологическое* (антропологическое) направление начиная с Ч. Ломброзо (1835—1909 гг.) и до наших дней³⁴⁸; *психологическое* направление от Г. Тарда (1843—1904 гг.); и *социологическое* направление с многочисленными школами и теориями. Основная *методология*: методы естественных, «позитивных» наук (наблюдение, опросы, измерения, эксперимент и др.).

Критическая криминология и постмодерн (конец XX в.—настоящее время). Основная *методология*: негативный аспект — отрицание всего предшествующего; позитивный момент — методы современных естественных наук (теория катастроф, теория хаоса, синергетика, «странный аттрактор», бифуркации и др.).

Разумеется, названия направлений и школ и их временные рамки условны и по-разному освещаются различными авторами. Остановимся несколько подробнее на последнем этапе, содержание которого развивается, изменяется и плавно переходит к новеллам наших дней.

Очень трудно провести границы между достаточно еще современными по сути криминологическими теориями 1960-х—1970-х гг. и «самыми современными», в том числе постмодернистскими, теориями. Неслучайно авторы зарубежных учебников и специальных исследований³⁴⁹ очень по-разному относят те или иные концепции к «критической» и (или) «радикальной» криминологии, к постмодернизму. Здесь еще много не устоявшихся оценок. Все же нельзя уклониться хотя бы от общего обзора «самого современного» состояния мировой криминологической мысли³⁵⁰.

Предварительно заметим, что новейшую критическую (радикальную), а тем более постмодернистскую криминологию характеризуют: весьма критическое отношение ко всем предшествующим теориям; резко критическое отношение к современным общественным, экономическим, политическим, властным структурам и отношениям; радикально релятивистский подход к самим

³⁴⁸ Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology. Wadsworth, 2001.

³⁴⁹ The Futures of Criminology / ed. D. Nelken. 1994 ; Swaaningen van R. Critical Criminology. Visions from Europe. 1997.

³⁵⁰ Сморгунова А. Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление : монография. СПб., 2005.

понятиям «преступность» и «преступление» как социальным (политическим) конструктам; убежденность в том, что социально-экономическое неравенство служит основным источником преступности; критическое отношение к традиционным методам и средствам социального контроля над преступностью; признание «кризиса наказания»; нередко — обновление методологического инструментария.

Радикальная (критическая) криминология

Определенной вехой возникновения «радикальной» криминологии служит книга трех английских авторов Я. Тэйлора, П. Уолтона и Дж. Янга «Новая криминология» (1973 г.)³⁵¹. В ней обобщаются критические теории, отчетливо просматривается неомарксистская критика современного общества, при этом не отвергается «буржуазная» криминология. Преступление определяется как причинение социального вреда. Правонарушитель рассматривается как двойная жертва — общества и уголовной юстиции. Последняя критикуется как отражение существующего господства.

Авторы книги исходят из того, что важным криминогенным (вообще «девиантогенным») фактором является неравенство возможностей, присущее современному капиталистическому обществу. Неравенство возможностей, в свою очередь, является результатом неравенства классового, полового или этнического. Авторы называют это «политической экономикой преступности». В этих условиях люди более или менее сознательно делают выбор, который может оказаться преступным (девиантным). Но возможность выбора принадлежит не только индивиду, но и обществу (государству), которое может криминализировать ту или иную поведенческую реакцию и заклеить ее актора. Иначе говоря, Я. Тэйлор, П. Уолтон и Дж. Янг пытались объяснить преступность и преступление на различных уровнях, выстраивая систему детерминирующих факторов. По словам В. Айнштадтера и С. Генри, «вместо взгляда на некоторых людей как “плохие яблоки” или как причиняющих другим яблокам вред, критические криминологи видят в обществе “плохую корзину”, в которой все больше яблок будет портиться... Решение — только в новой корзине»³⁵². Позднее Я. Тэйлор продолжал изучать экономические и

³⁵¹ Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology : For a Social Theory of Deviance. L., 1973.

³⁵² Einstadter W., Henry S. Criminological Theory : An Analyses of Its Underlying Assumption. Fort Worth, 1995. P. 227.

политические предпосылки преступности в современном мире «свободного рынка»³⁵³. Он не скрывал социалистические корни своих криминологических взглядов³⁵⁴.

Р. Куинни (Quinney) и В. Чемблисс (Chambliss) рассматривают правопорядок в современном западном обществе как систему, созданную классом капиталистов для обеспечения своих интересов. Для финской исследовательницы Антиллы (равно как для А. М. Яковлева) преступники в современном обществе служат «козлами отпущения».

Достаточно радикальны и взгляды некоторых современных немецких криминологов. М. Брустен настойчиво проводит мысль о селективности уголовной юстиции и применении ею уголовных санкций, подтверждая это результатами сравнительных эмпирических исследований (ФРГ, ГДР, Австралия). Ф. Зак ставит под сомнение обоснованность имеющихся определений преступления и преступности. Он предлагает анализировать предмет криминологии с точки зрения различных дискурсов³⁵⁵. Ф. Зак усматривает значительную зависимость криминологии и ее различных теорий от политических властных структур. Он негативно относится к современным мировым тенденциям глобализации и «экономизации» жизни и сознания. «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения»³⁵⁶. Поэтому усиливается репрессивность сознания и политики: богатым надо максимально защищать свою собственность, свои привилегии.

Авторы «Новых направлений в социологической теории» П. Филмер, М. Филипсон, Д. Силверман, Д. Уолш, будучи сторонниками феноменологического направления в социологии, не могли не затронуть проблемы девиантности и преступности. Их основная идея — конвенциональный характер и девиантности и преступности. С их точки зрения, отклонение «не внут-

³⁵³ The Social Effects of Free Market Policies / ed. I. Taylor. 1990.

³⁵⁴ Taylor I. Crime, Capitalism and Community : Three essays in socialist criminology. Toronto, 1983.

³⁵⁵ Дискурс — определенная область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих установок для многих людей. Дискурсы изменяются со временем, а также от культуры к культуре. Так, по М. Фуко меняется дискурс безумия: сперва безумец воспринимается как мудрец, провидец, затем — как преступник, позднее — больной.

³⁵⁶ Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право. 1999. № 1. С. 98, 99.

ренне присущее тому или иному действию качество, а следствие соотнесения действий с правилами и применения санкций к нарушителю... Социальное отклонение — это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей»³⁵⁷. Соответственно и «преступление (и преступник) не “объективная” категория действия (и действующего лица), причины которого могут быть изучены, а совокупность обыденных социальных значений, используемых членами общества для обозначения некоего рода действий и лиц... Штампование “преступников” — это в прямом смысле слова социальная работа, она есть продукт практической деятельности некоторых организаций, отражающий и поддерживающий представления их сотрудников о социальной структуре»³⁵⁸. Как юридическая категория преступление — это то, что нарушает закон. «И в этом смысле единственной причиной преступления является сам закон»³⁵⁹.

В конечном итоге «критическая криминология раскрывает ничтожность положительного эффекта и значительную вредность карательного (уголовного) права. Не в том ли и заключается конечное назначение криминологии — не в ниспровержении ли уголовного права?»³⁶⁰.

«Левый реализм» (*left realism*) родился в Англии. Его сторонники исходят из того, что не только среди преступников, но и в числе жертв преступлений большинство составляют представители низших классов, рабочие, те, кто также страдает от неравенства. Поэтому, исходя из их интересов, следует «усиливать борьбу» с преступностью. Преступность нарушает качество городской жизни (*Matthews*, 1987). Более полное представление о преступности включает взаимосвязь преступника и жертвы, а также их обоих с представителями уголовной юстиции. И «левые реалисты», и «радикалы» критикуют «административную криминологию», которая, отвлекаясь от причин преступности, сосредотачивается на мерах социального контроля»³⁶¹.

³⁵⁷ Новые направления в социологической теории / [П. Филмер и др.] ; общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1978. С. 98, 99, 101.

³⁵⁸ Там же. С. 98, 286.

³⁵⁹ Там же. С. 97.

³⁶⁰ Шестаков Д. А. Криминология. С. 73.

³⁶¹ Young J. Radical Criminology in Britain : The Emergence of a Competing Paradigm // British Journal of Criminology. 1998. Vol. 2, № 2.

Родословная *феминизма* в криминологии (Dorie Klein, Rita Simon, Freda Adler, Carol Smart) включает феминистское движение, критическую криминологию, а также интерес к изучению женской преступности. Различают несколько направлений криминологического феминизма: либеральный, радикальный, марксистский, социалистический. Если либеральный феминизм на вопрос, в чем причина преступности, скромно отвечает — в социализации по полу (в ее особенностях), то радикальный утверждает, что «преступления — мужское, не женское поведение. Это мужская биологическая природа — быть агрессивным и господствовать»³⁶². Если идеологическая составляющая феминизма в криминологии общая для феминистского движения вообще, то акцентирование внимания на исследовании женской преступности вносит определенный вклад в науку. Подробный анализ феминистской криминологии представлен в монографии А. Л. Сморгуновой³⁶³.

Как относительно самостоятельное течение в криминологии иногда рассматривают *аболиционизм*³⁶⁴. Его последователи (прежде всего норвежские криминологи Т. Матисен, Н. Кристи, а также голландец Л. Хулсман, американец Х. Пепински, канадка Р. Моррис, поляк М. Платек и др.) выступают против современной пенитенциарной (тюремной) системы, за альтернативные уголовной юстиции меры социального контроля³⁶⁵. Конечно, наиболее здравые из них понимают, что немедленная отмена лишения свободы — утопия. Но стремиться к этому надо. Тюрьма никого не исправляет, а ломает личность и способствует повышению криминальной профессионализации. Наличие значительной доли бывших заключенных в популяции приводит к «признанию» («отюрьмовлению») сознания и поведения всего населения. Поэтому главное — поиски и реализация, внедрение на практике мер, альтернативных лишению свободы.

³⁶² Lanier M., Henry S. Op. cit. P. 273.

³⁶³ Сморгунова А. Л. Указ. соч. С. 82—103.

³⁶⁴ От латинского *abolitio* — отменять, упразднять (англ. *abolish*). Первоначально им воспользовались американские сторонники отмены рабства в XVIII—XIX вв. в США. Более широкое значение — отмена какого-либо закона — позволило многократно использовать этот термин сторонниками отмены чего-либо (например, регламентации проституции).

³⁶⁵ Abolitionism in History. On another way on thinking / eds. Z. Lasocik, M. Platek, I. Rzeplinska. Warszawa, 1991 ; Morris R. Crumbling Walls. Why Prisons Fall. NY-L., 1989.

Х. Пепински наряду с Р. Куинни являются основателями «миротворческой криминологии» (*peacemaking criminology*). Их усилия направлены на то, чтобы традиционную «войну с преступностью» заменить на «мир с преступностью»³⁶⁶. Это отнюдь не означает оправдания преступлений, речь идет о выработке оптимальной стратегии противодействия преступности. Эскалация преступности, особенно насильственной, в современном мире связана с эскалацией насилия со стороны государства, с институтом смертной казни и жесткими условиями пенитенциарных учреждений. Да, преступники причиняют зло, но если мы хотим изменить мир, мы должны начать с изменения самих себя. «Система уголовной юстиции основана на насилии. Эта система предполагает, что насилие может оборачиваться насилием, зло влечет зло»³⁶⁷.

Основная идея миротворческой криминологии: в мире, полном насилия, необходимо не применять насилие (уголовное наказание), а мирным путем урегулировать возникающие конфликты. Миротворческую криминологию нередко обвиняют в нереалистичности, утопичности. Однако ее идеи приобретают все больше сторонников, причем не только среди ученых, но и практических работников (судей, прокуроров, полицейских).

Множество криминологических теорий и обширный эмпирический материал привели в конце 1970-х гг. к попыткам создания обобщающих, *интегративных* теорий на основе наиболее плодотворных элементов уже существующих³⁶⁸. Характерно, что практически все интегративные (да и многие другие) криминологические теории исходят из единого объяснения девиантности, включая преступность.

М. Ланье и С. Генри различают два вида интеграции: модернистскую и «холистскую» (холизм предполагает рассмотрение общества как единого целого, как системы)³⁶⁹. Теоретическая интеграция представляет собой комбинацию из двух и более уже существующих теорий. Например, интегративная теория может ориентироваться на теорию научения, используя при этом теорию социального контроля с учетом влияния классовой структуры и социальной экологии. Так, Эйкерс (Akers) в своей концепции «поглощения» заим-

³⁶⁶ Criminology as Peacemaking / eds. H. Pepinsky, R. Quinney. Bloomington, 1991.

³⁶⁷ Ibid. P. 12.

³⁶⁸ Barak G. Integrating Criminologies. 1998.

³⁶⁹ Lanier M., Henry S. Op. cit. P. 289—293.

ствуется понятия теории научения и теории социального контроля, переосмысливая их по-своему. Аналогично Пирсон и Вайнер на основе тех же теорий (научения и контроля) создают свою интегративную концепцию.

Д. Эллиот (1979 г.) с коллегами, пытаясь объяснить делинквентность подростков, построил интегративную теорию на основе теории напряжения, контроля и социального научения. В конечном счете делинквентное поведение объяснялось через напряжение (Р. Мертон) и неадекватную социализацию, которые приводят к ослаблению разрешенных связей и к усилению делинквентных связей с учетом процесса социальной дезорганизации³⁷⁰. К интегративным относится и теория баланса контроля Ч. Титтла (Tittle)³⁷¹. Прежде всего, Ч. Титтл подчеркивает взаимосвязи девиантности и преступности. Общая теория девиантности должна быть применима ко всем девиантным проявлениям, включая преступность. Баланс контроля предполагает соотношение (пропорции) суммарного количества того контроля, который оказывают индивиды, и того контроля, который оказывается по отношению к ним. При нарушении баланса контроля появится дефицит свободы. Для подтверждения и конкретизации теории баланса контроля требуются многочисленные эмпирические исследования, — утверждает Ч. Титтл. Только тогда можно будет показать, как пропорции контроля варьируют в зависимости от обстоятельств и социального контекста.

Несколько амбициозно представляет Дж. Брейтуэйт свою интегративную теорию «восстановленного стыда». Он называет те концепции, которые интегрированы в его общую теорию: теория контроля, субкультур, дифференцированной ассоциации, напряжения, стигматизации. Автор исходит из того, что общества, в которых у людей, с одной стороны, развито чувство стыда, а с другой — порицания за постыдный поступок корректны и не чрезмерны, характеризуются низким уровнем преступности (например, Япония). Дж. Брейтуэйт считает необходимым восстановить чувство стыда там, где оно утратило значение, не прибегая к позорящей стигматизации. Очень важно, чтобы общество было солидарно в оценках дозволенного и недозволенного, по-

³⁷⁰ См. подробнее: *Theoretical Criminology*. Fourth Ed. / eds. G. Vold, T. Bernard, J. Snipes. 1998. P. 301—303.

³⁷¹ Tittle Ch. Control Balance : Toward a General Theory of Deviance. Boulder, 1995.

стыдного и не постыдного. Один формальный контроль явно недостаточен для решения столь сложной социальной задачи. «Я уверен, — пишет Брейтуэйт, — что если к решению проблемы преступности и исправлению нравов не будет привлечена община, то власть закона сведется к бессмысленному набору процедур и санкций, которые будут иметь в глазах людей произвольный характер». Если стыд — путь к законопослушанию в результате свободного выбора, то репрессивный социальный контроль — путь к законопослушанию принудительному, т. е. ненадежному, кратковременному³⁷².

Постмодернизм

Постмодернизм в науке и искусстве — очень широкое и не строго очерченное явление. «Постмодернизм и постструктурализм сложны для определения и понимания», — сетует один из их исследователей³⁷³. Постмодернизм зарождается во второй половине XX в. как реакция на крушение иллюзий и мифов относительно человеческого разума, порядка, прогресса, развеянных страшными реалиями Освенцима, Холокоста, ГУЛАГа и т. п. Основоположниками постмодернизма обычно называют Ж.-Ф. Лиготара и М. Фуко.

Постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к науке, релятивизацией всех знаний. Релятивны (относительны) и являются социальными конструктами ценности, нормы, то, что называют преступностью, а также само общество как источник преступлений. Преступления причиняют вред, но он порождается и всей рутинной практикой, социальными институтами, такими как труд, бюрократия, правительство, право и семья. Знания и «истина» также — социальные конструкты. Одна из главных причин конфликтов и зла в обществах — результат вложения человеческой энергии в «дискурсивные различия», веры в их реальность, защиты их и навязывания другим. Постмодернизм отражает переход от классовой структуры к обществу фрагментарному. Но чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур (а следовательно, и вариантов «отклонений»). И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что тогда есть «отклонения»?

³⁷² Braithwaite J. Crime, Shame, and Reintegration. Cambridge, 1989. (Русский перевод: Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002.)

³⁷³ Bohm R. A Primer on Crime and Delinquency. Belmont, 1997. P. 134.

На сегодняшний день лучшей отечественной работой, специально посвященной постмодернизму в праве, является книга И. Л. Честнова «Правопонимание в эпоху постмодерна»³⁷⁴. Обратимся к некоторым характеристикам постмодернизма, представленным в ней. «Постмодерн выступает, прежде всего, рефлексией, критической позицией относительно эпохи модерна и показывает, что индустриальное общество достигло пределов своего развития и дальнейшее экспоненциальное его развитие невозможно — оно неизбежно приведет к глобальной катастрофе. Постмодерн ставит под сомнение такое исходное основание эпохи модерна, как вера во всемогущество человеческого разума, в его возможность познать абсолютную истину и на этой основе преобразовать весь мир»³⁷⁵. Критицизм постмодерна распространяется и на представления о праве, демократии, привычном правовом понимании. Главные проявления постмодернизма — релятивизм как взгляд на мир, отказ от истины, новое представление о социальной реальности³⁷⁶. Отсюда и присущая постмодернизму ироничность³⁷⁷. Ироничность как необходимое условие деятельности исследователя, ученого отмечалось еще в 1975 году В. С. Библером: «Постоянная ирония восприятия и делания пронизывает все сознание исследователя... Теоретик Нового времени встает над этой своей деятельностью, он необходимо ироничен, гиперкритичен, отстранен от своей собственной деятельности, он должен — хочет, не хочет — учитывать и свою роль “дурака”, и роль “шута”, и роль “мудреца”»³⁷⁸.

Основная претензия постмодернизма к модернизму состоит в том, что последний вел скорее к угнетению, чем к освобождению. «Должна ли социология, наряду с другими типами гуманитарного знания участвовавшая в создании бентамовского Паноптикума, т. е. в конечном счете всеобщей тюрьмы, с прежним миссионерским жаром взяться за построение всеобщего постмодернистского Бедлама?», — вопрошает З. Бауман³⁷⁹.

³⁷⁴ Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002.

³⁷⁵ Там же. С. 3.

³⁷⁶ Там же. С. 11.

³⁷⁷ Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

³⁷⁸ Библер В. С. Мышление как творчество : Введение в логику мысленного диалога. М., 1975. С. 252, 268.

³⁷⁹ Bauman Z. Intimations of Postmodernity. L., 1992.

Хотя М. Фуко не относил себя к постмодернистам, его идеи явно находятся в русле постмодернистских концепций. По Фуко девиантность относительна. В Древней Греции и в Древнем Риме «нормальна» как гетеро-, так и гомосексуальность. В книгах «История безумия в классическую эпоху», «Рождение клиники», «История сексуальности. Забота о себе», «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»³⁸⁰ Фуко исследует преступность, проституцию, бродяжничество, нищету, безработицу, сумасшествие в контексте власти. Мы опутаны сетями власти. В конечном счете новая дисциплинарная общественная формация с ее всеохватывающей дисциплинарной властью ассоциируется с тюрьмой. Этот образ «общество — тюрьма» не раз будет повторяться в исследованиях современных зарубежных и отечественных авторов³⁸¹.

Одной из «классических» постмодернистских работ является книга Элис Янг, название которой весьма условно можно перевести как «Образ преступления. Некто вне закона и криминальные беседы»³⁸². Автор рассматривает преступление как понятие, используемое работниками уголовной юстиции, криминологами, социологами, политиками, журналистами. К исследованию проблемы привлекается материал философский, литературоведческий, криминологический, феминистский и др. В соответствии с постмодернистским подходом Э. Янг сосредоточивает внимание на «материальной» роли языка в изображении преступления посредством метафор, символов и т. п. Одна из ее задач — показать репрессивность понятия общности. Нарушителя («человека вне закона») следует исключить из общества. Для Э. Дюркгейма общность двойственна: общность горожан, она же общность правонарушителей. Э. Янг интересуется структурой этой двойственности и тем, как она влияет на создание образа преступления. Другая тема — феминистическая. Автор исследует проблему семьи, одинокой

³⁸⁰ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997 ; Его же: Надзирать и наказывать ... ; Его же: Рождение клиники. М., 1998 ; Его же: История сексуальности—III. Забота о себе. М., 1998.

³⁸¹ Wacquant L. Deadly Symbiosis. When Ghetto and Prison meet and mesh // Punishment and Society. 2001. Vol. 3, № 1. P. 95—133 ; Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001 ; Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «Град земной». СПб., 2014.

³⁸² Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations. 1996.

матери, которая оказывается единственным лицом, ответственным за преступления детей. Одна из задач автора — «делать невидимое видимым». Этому она пытается достичь и с помощью анализа детективной литературы. Для Э. Янг (как представительницы постмодернизма в феминистском варианте) и история, и культура — открытые тексты, позволяющие бесконечно по-разному их прочитывать. Она призывает читателя «прочесть криминологию не криминологически».

Переоценка всего и вся, «реконструкция» и «перестройка» заставляют постмодернизм существенно переосмысливать саму методологию исследования. Постмодернизм в криминологии обращается к таким общенаучным концепциям, как теория нелинейных динамических систем, теория хаоса, теория катастроф, синергетика, квантовая механика, к таким понятиям, как «странный аттрактор», бифуркация³⁸³.

Конститутивная криминология является одной из разновидностей постмодернизма³⁸⁴. Ее суть заключается в том, что преступность и контроль над ней не могут быть отделены от тотального (всеобщего) структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются. Это утверждение противостоит мнению традиционной криминологии о возможности самостоятельного (раздельного) анализа преступлений, независимо от контекста. Преступность — интегральная часть тотального продукта общества, часть культуры. Поэтому криминологический анализ преступности должен осуществляться в общей социальной картине наравне с другими составляющими общества. И это непростая задача. Преступление — социально сконструированная категория. «Право — это игорный дом властей, преступление — их мышеловка»³⁸⁵.

Беспорядок более присущ обществу и его структуре, чем порядок. Социальная структура находится в постоянном изменении. Более того, «стабильный порядок» не только невозможен, но и нежелателен.

Преступление — это «власть отрицать других». Такие человеческие беды, как «преступления», вытекают из отношений неравенства. В современных индустриальных странах Запада зло группируется вокруг следующих различий: экономических

³⁸³ Milovanovic D. Op. cit.

³⁸⁴ Henry S., Milovanovic D. Op. cit. См. также: Сморгунова А. Л. Указ. соч. С. 65—82.

³⁸⁵ Henry S., Milovanovic D. Op. cit. P. 117.

(класс, собственность), политических (власть, коррупция), морально-этических, прав человека, социального статуса (статус, престиж, неравенство), психологического состояния (безопасность, благополучное существование), самореализации/актуализации, биологической целостности и др.³⁸⁶

В целом преступность у постмодернистов — это ограничение властью индивида в его стремлении вести себя иначе, нежели предписывается властью (посредством уголовного закона). Интересно, что отнюдь не постмодернист А. И. Долгова, как уже упоминалось, определяет преступность как «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»³⁸⁷.

Культуральная криминология представляется одним из последних достижений мировой криминологической теории. Нельзя сказать, что ее положения абсолютно оригинальны. Но важно, что преступность еще и еще раз воспринимается как элемент культуры, со всеми вытекающими следствиями.

Для лучшего понимания идей культуральной криминологии следует напомнить, что «культура» выступает здесь не в привычном для российского читателя исключительно «позитивном» смысле, как нечто положительное, включающее достижения мировой (национальной) цивилизации, науки и искусства (отсюда бытовизмы: «культурный человек», «высокая культура», «культурное поведение»), а как способ существования общественного человека³⁸⁸.

Д. Гарланд (David Garland), не относясь, строго говоря, к постмодернистам, продолжает линию М. Фуко, исследуя роль власти в определении стратегии социального контроля³⁸⁹. Д. Гарланд увязывает социальные изменения последних десятилетий, сконцентрированные в изменяющейся культуре, новые вызовы среднего класса, испытывающего страх перед преступностью (*fear of crime*) с противоречивой политикой властей. С одной стороны, это адаптивная стратегия (*adaptive strategy*) с приоритетами превенции и партнерства (разновидностью является концепция

³⁸⁶ Lanier M., Henry S. Op. cit. P. 283.

³⁸⁷ Долгова А. И. Преступность, ее организованность ... С. 7.

³⁸⁸ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969 ; Его же: Теория культуры и современная наука : (логико-методологический анализ). М., 1983.

³⁸⁹ Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40, № 3. P. 347—375 ; Garland D. The Culture of Control. 2001.

community policing, в которой полиция представлена как сервисная служба, содержащаяся на деньги налогоплательщика и призванная предоставлять услуги населению по его защите от преступлений³⁹⁰). С другой, — это стратегия «суверенного» полномочного государственного контроля (*sovereign state strategy*) и жесткого, «экспрессивного» наказания³⁹¹.

Культуральную криминологию, наряду с работами Д. Гарланда, развивают Дж. Янг³⁹², а также Дж. Феррел, К. Хейворд и др. В самом общем виде культуральная криминология есть рассмотрение преступности и контроля над ней в контексте культуры, взгляд на преступность и агентов контроля как на культуральные продукты, созданные конструкции (*as creative constructs*)³⁹³. В этом отношении культуральная криминология есть дальнейшее углубленное развитие современных конструктивистских идей «сотворенности» социальных феноменов (преступности, проституции, коррупции, терроризма, наркотизма и др.).

Тенденциями современной культуры, влекущими криминологически значимые последствия, являются фрагментаризация общества с увеличением числа субкультур, углубление социально-экономического неравенства, консьюмеризация ценностей и морали («общество потребления»), динамичность перемещения людей в пространстве (соответственно, смешение культур), усиление репрессивного сознания (прежде всего среднего класса), репрессивность власти. Культуральная криминология по сути является мультидисциплинарной концепцией, сочетающей исследование культуры, урбанистики, философии, постмодернистской критической теории, антропологии и др. Это одна из современных криминологических интегративных теорий. Важно, что для культуральной криминологии порождением культуры являются как преступность, так и средства, методы социального контроля над преступностью. Может быть поэтому в европейских странах нет смертной казни (кроме Белоруссии), она, к сожалению, присутствует в ряде штатов США, активно применяется в странах арабского мира, а в Китае ежегодно казнят тысячи осужденных.

³⁹⁰ Skogan W., Hartnett S. *Community Policing*, Chicago Style. 1997.

³⁹¹ Garland D. *The Culture of High Crime Societies* ... P. 348.

³⁹² Ferrel J., Hayward K., Young J. *Cultural Criminology*. 2008 ; Young J. *The Vertigo of Late Modernity* ... ; *The Oxford Handbook of Criminology*. P. 102—121.

³⁹³ *The Oxford Handbook of Criminology*. P. 102.

Даже далеко не полный анализ развития мировой криминологии за последние десятилетия позволяет сделать ряд выводов.

1. Большинство криминологов не сомневаются в социальной природе преступности и рассматривают ее как продукт общества, культуры, а криминологию — как социологию преступности.

2. Преступность, как и иные социальные феномены, суть социальные конструкты, «конструируемые» законодателем отчасти в соответствии с реальной общественной опасностью тех или иных деяний, отчасти — выполняя политические интенции и предпочтения властных структур, политических режимов.

3. Все чаще криминологами исследуется преступность как одна из разновидностей девиантности, наряду с иными правонарушениями (административные, гражданско-правовые деликты), а также наркотизмом, суицидом, проституцией, злоупотреблением алкоголем и иными негативными девиантными проявлениями.

4. Дальнейшее развитие, включая результаты новейших эмпирических исследований, получают теории, усматривающие основную причину преступности и отдельных ее видов в самой структуре общества, в социально-экономическом неравенстве, в культуре как способе существования конкретных обществ.

5. Криминология выделяет и все более пристально изучает такие относительно «новые» криминальные явления, как «преступления ненависти», компьютерные преступления (киберпреступность).

6. В течение последних двух десятилетий все больше внимания уделяется проблемам социального контроля над преступностью. Традиционные меры, и прежде всего наказание, в полной мере проявили свою неэффективность. Превенция, на которую возлагалось столько надежд, тоже далеко не всегда эффективна³⁹⁴.

А вот каким видит будущее криминологии Пол Рок (Paul Rock) — один из авторов престижного *The Oxford Handbook of Criminology* (2007 г.)³⁹⁵, проанализировав такие теории, как радикальная криминология, функционалистская криминология, теория субкультур, теории рационального выбора и др. Впрочем, пишет он, криминология остается дисциплиной, которая

³⁹⁴ Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегия предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995 ; Lab S. *Personal Opinion : Alice in Crime Prevention Land* (With Apologiesto Lewis Carrol) // *Security Journal*. 1999. Vol. 12, № 3. P. 67—68.

³⁹⁵ *The Oxford Handbook of Criminology*. P. 34—36.

не препятствует интеллектуальному строительству систем. В частности, и неомарксистские теории, и феминистские не исключают свою причастность науке криминологии.

Во-вторых, криминология претендует на звание «мрачной науки». Пророчества криминологического будущего окрашены в мрачные тона. «Криминологи не профессиональные оптимисты», — замечает П. Рок³⁹⁶.

В-третьих, растущее влияние государства и государственного финансирования, особенно в США, будут оказывать воздействие на содержание и форму криминологии, как научной дисциплины. При этом возрастает роль количественных исследований в криминологии.

В-четвертых, преступления носят выраженный гендерный характер. А «интеллектуальный урожай анализа связей между полом и преступлением еще не был полностью исследован», и женщины «входят в тело социологической криминологии» в больших количествах.

Наконец, П. Рок считает, что криминология без более широкого видения социального процесса была бы неполноценна, а социология без концепции нарушения норм и контроля была бы неполной дисциплиной.

Основные тенденции российской криминологии

История отечественной криминологии в соответствии с общественно-политическими условиями, влияющими на ее развитие, может быть несколько условно разделена на несколько периодов:

1) от первых идей (начало XIX в.) до 1917 г. («царский период»);

2) с 1917 г. до начала 1930-х гг. (ранний советский период);

3) с начала 1960-х гг. до конца 1980-х гг. (поздний советский период);

4) с начала 1990-х гг. до наших дней (постсоветский период).

Лакуна с начала 1930-х гг. до начала 1960-х гг. минувшего века образовалась в годы сталинского тоталитарного режима, когда какие бы то ни было труды в области криминологии оказались невозможны.

Развитие российской криминологии до 1917 года характеризуется наличием всех трех основных направлений позитивистской криминологии: биологического (антропологического) — труды Д. А. Дриля, В. Ф. Чижа, С. Н. Данилло и др.; психоло-

³⁹⁶ The Oxford Handbook of Criminology. P. 35.

гического (прежде всего, Л. И. Петражицкий); и социологического (М. Н. Гернет, И. Я. Фойницкий, Х. М. Чарыхов, Е. Н. Тарновский, А. А. Жижиленко и др.). При этом господствующим был социологический подход, включая многофакторный.

Нельзя не отметить либеральные взгляды тогдашней отечественной профессуры по проблемам наказания. М. Н. Гернет, М. В. Духовской, А. А. Жижиленко, И. Я. Фойницкий, а также А. Ф. Кистяковский, П. И. Люблинский, Н. С. Таганцев, В. Д. Спасович и многие другие выступали против жестокости наказания, против смертной казни³⁹⁷. Они отстаивали приоритет предупреждения преступлений путем решения социальных проблем.

В *ранний советский* период еще продолжают основные тенденции развития отечественной криминологии. Активно разрабатывается социологическое направление, проводятся эмпирические исследования. По инициативе М. Н. Гернета в 1918 году создается отдел «моральной статистики» в Центральном статистическом управлении (ЦСУ). Развивается отечественная пенитенциарная криминология (М. Н. Гернет, Е. Г. Ширвиндт, А. Я. Эстрин и др.). Постепенно все большее внимание уделяется изучению «личности преступника», ибо, согласно политической доктрине, в социалистическом обществе не может быть социальных причин преступности.

Сталинский режим привел *de facto* к запрету криминологии, наряду с социологией, генетикой, кибернетикой и другими «буржуазными лженауками». Многие ученые оказались в ГУЛАГе.

С хрущевской «оттепели» начинается постепенное возрождение криминологии. *Поздний советский* период характеризуется, с одной стороны, активизацией криминологических исследований. Первые шаги: книги А. Б. Сахарова, А. А. Герцензона, В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Н. Ф. Кузнецовой, А. М. Яковлева; открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963 г.); начало преподавания курса криминологии в МГУ и ЛГУ (1964 г.). Под руководством А. Б. Сахарова в 1970-е гг. проводится первое крупномасштабное (в двух областях — Орловской и Кемеровской) эмпирическое криминологическое исследование социальных условий преступности. Совершенствуются методология и методика эмпирических иссле-

³⁹⁷ Смертная казнь: за и против : сборник. М., 1989.

дований (Г. А. Аванесов, Ю. Д. Блувштейн, С. Е. Вицин, А. В. Добрынин, Г. И. Забрянский и др.).

В Москве на базе ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР проходят криминологические семинары под руководством А. Б. Сахарова, а позднее — А. И. Долговой. С 1987 года начинает функционировать ежегодный Балтийский криминологический семинар, объединивший криминологов Латвии, Литвы, России, Эстонии, и проходящий поочередно в Эстонии, Латвии, Литве, Ленинграде/Санкт-Петербурге. Позднее, с начала 1990-х гг., в этих семинарах принимают участие криминологи других стран: Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Канады, Норвегии, Польши, США, Франции, Чехии.

С другой стороны, все еще сохраняется сильный идеологический пресс. Уголовная статистика «закрыта», писать о социальных причинах преступности в социалистическом обществе не рекомендуется. Результаты эмпирических исследований если и публикуются, то с грифами «секретно» или — в лучшем случае — «для служебного пользования» (ДСП).

Постсоветский период — это время, которое определяет состояние современной российской криминологии и закладывает основы ее дальнейшего развития (прогресса/регресса). С нашей точки зрения, он включает два этапа.

Первый этап — конец 1980-х—начало 2000-х гг. — отличается бурным развитием криминологии. Благодаря горбачевской «Перестройке» впервые за много лет появилась возможность свободно, без оглядки на «партию и правительство», без цензурных ограничений проводить исследования, публиковать их результаты, отстаивать собственную научную позицию.

Появился доступ к уголовной статистике. В 1990 и 1991 гг. выходят первые статистические сборники «Преступность и правонарушения в СССР» со статистическими данными по каждой республике и в целом по СССР начиная с 1961 года. В 1992 году в Российской Федерации выходит первый статистический сборник «Преступность и правонарушения».

Стало возможным проводить полноценные эмпирические криминологические исследования, в том числе компаративистские с зарубежными партнерами. В 1991 году выходят из печати материалы комплексных исследований преступности в Эстонии³⁹⁸ и Ленинграде³⁹⁹. Г. И. Забрянский (Москва) проводит се-

³⁹⁸ Leps A. Kuritegevus Eestis. Tartu, 1991 (на эстонском, английском и русском языках).

рию фундаментальных эмпирических исследований преступности несовершеннолетних, результаты которых отражены в ряде монографий⁴⁰⁰. Петербургские ученые (В. Афанасьев, Я. Гилинский) принимают участие в многолетнем сравнительном международном исследовании преступности и других девиантных проявлений в странах Балтийского региона. Результаты изложены в серии публикаций⁴⁰¹.

В начале 1990-х гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области по заданию ГУВД предпринимается комплексное эмпирическое исследование тяжких насильственных преступлений с анализом статистики, изучением материалов уголовных дел, опросом осужденных за указанные преступления и психологическим тестированием этих осужденных. В Санкт-Петербурге на протяжении ряда лет проводились эмпирические исследования организованной преступности. При этом исследователи брали многочисленные интервью у сотрудников бывшего Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП), Управления собственной безопасности (УСБ), бизнесменов и членов преступных группировок, «перепроверяя» полученные из различных источников данные. Результаты исследований публиковались в отечественных и зарубежных изданиях⁴⁰².

Серия исследований организованной преступности, коррупции, экономических преступлений осуществлялась под руковод-

³⁹⁹ Аврутин Ю. Е., Гилинский Я. И. Указ. соч.

⁴⁰⁰ Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997 ; Его же: Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. М., 2000 ; Его же: Криминология несовершеннолетних. М., 2013 ; Забрянский Г. И., Емельянова Л. В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году. Аналитический обзор. М., 2000.

⁴⁰¹ Social Problems around the Baltic Sea. Helsinki, 1992. № 21 ; Social Problems in Newspapers. Studies around the Baltic Sea. Helsinki, 1994. № 28 ; Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. A Study around the Baltic Sea. Helsinki, 1998. № 35 ; Public Opinion on Social Problems. A Survey around the Baltic Sea. Helsinki, 1998. № 36 ; Statistics on Alcohol, Drugs and Crime in the Baltic Sea Region. Helsinki, 2000. № 37.

⁴⁰² Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002. (2-е изд.: СПб., 2009; 3-е изд.: СПб., 2014), а также: Gilinskiy Y. Organized Crime : A Perspective from Russia // Organized Crime : World Perspectives / eds. J. Albanese, D. Das, A. Verma. 2003. P. 146—164 ; Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish Artel to Criminal Corporation : The History of Organised Crime in Russia // Organised Crime in Europe : Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond / eds. C. Fijnaut, L. Paoli. 2004. Vol. 4. P. 181—202 ; и др.

ством профессоров А. И. Долговой (Москва), Н. А. Лопашенко (Саратов), В. А. Номоконова (Владивосток), А. Л. Репецкой (Иркутск). Большое эмпирическое исследование наркопотребления и наркопреступности было проведено в Татарстане под руководством профессора Ю. Ю. Комлева⁴⁰³.

В 2004—2005 гг. в пяти регионах России (Санкт-Петербург, Псков, Нижний Новгород, Республика Коми, Чита) осуществлялось эмпирическое исследование применения пыток в правоохранительных органах. Результаты исследования были опубликованы⁴⁰⁴. Фундаментальное исследование латентной преступности за 2001—2009 гг. проведено под руководством профессора С. М. Иншакова (Москва)⁴⁰⁵.

Российские криминологи начали принимать участие в международных конференциях и конгрессах и приглашать зарубежных коллег на российские встречи. Так, с 2001 года в различных европейских странах проходят ежегодные конференции Европейского общества криминологов. На всех прошедших пятнадцати конференциях выступали российские ученые. Участвовали отечественные криминологи и в работе Мировых криминологических конгрессов (Сеул, Рио-де-Жанейро, Барселона, Кобе). В свою очередь, в работе международных конференций, организованных в России, принимали участие коллеги из стран Европы, США, Японии.

На основе анализа статистики, результатов эмпирических исследований, знакомства с зарубежными работами отечественные криминологи создают фундаментальные труды, отражающие достижения отечественной криминологии⁴⁰⁶.

⁴⁰³ Комлев Ю. Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань, 2005 ; Комлев Ю. Ю., Садыкова Р. Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. Казань, 2003.

⁴⁰⁴ Социология насилия: произвол правоохранительных органов глазами граждан. Н. Новгород, 2007.

⁴⁰⁵ Латентная преступность в Российской Федерации. 2001—2006 / под ред. С. М. Иншакова. М., 2007 ; Теоретические основы исследования ...

⁴⁰⁶ Долгова А. И. Преступность, ее организованность ... ; Забрянский Г. И. Криминология несовершеннолетних. М., 2013 ; Квашис В. Е. Смертная казнь : Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., 2008 ; Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного периода. М., 2002 ; Его же: Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003 ; Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009 ; Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии ; Лунеев В. В. Преступность XX века ... ; Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008 ; Яковлев А. М. Социология преступности (криминология). Основы общей теории. М., 2001 ; и др., включая упомянутые труды Я. И. Гилинского.

Второй этап — с середины 2000-х гг.—до настоящего времени наблюдается накопление трудностей в развитии криминологии. Отсутствуют публикуемые и доступные достаточно полные статистические сведения о преступности, ее видах, в разрезе российских регионов, о жертвах преступлений и т. п., хотя бы в рамках ранее известных статистических сборников «Преступность и правонарушения». Без полных и доступных данных уголовной статистики невозможен криминологический анализ и прогноз изменений преступности и ее видов. Парадоксально, но статистика преступности зарубежных стран намного доступнее и полнее российской⁴⁰⁷.

Существенно затруднено проведение эмпирических криминологических исследований. Отсутствуют заказ, финансирование, достаточное количество квалифицированных кадров, коллективов, имеющих опыт проведения таких исследований. Следует подчеркнуть, что отсутствие бюджетного финансирования в вузах и институтах РАН и отток молодых талантливых специалистов теснейшим образом взаимосвязаны. Между тем свыше 90 % всех докладов иностранных коллег на международных конференциях и конгрессах основаны на анализе результатов национальных или международных эмпирических исследований. Без них невозможно проверить, подтвердить или опровергнуть те или иные теоретические положения.

Резко сократилось участие российских криминологов в зарубежных конференциях и конгрессах, а также участие иностранных коллег на российских конференциях. И это не удивительно, так как прекращено (за редким исключением) бюджетное финансирование зарубежных научных поездок российских ученых. Значительно реже, чем раньше, иностранные коллеги приглашаются на конференции в Россию. Практически отсутствуют и компаративистские исследования совместно с иностранными коллегами. Между тем изоляционизм противопоказан любой науке.

Конечно, научная деятельность в области криминологии не прекратилась, но она ограничивается в основном написанием статей, учебников, монографий и преподавательской деятельностью. Отечественная криминология, бурно развивавшаяся в 1990-е гг. и

⁴⁰⁷ International Statistics on Crime and Justice ... ; Home Office Statistical Bulletin. L., 2013 ; Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2014. Wiesbaden, 2015.

в первой половине 2000-х гг., начинает существенно отставать в своем развитии.

Предпринятый краткий анализ истории и настоящего российской криминологии позволяет сделать два противоречивых вывода.

С одной стороны, отечественная криминология имеет необходимую теоретическую и кадровую базу для дальнейшего развития. При всех сложностях современного этапа подготовки квалифицированных кадров через систему магистратуры и аспирантуры, при отсутствии материальной заинтересованности молодых специалистов в самореализации в научной деятельности, есть молодые криминологи, проявляющие задатки и качества настоящего ученого.

С другой стороны, резкое ограничение номенклатуры публикуемой уголовной статистики, взаимодействия отечественных и зарубежных исследователей, финансовая, материальная непривлекательность труда ученого-криминолога для молодых исследователей при неизбежном старении квалифицированных криминологов старших поколений; политика изоляционизма, противоречащая всем требованиям современного общества, общества постмодерна, приводят к постепенному, но весьма существенно-му отставанию российской криминологии от велений времени, от мейнстрима мировой криминологической мысли.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абадинский Г. Организованная преступность / Г. Абадинский. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2002. — 688 с.
2. Аванесов Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии : монография / Г. А. Аванесов. — Москва : ЮНИТИ, 2012. — 304 с.
3. Бабаев М. М. Молодежная преступность : монография / М. М. Бабаев, М. С. Крутер. — Москва : Юрист, 2006. — 384 с.
4. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль : монография / Я. И. Гилинский. — 3-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2014. — 574 с.
5. Гилинский Я. И. Очерки по криминологии / Я. И. Гилинский. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 140 с.
6. Жалинский А. Э. Избранные труды. В. 4 т. Т. 1. Криминология / А. Э. Жалинский. — Москва : Издат. дом высш. школы экономики, 2014. — 698 с.
7. Жижек С. О насилии / С. Жижек. — Москва : Европа, 2010. — 182 с.
8. Забрянский Г. И. Криминология : избр. ст. / Г. И. Забрянский. — Москва : Граница, 2013. — 564 с.
9. Забрянский Г. И. Методика статистического изучения преступности : (введение в криминологическую статистику) : [учеб. пособие] / Г. И. Забрянский. — Москва : Граница, 2010. — 108 с.
10. Лопашенко Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. — Москва : Wolters Kluwer, 2009. — 580 с.
11. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. / В. В. Лунеев. — Москва : Юрайт, 2011. — 2 т.

12. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Wolters Kluwer, 2005. — 870 с.
13. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета : монография / С. А. Маркунцов. — Москва : Юриспруденция, 2015. — 560 с.
14. Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии / С. Г. Ольков. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2006. — 262 с.
15. Ромашов Р. А. Тюрма как «Град земной» / Р. А. Ромашов, Е. Н. Тонков. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. — 656 с.
16. Скифский И. С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование : монография / И. С. Скифский. — Тюмень : Вектор-Бук, 2007. — 276 с.
17. Старков О. В. Криминальная субкультура : спецкурс / О. В. Старков. — Москва : Wolters Kluwer, 2010. — 234 с.
18. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С. М. Иншакова. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. — 840 с.
19. Топильская Е. В. Криминология организованной преступности : в 2 т. / Е. В. Топильская. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 2 т.
20. Юзиханова Э. Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации / Э. Г. Юзиханова. — Тюмень : ТЮИ МВД РФ. — 276 с.

Учебное издание

Яков Ильич ГИЛИНСКИЙ,
доктор юридических наук, профессор

Юлия Владимировна МОРОЗОВА,
кандидат юридических наук

Полина Викторовна ФЕДЫШИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Учебное пособие для магистратуры

Редактор *О. А. Хропина*
Компьютерная верстка *Е. А. Меклиш*

Подписано в печать 28.12.2016. Формат 60х90/16.
Печ. л. 12,0. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—90).
Заказ 2273.

Редакционно-издательская лаборатория
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44